

- [Гарди Томас](#)

○

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гарди Томас

Под деревом зеленым или

Меллстокский хор

Томас Гарди

Под деревом зеленым или Меллстокский хор

Сельские картинки в духе голландской школы

Перевод Р. Бобровой (вступление, части I-II) и Н. Высоцкой (части III-IV)

ВСТУПЛЕНИЕ

Герои этого романа о старинном меллстокском хоре и его музыкантах, так же как и подобные персонажи в "Старинных характерах" и "Двое на башне" списаны с натуры. Я стремился по возможности правдиво рассказать о сельских оркестрах, повсеместно распространенных у нас в деревнях лет пятьдесят шестьдесят тому назад, о нравах и обычаях сельских музыкантов.

Сейчас на смену церковным оркестрам пришли орган (поначалу это часто был даже не орган, а шарманка) или фисгармония, о чем многие склонны сожалеть; хотя священникам, несомненно, удобнее иметь дело с одним музыкантом, нежели с целым оркестром, это нововведение сплошь и рядом имело последствия, прямо противоположные ожидаемым, ослабив, а иногда и полностью погасив интерес прихожан к церкви и ее делам. Прежде человек шесть-десять взрослых музыкантов и большая группа певчих, мальчиков и юношей, отвечали за музыкальную часть воскресной службы и старались угодить художественному вкусу прихожан. Сейчас же, когда музыкальное сопровождение почти везде отдано на откуп жене или дочери священника или учительнице и

школьникам, утеряно немаловажное средство объединения интересов.

Охота, как известно, пуще неволи, и эти музыканты не считали для себя обременительным после трудовой недели каждое воскресенье, в любую погоду, пешком идти в церковь, от которой зачастую жили довольно далеко. Вознаграждение за свои труды они получали самое мизерное, и посему можно с полным основанием сказать, что старались они из чистой любви к искусству. В том приходе, который я имел в виду, когда писал этот роман, музыканты получали вознаграждение раз в год на рождество, причем в следующем размере: помещик давал десять шиллингов и устраивал ужин; священник - десять шиллингов; фермеры по пяти шиллингов; с каждого дома полагалось по одному шиллингу. Всего на человека приходилось не более десяти шиллингов в год. Этой суммы, как рассказывал мне один старый музыкант, едва хватало на струны для скрипок, починку инструментов, канифоль и нотную бумагу, которую они в большинстве случаев линовали сами. Ноты они переписывали от руки по вечерам и сами переплетали в тетради.

В тех же тетрадях, только с конца, обычно записывали танцевальные мелодии и песни. Тетрадь постепенно заполнялась с начала и с конца, и мирская и духовная музыка сходились где-то посередине. В результате рядом с религиозным псалмом оказывалась какая-нибудь разудалая песенка, отличавшаяся той свободой выражений, которая была так по сердцу нашим дедам, а возможно, и бабкам, и которая нынче почитается неприличной.

Вышеупомянутые струны, канифоль и нотная бумага приобретались у разносчика, который торговал исключительно музыкальным товаром и наведывался в каждый приход примерно раз в полгода. До сих пор рассказывают историю о том, в какое смятение пришли

скрипачи, подготовившие к рождеству новый псалом, когда этот разносчик, задержанный метелью, не явился в предполагаемый срок и им пришлось заменить струны жилами. Обычно этот разносчик сам был музыкантом, а иногда даже и сочинял музыку для псалмов и каждый раз приносил новые мелодии и предлагал их хору на пробу. Передо мной лежат несколько таких сочинений с характерными для них повторами строк, слов и слогов, фугами и переходами. Некоторые из этих псалмов весьма благозвучны, хотя их вряд ли включают в сборники, которыми пользуются ныне в церквях, посещаемых высшим обществом.

Август 1896 года

Роман "Под деревом зеленым" впервые появился на свет в виде двухтомника в 1872 году. Первоначально я собирался назвать его "Меллстокский хор", что больше соответствовало бы его содержанию. В дальнейших изданиях я добавил такой подзаголовок, поскольку менять заглавие, под которым книга стала впервые известна читателям, было нецелесообразно.

С тех пор прошло много лет, и сейчас, когда я заново перечитываю роман, мне, естественно, представляется, что жизненный материал, положенный в его основу, заслуживает гораздо более серьезного подхода и историю этой маленькой группы церковных музыкантов не следовало преподносить в виде легкой комедии, а порой даже фарса. Но когда я его писал, более глубокое и серьезное толкование этой темы было неуместно. Таким образом, эта книга останется единственным описанием меллстокского хора, если не считать мимолетных зарисовок, попадающихся в некоторых моих стихах.

Апрель 1912 года

Т. Г.

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

ЗИМА

I

ДОРОГА В МЕЛЛСТОК

Тому, кто вырос в лесу, каждое дерево знакомо не только по внешнему виду, но и по голосу. Когда налетает ветер, ель явственно стонет и всхлипывает, раскачиваясь под его порывами; падуб скрежещет, колотя себя ветками по стволу; ясень словно шипит, весь дрожа; бук шелестит, вздымая и опуская свои плоские ветви. Даже зима, хоть она и приглушает голоса тех деревьев, которые сбрасывают листву, не лишает их своеобразия.

Морозной и звездной ночью под рождество лет тридцать - сорок тому назад по лесной дороге, ведущей к меллстокскому перекрестку, шел человек, отчетливо различавший голос каждого из шептавшихся вокруг него деревьев. О нем самом свидетельствовал лишь звук шагов, легких и быстрых, да веселый голос, звучно распевавший деревенскую песенку:

С розами, с гвоздикой,

С дикой повиликою

Девушки и парни стричь овец идут... {*}

{* Стихи в первом романе переведены И. Гуровой.}

Пустынная дорога, по которой он шел, соединяла одну из деревушек меллстокского прихода с Верхним Меллстоком и Льюгейтом. Когда он поднимал глаза, черно-серебристые березы с метелками сучьев, светло-серые ветви бука и изрезанный черными бороздами вяз - все они рисовались плоскими черными контурами на фоне неба, усыпанного трепетавшими, как мотыльки, белыми звездами. На самой дороге, если смотреть немного ниже горизонта, было черно, как в могиле. Деревья по обе стороны дороги росли так густо, что даже в это время года их переплетенные ветви смыкались сплошной стеной, не пропуская ни малейшего ветерка с боков и предоставляя северо-восточному ветру свободно мчаться по этому коридору.

Возле меллстокского перекрестка лес кончался; дальше дорога белела между темными рядами живой изгороди, словно лента, изрезанная по краям; зубцы эти получались от скоплений палой листвы, которую намело из канав, тянувшихся по обеим сторонам дороги.

Выйдя на опушку, веселый путник услышал с тропинки, уходящей вправо, к Нижнему Меллстоку, громкое "эге-гей!" и оборвал свою песню (он и до этого неоднократно умолкал на несколько тактов, увлеченный мимолетной мыслью, а затем подхватывал песню с того места, до которого допел бы, если бы не было никакого перерыва).

- Эге-гей! - отозвался он, останавливаясь и оглядываясь, хотя не предполагал увидеть кричавшего и мог лишь представить его себе мысленно.

- Это ты, Дик Дьюи? - донеслось из темноты.

- Я и есть.

- Ну, так подожди наших - знаешь ведь, что мы все к вам идем!

Дик повернулся лицом к лесу и продолжал тихонько насвистывать, давая понять, что дружба дружбой, а песня тоже дело немаловажное.

Теперь, когда он стоял на открытом месте, его профиль отчетливо рисовался на светлом небе, словно силуэтный портрет, вырезанный из черного картона. Видны были шляпа с низкой тульей, обыкновенной формы нос, обыкновенный подбородок, обыкновенная шея и обыкновенные плечи. Здесь светлый фон кончался, и ниже ничего уже нельзя было разглядеть.

Теперь уже совсем близко послышалось шуршанье листвы под ногами людей, медленно, с остановками поднимавшихся в гору, и минуту спустя из-за деревьев показались, один за другим, пять человек разного возраста и с разными походками. Все они были жителями меллстокского прихода. В ночном мраке их фигуры тоже утратили свою объемность и казались

плоскими силуэтами, напоминая процессию на каком-нибудь греческом или этрусском сосуде. Это был основной состав меллстокского приходского хора.

Первый из них нес под мышкой скрипку и так сильно горбился на ходу, что казалось, будто он старательно изучает дорогу под ногами. Это был Майкл Мейл, который окликнул Дика.

За ним следовал мистер Пенни, сапожных дел мастер; низенький, с покатыми плечами, он тем не менее держался так, словно ничего не знал о недостатках своего телосложения: он шел, выпятив грудь, откинув голову и устремив взор вверх, на северо-восточную часть небосвода, вследствие чего нижние пуговицы его жилета первыми устремлялись вперед. Лица его не было видно, но когда он оглядывался, там, где полагалось быть глазам, на секунду загорались бледным светом две маленькие луны, из чего можно было заключить, "что он носил круглые очки.

Третьим выступал Элиас Спинкс, прямой, как жердь, и исполненный невыразимого достоинства. Четвертый силуэт принадлежал Джозефу Боумену, и в нем не было никаких отличительных признаков, кроме принадлежности к человеческому роду. Позади, спотыкаясь, трусила какая-то хилая тень; одно плечо у нее было выставлено вперед, голова клонилась влево, руки болтались на ветру, словно пустые рукава. Это был Томас Лиф.

- А где же певчие? - спросил Дик, обращаясь ко всей этой довольно пестрой компании.

Старший из музыкантов, Майкл Мейл откашлялся.

- Мы им велели не торопиться. Они нам сейчас, думаю, не понадобятся, а мы пока подберем псалмы и все такое.

- Отец и дед Уильям давно уж вас поджидают. А я вот вышел поразмяться.

- Ясно, поджидают. Само собой, отец нас ждет не дождется - почать свой знаменитый бочоночек. Такого, говорит, сидра вы сроду не пробовали.

- Вот так штука! А я про это и слыхом не слыхал! - воскликнул мистер Пенни, радостно сверкнув очками.

Дик между тем продолжал напевать:

Девушки и парни стричь овец идут.

- Ну как, соседи, найдется время опрокинуть по стаканчику? - спросил Мейл.

- Да времени хватит хоть в дым напиться! - весело отозвался Боумен.

Признав сей резон убедительным, все двинулись дальше, изредка спотыкаясь о кучки засохшей листвы. Вдоль дороги тянулись ряды живой изгороди, там и сям возвышались деревья. Вскоре впереди засветились редкие огоньки - это показалась деревушка Верхний Меллсток, куда они держали путь, а со стороны приходов Лонгпадл и Уозербери, расположенных по ту сторону холмов, ветер донес слабые отзвуки рождественских колоколов. Открыв калитку, гости направились по садовой дорожке к дому Дика.

II

У ВОЗЧИКА

Это был длинный приземистый дом с двухскатной соломенной крышей и низко посаженными слуховыми окнами; посреди конька торчала одна труба и две других по краям. Ставни еще не закрыли, и свет из окон падал на кусты самшита и лаурустинуса и на оголенные ветви нескольких кособоких яблонь, потерявших свою естественную форму оттого, что смолоду их приучали расти шпалерами, а в более поздние годы по их ветвям бесцеремонно лазали дети. Стены дома почти сплошь закрывали вьющиеся растения, и их переплетенные стебли были раздвинуты только над входной дверью, которая за долгие годы службы вся поистерлась и осела и при дневном свете напоминала старую замочную

скважину. Немного в стороне от дома стоял деревянный сарайчик, изо всех щелей и дыр которого струился свет, отчего казалось, что за этими стенами скрывается что-то необычайно заманчивое, тогда как на самом деле там складывали всякий немудрящий скарб. Время от времени оттуда доносились удары кувалды по клину и треск раскалываемых дров; из строения чуть подалее слышалось мерное жевание и шорох запутавшейся веревки, - там, по-видимому, помещалась конюшня, где только что задали корм лошадям.

Музыканты по очереди потопали ногами о каменный порог, чтобы стряхнуть землю и приставшие к подошвам листья, затем вошли в дом и огляделись. В маленькой комнатке направо, дверь в которую была растворена и которая представляла собой нечто среднее между чуланом и кладовой, они увидели отца Дика. Рейбин Дьюи, по роду занятий возчик, был дородный, краснолицый мужчина лет сорока; при первом знакомстве с человеком он мерял его взглядом с головы до пят, а разговаривая с приятелями, глядел, улыбаясь, куда-то в пространство; ходил он степенно, раскачиваясь всем туловищем и сильно выворачивая носки. Сейчас он возился в чулане с бочкой, которая уже стояла на табурете, где ее было удобней буравить, и не только не обернулся, но даже не поднял глаз на гостей, узнав в них по походке давно поджидаемых старых приятелей.

Стены главной комнаты налево от дверей были украшены ветками падуба и другой зелени, а посреди нее к потолочной балке был подвешен невероятных размеров пук омелы, спускавшийся так низко, что взрослому человеку, если он не хотел запутаться в ветках волосами, нужно было обходить его стороной. В комнате находилась жена возчика миссис Дьюи и четверо детей: Сьюзен, Джим, Бесси и Чарли - в возрасте от шестнадцати до четырех лет; все они

появились на свет через равные, хотя и довольно длительные, промежутки времени, и старшую из них, Сьюзен, отделял от первенца Дика примерно такой же промежуток.

Малыша Чарли перед самым приходом гостей что-то, по-видимому, сильно огорчило, и сейчас он держал перед собой маленькое зеркальце, которое машинально схватил со стола, и ревел, глядя в него и время от времени прерывая свои вопли, дабы запечатлеть в памяти и по достоинству оценить какое-нибудь особенно поразившее его выражение. Бесси стояла, прислонившись к стулу, и разглядывала материю в глубине широких складок своего клетчатого платья, где еще сохранились яркие краски; на лице ее было написано горькое сожаление, что материя вылиняла как раз в тех местах, которые видны. Миссис Дьюи сидела на коричневой деревянной скамейке возле горящего камина; камин источал такой жар, что время от времени она вставала и, озабоченно поджав губы, трогала подвешенные над огнем свиные окорока и грудинку, дабы убедиться, что они действительно коптятся, а не жарятся - такая беда не раз случалась на рождество.

- Здорово, ребятки, пришли, значит, - сказал наконец Рейбин, выпрямляясь и шумно переводя дух. - Как постоишь, нагнувшись, так вся кровь к голове приливает. А я только было собрался выйти за ворота послушать, не идете ли вы.

Затем он взял медный кран и стал бережно обматывать его конец полоской просмоленной бумаги.

- Вот это сидр так сидр, - продолжал он, похлопывая по бочонку, первостатейный сидр из лучших отборных яблок - сэнсом, стаббард, файвкорнерз, - небось знаешь эти сорта, Майкл? (Майкл кивнул.) Да еще добавили тех, что растут у забора, - такие с полосками. Мы их зовем полосатыми, а как они на самом деле называются - бог

их ведает. Из них сидр, даже если водой разбавить, получается лучше, чем у других без воды.

- Ну, без воды, почитай, не бывает, - вставил Боумен.
- Дождь, дескать, шел, когда яблоки выжимали, вот вода и попала. Только это все отговорки. Просто повелось у нас доливать воду в сидр.

- Да, повелось, а зря, - сокрушенно заметил Спинкс с таким отрешенным выражением лица, точно речь шла о какой-то отвлеченной материи, а не о стоящем у него перед глазами бочонке. - Такой жалкий напиток только глотку дерет - где ему согреть кровь.

- Заходите, заходите да присаживайтесь к огню - хватит уж ноги вытирать, - воскликнула миссис Дьюи, видя, что все, кроме Дика, принялись шаркать ногами по половику. - Вот хорошо, что вы наконец пришли. Сьюзен, сбегай к Граммеру Кейтсу, - может, у них есть свечи потолще этих. Да ты не стесняйся, Томми Лиф, иди садись па скамейку.

Последние слова были обращены к уже упомянутому юноше, который представлял собой скелет в балахоне и отличался чрезвычайной неловкостью в движениях; последнее объяснялось, по-видимому, тем, что он необыкновенно быстро рос, - не успевал он привыкнуть к своему росту, как уже вытягивался еще больше.

- Хи-хи-хи, да-да, - осклабился Лиф, выставив напоказ все свои зубы, да так и забыв убрать с лица улыбку после того, как мысленно уже кончил улыбаться.

- А вы, мистер Пенни, - продолжала миссис Дьюи, - садитесь сюда, на стул. Ну как ваша дочка миссис Браунджон?

- Ничего как будто. - Мистер Пенни поправил очки, сдвинув их на четверть дюйма вправо. - Но, видно, придется ей потерпеть - до конца еще далеко.

- Ах, бедняжка! И который же это у нее - четвертый или пятый?

- Пятый - троих они похоронили. Подумать только - пятеро детишек, а сама-то совсем еще девчонка. Как говорится, только успевай считать. Ну, значит, так суждено, ничего тут не поделаешь.

- А где ж это дедушка Джеймс? - обратилась миссис Дьюи к детям, оставив мистера Пенни. - Он ведь обещался заглянуть к нам сегодня.

- Он в сарае с дедушкой Уильямом, - ответил Джим.

- Ну-с, посмотрим, что у нас с тобой получается, - доверительным тоном промолвил возчик, снова нагибаясь к бочке и примериваясь вырезать затычку.

- Только поаккуратней, Рейбин, а то опять зальешь весь дом! - крикнула ему со своего места миссис Дьюи. - Я бы сотню бочек открыла и не пролила столько сидра понапрасну, сколько ты проливаешь из одной. Если уж ты взялся за бочку, так и жди, что сейчас пойдет хлестать. Никакой у него сноровки нет - что по дому ни сделает, все не слава богу.

- Верно, верно, Энн, ты бы и сотню бочек мигом открыла, а то, может, и две сотни. А я за себя не поручусь. Бочка старая, дерево у затычки подгнило. Сэм Лоусон, старый мошенник, - хоть и нехорошо говорить о покойнике плохо, провел меня с этой бочкой. Рейб, говорит (бедняга звал меня просто Рейб), так вот, значит, Рейб, говорит он, эта бочка все равно что новая, да-да, не уступит новой. Это - винная бочка. Самый что ни на есть лучший портвейн держали в этой бочке, а я тебе ее отдаю за десять шиллингов, Рейб, хоть она стоит двадцать, а то и все двадцать пять; а если, говорит, набить на нее пару железных обручей, то за нее и тридцать шиллингов не жаль отдать, ежели кому надо...

- И где у тебя глаза были, когда ты отвалил десять шиллингов за прогнившую винную бочку? Вот уж святая

простота - кто угодно обманет. Ну, да у вас в семье все такие разини.

- Что правда, то правда, - согласился Рейбин.

При этих словах миссис Дьюи невольно улыбнулась, но тут же согнала с лица улыбку и стала приглаживать волосы младшей дочке; возчик же вдруг словно забыл об окружающих и принялся сосредоточенно резать и наворачивать на кран еще один слой просмоленной бумаги.

- Да разве можно верить человеку, который хочет тебе что-то продать? осторожно ввернул Майкл Мейл, стараясь сгладить возникшую неловкость.

- Где там, - подхватил Джозеф Боумен тоном, выражающим готовность согласиться со всем и каждым.

- Н-да, - добавил Майкл, и его тон выражал, что вообще-то он отнюдь не склонен соглашаться со всеми, но на этот раз готов согласиться. - Знавал я одного аукциониста - и неплохой вроде был парень. И вот как-то летом иду я по главной улице Кэстербриджа и за трактиром "Королевский герб" прохожу мимо открытого окна. Заглянул внутрь, а он там стоит на своей подставке и ведет торги. Я ему кивнул, - дескать, добрый день, - и пошел дальше и думать про него забыл. И что же - на другой день выхожу я к сараю почистить башмаки, и вдруг приносят письмо, а в нем счет на перину, одеяла и подушки, что я купил на распродаже мистера Тэйлора. Оказывается, этот пройдоха успел стукнуть молотком, когда я ему кивнул по-приятельски, и все это добро ко мне отошло. Так и пришлось мне за него заплатить! Ну не мошенник, а, Рейбин?

- Мошенник из мошенников, - признали все.

- Само собой, мошенник, - помедлив, подтвердил Рейбин. - А уж сколько я с бочкой Сэма Лоусона, покойника, помучился, сколько обручей на нее набил не

счесть. Вот это мой обруч, - и он показал на обруч локтем, - и этот мой, и этот, и этот, и все эти.

- Да, Сэм был парень не промах, - задумчиво сказал мистер Пенни.

- Ловок, что говорить, - подтвердил Боумен.

- Особенно насчет выпивки, - добавил возчик.

- Человек он был неплохой, только не богобоязненный, - высказался мистер Пенни.

Возчик кивнул. Кран был готов, оставалось только вытащить затычку.

- Ну, Сьюзи, - сказал он, - тащи кружку. С богом, ребятки.

Кран вошел в отверстие, и тут же струя сидра под прямым углом хлестнула из бочки на руки, колени и гетры Рейбина и в глаза и за шиворот Чарли, который, увлекшись происходящим, временно забыл свои горести и, сосредоточенно мигая, сидел на корточках возле отца.

- Ну вот, опять, - сказала миссис Дьюи.

- Пропади все пропадом - и затычка, и бочка, и Сэм Лоусон с ними вместе! Этаким сидр пропадает! - вне себя закричал возчик. - А ну, скорей палец, Майкл! Суй его сюда да держи крепче, а я пойду принесу кран побольше.

- А там ховодно в дыйке? - осведомился Чарли у Майкла, который стоял, нагнувшись, заткнув большим пальцем отверстие в бочке.

- И все-то этому ребенку надо знать! - умиленно воскликнула миссис Дьюи. - Будет теперь допытываться, холодно в бочке или нет, будто интересней этого ничего на свете нет.

Гости изобразили на лицах восхищение такой беспримерной любознательностью и сохраняли это выражение, пока не вернулся Рейбин. На этот раз операция была благополучно завершена. Майкл выпрямился, потянулся всем телом, расправляя

затекшие спину и плечи, и в знак облегчения зажмурился так, что его лицо покрылось сплошной сетью морщин. На стол поставили кувшин с сидром, гости расселись вокруг, широко расставив ноги и задумчиво разглядывая доски стола в поисках какого-нибудь пятнышка ЕЛИ сучка, за который можно было бы зацепиться взглядом.

- Чего это отец мешкает там в сарае? - спросил возчик. - Его бы воля, так он бы всю жизнь только и делал, что старые яблони колот на дрова да играл на виолончели.

Он подошел к двери и выглянул наружу.

- Отец!

- Чего тебе? - слабо донеслось из-за угла.

- Бочку открыли - тебя ждем!

Глухие удары, доносившиеся снаружи, умолкли; мимо окна пронесли фонарь, свет которого косыми лучами скользнул по потолку комнаты, и в дверях показался глава семейства Дьюи.

III

МУЗЫКАНТЫ В СБОРЕ

Уильяму Дьюи, или деду Уильяму, было под семьдесят, но на его обветренном лице все еще цвел румянец полнокровного и здорового человека, напоминавший садовникам солнечный бочок спелого яблока; в то же время узкая полоска кожи на лбу, защищенная от солнца и ветра шляпой, сияла такой благородной белизной, что могла бы принадлежать и горожанину. Старый Уильям был глубоко религиозный человек, по характеру добродушный и покладистый, несколько склонный к меланхолии. Но в глазах соседей он был личностью совсем не примечательной. Если он проходил мимо их окон, когда они были в хорошем настроении, после того как распили бутылочку старого меда или услышали про себя, какие они умные да ловкие, они говорили: "Добрейшая душа, старик Уильям,

а уж до чего прост - совсем как малое дитя". Если же им в этот день не повезло, - скажем, они потеряли шиллинг или полкроны или разбили какую-нибудь плошку, - увидев его, они говорили: "Опять этот блаженный старикашка идет. И зачем только такие люди на свете живут?"

Если же он попадался им в тот день, когда судьба их ничем не порадовала и не огорчила, они лишь замечали, что вот, мол, идет старый Уильям Дьюи.

- Все уже тут, гляжу, - и Майкл, и Джозеф, и Джой, и ты тоже, Лиф! С наступающим вас! Эти дровишки должны славно гореть, Рейб, я с ними порядком намучился. - Уильям с грохотом сбросил возле камина охапку дров и посмотрел на них с невольным уважением, как бы отдавая дань упорному противнику. Входи, дед Джеймс.

Старый Джеймс (дед с материнской стороны) просто пришел в гости. Он был по профессии каменотес и жил один в небольшом домике; поговаривали, что он страшный скаред, а некоторые добавляли, что и неряха, каких не сыскать. Выступив из-за спины деда Уильяма, он прошел к камину, пламя которого ярко осветило его сутулую фигуру. На нем была обычная одежда каменотеса длинный, почти до полу, фартук, плисовые штаны и башмаки с гетрами какого-то белесоватого цвета, выцветшие от постоянного трения об известняк и камень. Кроме того, на нем была жесткая бумазейная куртка, рукава которой топорщились на сгибах складками, напоминая складки кузнечных мехов; выступы складок и другие выпяченные места куртки отличались по цвету от впадин, где скопились отложения каменной и известковой пыли. Огромные боковые карманы, прикрытые широкими клапанами, оттопыривались, даже когда в них ничего не было. Поскольку дед Джеймс часто работал далеко от дома и ему приходилось завтракать и обедать, пристроившись

где-нибудь у печки в чужой кухне, или в саду у забора, или присев на куче камня, а то и просто на ходу, он всегда таскал с собой в карманах маленькую жестяную коробочку с маслом, коробочку с сахаром, коробочку с чаем и завернутые в бумажку соль и перец; основную же еду - хлеб, сыр и мясо - он носил в корзинке за спиной, вместе с молотками и стамесками. Если, вытаскивая из кармана одну из своих коробочек, он встречал любопытствующий взгляд случайного прохожего, дед Джеймс говорил со смущенной улыбкой: "Моя кладовка".

- Надо, пожалуй, перед уходом еще разок повторить семьдесят восьмой, сказал Уильям, кивнув в сторону лежавшей на столике кипы старых сборников рождественских псалмов.

- Что ж, давайте, - отозвались музыканты.

- С семьдесят восьмым придется поканителиться - это уж непременно. С ним всегда бывало много мороки, еще когда я был мальчишкой-певчим.

- Стоит того - хороший псалом, - сказал Майкл.

- Так-то оно так, но все-таки он меня иной раз до того, бывало, доведет, что, кажется, схватил бы и разодрал в клочья. Но псалом хороший, ничего не скажешь.

- Первая строчка еще туда-сюда, - заметил мистер Спинкс, - а как дойдешь до "О человек", тут-то и начинается.

- А вот мы сейчас за него возьмемся и поглядим, что получится. За полчаса мы его одолеем, он у нас будет как шелковый.

- А, черт! - блеснув очками, воскликнул вдруг мистер Пенни, нащупав что-то в глубине своего бездонного кармана. - Вот голова садовая! Мне же надо было зайти по дороге в школу и отдать этот ботинок. И как это я забыл, ума не приложу!

- Ум человеческий имеет свои слабости, - значительно покачав головой, произнес мистер Спинкс. Мистер Спинкс считался человеком ученым и выражался соответственно своей репутации.

- Придется занести его завтра утром. Разрешите, я уж и колодку выну, миссис Дьюи?

Тут он извлек из кармана деревянную колодку и положил ее перед собой на стол. Трое или четверо из присутствующих проследили за ней взглядами.

- А знаете, на чью ногу делалась эта колодка? - продолжал сапожник, видя, что компания проявляет к ней интерес, превысивший его ожидания, и, взяв колодку, поднял ее для всеобщего обозрения. - Я ее сделал для отца Джеффри Дэя, того, что лесником в Иелберийском лесу. Сколько я ему по этой колодке башмаков сшил - не счесть! А когда он умер, колодка пошла для Джеффри, только пришлось чуть-чуть ее подправить. Да, занятная колодка, говорил он, бережно ее поворачивая. - Вот тут, видите (он показал на толстый кусок кожи, прибитый к мизинцу) у него с детства большущая мозоль. А тут (показывая на прокладку, прибитую сбоку) ему лошадь копытом наступила - как только нога цела осталась! Копыто вот сюда пришлось. А сейчас мне Джеффри новую пару заказал, вот я и ходил к нему узнать, не надо ли еще на мозоль прикинуть.

Пока мистер Пенни разглагольствовал, его левая рука, словно без ведома хозяина, подобралась к кружке с сидром; торопливо договорив последние слова, он поднес кружку ко рту, и постепенно почти вся его физиономия скрылась за донышком запрокинутого сосуда.

- Так вот я и говорю, - продолжал мистер Пенни, осушив кружку, - надо мне было зайти в школу, - он опять полез в свой бездонный карман, - отдать этот

ботинок, ну да ладно, наверно, и завтра утром будет не поздно.

Он вынул из кармана и поставил на стол маленький, легкий, изящный ботиночек с починенным каблуком.

- Новой учительницы?

- Ее самой, мисс Фэнси Дэй. Ну и красotka же она, я вам скажу, загляденье. И как раз в пору замуж идти.

Взгляды всех присутствующих сошлись, как спицы у колеса, на стоящем посреди стола ботинке.

- Это какая же Фэнси - уж не дочка ли Джеффри? - спросил Боумен.

- Она и есть, - отвечал мистер Пенни, глядя на ботинок и как бы обращаясь только к нему одному. - Будет теперь у нас учительницей. Слышали небось, что Джеффри посылал дочку в город.

- А чего ж это она на рождество в школе осталась, мистер Пенни?

- Уж не знаю чего, а осталась.

- А я знаю почему, а я знаю, - пискнул кто-то из детей.

- Почему? - заинтересованно осведомился Дик.

- Преподобный Мейболд боится, что ему одному с нами завтра не справиться, вот он и говорил, что она придет раздавать тарелки и посмотреть, чтобы мы не изгваздались. Потому она и не уехала домой.

- Значит, она в этом ботинке завтра в церковь пойдет, - догадливо заключил сапожник. - Не люблю я чинить обувь, которую не сам делал, да отец ее мой старый заказчик, глядишь, и она ко мне еще раз придет.

Ботинок, предназначенный облекать ножку прелестной незнакомки, стоял на столе между кувшином с сидром и свечой, и надо признать, что был он премиленький. Все в нем - гибкий подъем, округлый носок, под которым так и виделись уютно прикорнувшие пальчики, царапины от уже забытых проказ - все по-своему, но убедительно говорило о

красоте и веселом нраве той, которая его носила. Дик смотрел на ботинок с неизъяснимым чувством: ему казалось, что он не имел права этого делать, не спросив разрешения хозяйки.

- И что я вам еще скажу, соседи, - продолжал сапожник, - хоть непривычному глазу этого и не заметить, а мастер сразу скажет, что ботинок с колодкой схожи, хоть в колодке трудно уж признать образ и подобие божье, а ботинок до того аккуратно сработан, что сердце радуется, и в Кэстербридже такая пара стоит никак не меньше десяти с половиной шиллингов. Вам и невдомек, а мне ясно как божий день, что это вот - отец, а это - дочь.

- Очень может быть, что сходство и впрямь есть, мистер Пенни, - сказал Спинкс, - небольшое сходство, так сказать, весьма отдаленное сходство. Но у меня, видно, не хватает воображения, чтобы его усмотреть.

Мистер Пенни поправил очки.

- По этому случаю я расскажу вам одну историю. Ты, верно, знавал молочника Джонсона, Уильям?

- Ну а как же.

- Так вот, случилось это неподалеку от его дома, на берегу пруда, где у него выгон. Иду я себе по тропинке и вдруг вижу, народ толпится: только что из пруда утопленника вытащили. Он полез купаться, да попал на глубокое место, его и накрыло с головой. Людей набежало - видимо-невидимо, но, кто ни подходил смотреть - и мужчины, и женщины, и дети, - опознать его не могли. А когда я подошел, его уже подняли и понесли. Лица утопленника не было видно его накрыли простыней, но только попадись мне на глаза его нога. Тогда я им всем так прямо и заявил: "Не знаю, говорю, как этого человека зовут, но это брат Джона Вудворда: я Вудвордов по ноге всегда узнаю". И как раз подбегает Джон Вудворд, слезы так градом и катятся, криком кричит: "Брат мой утонул! Брат утонул!"

- Подумайте! - заметила миссис Дьюи.

- Что ж, узнать человека по ноге - это дело немалое, - сказал мистер Спинкс. - Тут, я бы даже сказал, голова нужна на плечах. Что же касается меня, я не так много чего знаю - хвастаться не стану, - но покажите мне ногу человека, и я скажу, какое у него сердце.

- Ну тогда умней тебя на свете никого нет, - заметил возчик.

- Не мне судить, - с достоинством ответил мистер Спинкс. - Для того человек и живет, чтоб ума набираться. Возможно, я кое-какие книги и прочел. Не скажу, чтоб много, но кое-что, может, и прочел.

- Да, знаем мы, - примирительно сказал Майкл, - весь приход знает, что ты страх сколько всего перечитал, да и молодежь уму-разуму научил. Ученье большое дело, и если уж есть у нас ученый человек, так это ты, мистер Спинкс.

- Хвалиться я не люблю, хоть, может, мне в жизни и довелось кое-что почитать и кое над чем поразмыслить. Я только одно знаю, - может, это книги меня умудрили, по мне хвастаться ни к чему: к тому времени, как человек всю ученость превзойдет, ему, глядишь, и в могилу укладываться пора. А мне уж сорок пять стукнуло.

И всем своим видом мистер Спинкс показал, что, дескать, если уж он не превзошел всю ученость, то кто ж тогда превзошел.

- Подумать только - узнать человека по ногам! - сказал Рейбин. - А я, ребятки, иной раз и целиком всего человека вижу, а никак не признаю.

- Ну все-таки по виду скорей всего узнаешь, - рассеянно произнес дед Уильям, нацелив глаз на ямку, черневшую среди раскаленных углей в камине, и поводя головой, чтобы поймать на этой линии кончик носа деда Джеймса. - Да, вот что, - продолжал он, оживляясь и поднимая глаза, - надо нам будет сегодня

и в школу зайти - спеть учительнице. Если слух у этой девчурки под стать ее хорошенькому личику, угодить ей будет не просто.

- А какова она лицом? - спросил молодой Дьюи.

- Что ж, - отозвался мистер Спинкс, - с лица ее хулить не приходится. Приятное розовое личико, ничего не скажешь. Однако что такое, в сущности говоря, лицо?

- Чего уж там, Элиас Спинкс, скажи прямо - красotka девушка, и все тут, - вмешался возчик и встал, собираясь еще раз наведаться к бочонку с сидром.

IV

ОТ ДОМА К ДОМУ

В одиннадцатом часу подошли певчие, - дом Рейбина всегда был местом сбора, - и начались приготовления к выходу. Певчие постарше и музыканты надели толстые пальто с жесткими стоячими воротниками, а на шеи намотали цветные косынки, поверх которых виднелись лишь носы и уши, как у людей, заглядывающих через забор. Остальные участники хора - плотные краснощекие парни и мальчики - были почти все одеты в снежно-белые балахоны, расшитые по плечам и на груди золотыми сердцами, ромбами и зигзагами. Старшие осушили по девятой кружке, собрали ноты, окончательно выбрали псалмы. Мальчики тем временем почистили старинные роговые фонари и нарезали для них свечи кусочками. За вечер выпал небольшой снежок, и те, на ком не было гетр, пошли в конюшню и накрутили вокруг щиколоток сена, чтобы снег не засыпался внутрь башмаков.

Меллстокский приход был весьма обширным, и входившие в него деревушки отстояли друг от друга гораздо дальше, чем это обычно бывает. Поэтому, даже если возле каждого дома пропеть лишь один псалом, чтобы обойти весь приход, требовалось несколько часов. Главной деревней прихода был Нижний

Меллсток; в полумиле от него находились церковь, дом священника и еще несколько дворов, - прежде это была самая населенная часть прихода, но теперь здесь веяло запустением. Милей дальше к северо-востоку лежал Верхний Меллсток, где жил возчик; кроме того, в разных местах прихода были разбросаны группы домов, не считая отдельных крестьянских дворов и молочных ферм.

Старый Уильям Дьюи вел басовую партию на виолончели, его внук Дик был третьей скрипкой, Рейбин вел партию тенора, а второй скрипкой был Майкл Мейл. Хор состоял из четырех мужчин и семи мальчиков. На последних была также возложена обязанность нести фонари и держать ноты перед музыкантами. Во всем, что касалось музыки, старый Дьюи как-то само собой всегда оказывался за старшего.

- Смотрите же, соседи, - придерживая дверь, говорил он выходящим гуськом музыкантам и певчим, глядя на них озабоченным взглядом, точно пастух, считающий своих овец, - вот вы двое, слушайте Майкла и не вздумайте опять, как в прошлом году, тянуться за третьей скрипкой и дискантами. Особливо в "Восстаньте и восславьте". А ты, Билли Чимлен, пой поаккуратней тебя все куда-то заносит. Да, самое главное, не устраивайте толкучки в воротах: входите тихонько, чтоб музыка вдруг словно как с неба заиграла.

- Сперва к фермеру Ледлоу?

- Сперва к нему, а потом, как обычно.

- А ты, Босс, - выходя добавил возчик, - сиди здесь, а так примерно в полтретьего подогрей на углях мед и сидр и принеси нам к церкви, ты знаешь куда.

Было около двенадцати, когда музыканты зажгли фонари и тронулись в путь. Снег перестал, и взошла луна, но ее скрывали такие густые облака, что разлитый по окрестностям слабый свет, казалось, исходил не с

неба, а от белой пелены, накрывшей землю. Ветер стих, и каждый столб, каждый межевой камень или забор, даже если музыканты проходили от него в нескольких ярдах, откликался на их шаги и голоса настороженным эхом. В остальном вокруг царило безмолвие; лишь изредка из Иелберийского леса доносился лай лисы или, шурша в траве, удирали с дороги кролик.

К двум часам ночи музыканты обошли почти все фермы и деревушки, лежащие в стороне, и, минуя пустовавший дом местного помещика, направились через парк к главной деревне. Они шли напрямик, без дороги, нагнув головы, чтобы не удариться о низко нависшие и местами тесно переплетенные ветви старых лип.

- Да, времена теперь не те, - сказал Майкл Мейл, глядя себе под ноги, поскольку ему было все равно, куда смотреть, а в мыслях, должно быть, созерцая какие-то необыкновенно приятные картины прошлого. - Нет уж нам того почета. Сколько было раньше струнных оркестров, а теперь наш, почитай, один остался во всем графстве. Куда ни глянь - все шарманки да эти штуки, вроде шарманок, что надо ногой качать.

- Да, - согласился Боумен, покрутив головой; глядя на него, покрутил головой и старый Уильям.

- Хорошего мало, - отозвался еще кто-то. - В доброе старое время об этих шарманках и не слыхивали. А кто виноват - сами же оркестры виноваты. Надо было, как мы, держаться скрипок, серпенты совсем побоку, кларнеты и близко не подпускать. Я так считаю: хочешь, чтоб была настоящая духовная музыка - держись скрипок.

- Что касается возвышения души, то в этом на скрипки положиться можно, - сказал мистер Спинкс.

- А что, серпент - не так уж он был плох, - заметил мистер Пенни. Слов нет, старому приходит конец, а звук у серпента был хороший, глубокий такой, сочный.

- Зато уж о кларнетах ничего хорошего не скажешь, - заявил Майкл Мейл. - Как-то раз - давно это было, очень давно - пришлось мне под рождество ходить с оркестром из Уэзербери. Ночь выдалась морозная, и у всех кларнетов позамерзали клапаны - замерзли, да и все тут! Как нажмут на клапан, так вроде пробку из бутылки вытаскивают. Только п дела было, что бегать в сторожку отогревать кларнеты. На конце каждого висела длиннющая сосулька из слюны, а уж пальцы - хотите верьте, хотите нет, - пальцев мы совсем не чувствовали.

- У меня как-то разговор вышел с беднягой Джозефом Раймом, - сказал мистер Пенни, - а он ни мало, ни много сорок два года играл третью скрипку в церкви Чок-Ньютон. И вот надумали они тогда завести кларнеты. "Помяни мои слова, Джозеф, - сказал я ему, - коль заведете эти пищалки, все испортите. Не годятся кларнеты для церковной службы - и вид-то у них неподходящий". И что же? Не прошло двух лет с того разговора, как священник привез орган, а оркестру конец пришел.

- Ну, не знаю, какой там у скрипки особенный вид и почему она ближе к богу, чем кларнет, - сказал возчик. - По-моему, даже дальше. Вся она какая-то гнутая, в завитушках - так и кажется, что к ней сам сатана руку приложил; а на кларнетах, если верить картинкам, ангелы в раю играют, или на чем-то таком похожем.

- Правильно ты сказал, Роберт Пенни, - вмешался старый Дьюи, - надо было держаться скрипок. Труба - она кровь зажигает, верно; кларнет - он в пляс толкает, тоже верно; барабан - он все нутро перетряхивает, опять же верно. Но я от своего не отступлю - такой душевности, как в скрипке, ни у одного инструмента нет.

- Да здравствует скрипка! - воскликнул Джимми, братишка Дика.

- Были бы скрипки сами по себе, они бы устояли против всяких новых выдумок. ("Святая правда", - отозвался Боумен.) Это их кларнеты погубили. ("Они", - подтвердил мистер Пенни.) А все эти фисгармонии, - воодушевленный общей поддержкой, Уильям повысил голос, - все эти фисгармонии да органы (из груди Спинкса исторгся страдальческий стон) - просто паршивые - как бы это их назвать? - паршивые...

- Овцы? - подсказал Джимми; остальные мальчики шли сзади, немного поотстав, но он изо всех сил поспешал за взрослыми.

- Паршивые скрипелки!

- Твоя правда, Уильям, иначе и не назовешь - паршивые скрипелки, единодушно подтвердили музыканты.

Тем временем они подошли к воротам школы, которая стояла на небольшом возвышении у стыка трех дорог и сейчас возникла перед ними темным плоским силуэтом на фоне неба. Настроив инструменты, музыканты вошли на школьный двор, напутствуемые увещеваниями Уильяма ступить по траве.

- Семьдесят восьмой, - негромко провозгласил он, когда они встали полукругом и мальчики, открыв фонари, направили свет на ноты.

И тишину ночи огласили звуки старинного псалма, слова которого устно передавались от отца к сыну из поколения в поколение и так дошли до наших героев.

С большим чувством они пели:

Помни грех Адама,

О человек,

Помни грех Адама

В райском саду.

Помни грех Адама.

Все свое племя

Вверг он во пламя,

Век гореть в аду.

Помни бога благость,
О человек,
Помни бога благость,
Слово его.
Помни бога благость.
Он нам во спасенье
Отдал на мученье
Сына своего.
Рожден в Вифлееме,
О человек,
Рожден в Вифлееме
Всех ради нас.
Рожден в Вифлееме
Наш искупитель,
Всех людей спаситель
В сей светлый час.
Восхвали же бога,
О человек,
Восхвали же бога,
Ликуй стократ.
Восхвали же бога
В день сей святой,
Радуйся и пой:
"Свят, свят, свят!"

Закончив псалом, музыканты прислушались, но из школы не донеслось ни звука.

- Передохнем малость и начинаем "О, как велика твоя благодать!" - номер пятьдесят девятый, - скомандовал Уильям.

Был исполнен и этот псалом, но старания певцов опять остались незамеченными.

- Неужто в доме никого нет? Помню, такое с нами приключилось в тридцать девятом году и в сорок третьем тоще! - проговорил старый Дьюи.

- Может, она, как пожила в городе, так теперь нос воротит от нашего пения, - прошептал возчик.

- Ишь ты! - сказал мистер Пенни и бросил испепеляющий взгляд на трубу школьного здания. - Подумаешь, штучка! Простая музыка у хороших музыкантов будет получше ихней городской у плохих, вот что я скажу.

- Передохнем и начинаем последний, - скомандовал Уильям. - "Возликуйте, живущие на земле!" - номер шестьдесят четвертый.

По окончании псалма он выждал минуту и ясным, громким голосом возгласил, как возглашал в этот день и час вот уже сорок лет:

- С рождеством Христовым вас!

∨

НАГРАДА ЗА ТРУДЫ

Когда музыканты почти уверились, что на возглас Уильяма ответа не будет, в одном из окон второго этажа появился свет; вначале совсем слабый, он становился все ярче, и вот уже через штору можно было отчетливо различить пламя свечи. Мгновение спустя штора взвилась кверху, и пятнадцать пар глаз увидели в окне, словно в раме картины, молоденькую девушку, которая держала перед собой в левой руке свечу, ярко освещавшую ее лицо, а правой опиралась о подоконник. Она вся была окутана чем-то белым; великолепные вьющиеся волосы рассыпались по плечам в том хаотическом беспорядке, какой можно застать только ночью, когда они скрыты от посторонних взоров. Колеблясь между робостью и решительностью, девушка вглядывалась в полумрак за окном, но едва она рассмотрела внизу полукружие темных фигур, как ее лицо стало приветливым.

Открыв окно, она дружески крикнула музыкантам:

- Спасибо вам, большое спасибо!

Окно быстро и бесшумно захлопнулось, и штора стала опускаться. Вот она уже закрыла лоб и глаза девушки; потом маленький рот; потом шею и плечи; вот

уже и ничего больше не видно. Опять осталось лишь туманное пятно света, затем оно стало удаляться и исчезло.

- Какая хорошенькая! - воскликнул Дик Дьюи.

- Даже лучше тех красоток, что из воска делают, - сказал Майкл Мейл.

- Ну, прямо точно ангел явился, - с чувством проговорил возчик.

- Я таких никогда, никогда не видел, - пылко сказал Лиф.

И все остальные, откашлявшись и поправив шляпы, признали, что старались они не зря.

- Пошли теперь к фермеру Шайнеру, а потом можно будет и подкрепиться, а, отец? - спросил возчик.

- Ну что ж, можно и так, - ответил старый Уильям, взваливая на плечо виолончель.

Дом фермера Шайнера, стоявший на пересечении тропы с главной дорогой, был какой-то приземистый и неуклюжий. Низкие и несоразмерно широкие окна второго этажа и огромное окно-фонарь внизу, где обычно помещается дверь, делали его похожим на подозрительно скосившую глаза и злорадно ухмыляющуюся человеческую физиономию. Но сейчас, ночью, ничего этого не было видно, кроме темных очертаний крыши.

Музыканты встали перед домом, приготовили инструменты и ноты.

- Тридцать второй - "Узри утреннюю звезду", - объявил Уильям.

Они закончили второй стих, и скрипачи занесли уже было смычки, готовясь приступить к третьему, как вдруг без всякого предупреждения - в доме даже свет не загорелся - громовой голос взревел:

- А ну вы, заткните глотки! Какого черта вы здесь разорались? И так голова раскалывается, а они тут устроили под окном галдеж!

И окно с треском захлопнулось.

- Вот так заслужили, - негодуя сказал возчик, оборачиваясь к своим спутникам.

- Все, кому дорога музыка, пойте дальше! - скомандовал старый Уильям, и псалом был допет до конца.

- Теперь девятнадцатый! - твердо объявил Уильям. - Да погромче - пусть знает, как оскорблять хор.

В доме вспыхнул огонь, окно снова распахнулось, и в нем появился взбешенный фермер.

- Громче играйте, громче! - закричал возчик, изо всех сил налегая на смычок. - Давайте фортиссиму, чтоб его не было слышно!

- Фортиссиму! - крикнул Майкл Мейл, и псалом загремел с такой силой, что совершенно заглушил Шайнера; однако, судя по той ярости, с которой тот дергался всем телом и размахивал руками, уподобляясь то букве "х", то букве "у", он, по-видимому, изрыгал достаточно проклятий, чтобы отправить в преисподнюю весь приход.

- Ай-яй-яй, как некрасиво! - сказал старый Уильям, когда они отошли от дома. - Сколько лет хожу с хором, и сроду такого не бывало. А еще церковный староста!

- Просто выпил лишнего, - сказал возчик. - Когда у него божественный настрой, ничего плохого о нем не скажешь. А сейчас у него мирской настрой. Надо будет позвать его завтра к нам на вечеринку, чтоб не серчал. Мы люди не злопамятные.

Музыканты перешли меллстокский мост и по тенистой тропинке направились вдоль берега Фрума к церкви. Босс ждал их у церковных ворот с горячим медом и прочими припасами. Решив сначала выпить и поесть, а потом уже идти дальше, они вошли в церковь и поднялись на галерею. Там они открыли фонари, расселись вдоль степ, кто на скамейках, кто на чем, и как следует закусили. Когда умолкал разговор, сверху

через потолок галереи доносилось приглушенное позвякивание и скрип старых церковных часов; звуки эти рождались и умирали в башне, и людям, одаренным воображением, порой чудилось, что именно здесь совершается ход Времени.

Покончив с едой, музыканты настроили инструменты и снова вышли на морозный ночной воздух.

- А где Дик? - спросил старый Дьюи.

Все принялись оглядывать друг друга, словно подозревая, что Дик превратился в кого-нибудь из них, а затем ответили, что не знают.

- Ну уж это, я вам скажу, подложил нам свинью мастер Дик, иначе не назовешь, - сказал Майкл Мейл.

- Небось домой удрал, - предположил кто-то, сам мало веря своим словам.

- Дик! - крикнул возчик, и его голос раскатисто загремел между тисами.

Застыв, как изваяние, он некоторое время прислушивался в ожидании ответа и, не дождавшись его, повернулся к остальным.

- Главное, третья скрипка! Был бы он тенором или подголоском, мы бы уж как-нибудь без него обошлись. Но остаться без третьей скрипки - да это, ребятки, все равно, что остаться без...

Возчик запнулся, не находя достойного сравнения.

- Головы, - подсказал мистер Пенни.

Возчик шагнул вперед, как бы в укор несерьезным людям, которые занимаются подсказками, когда их ждут более важные дела.

- Ну где ж это слыхано - бросил дело на полдороге, и только его и видели?

- Нигде, - с готовностью отозвался Боумен. (Отчего же, дескать, не сказать тех слов, которых от тебя ждут.)

- Может, какое несчастье с парнем стряслось? - предположил дед Дика.

- Да нет, какое там несчастье, - без тени тревоги ответил возчик. - И куда он, интересно, свою скрипку девал? Я за эту скрипку тридцать шиллингов отвалил, да еще сколько торговался. Небось валяется где-нибудь в сырости, а испортить ее ничего не стоит, в десять минут расклеится, да какое там в десять - в две!

- И что с ним могло приключиться? - встревоженно сказал Уильям. Может, утонул?

Оставив фонари и инструменты в часовне, все двинулись обратно по берегу реки.

- Ничего с таким молодцом не сделается, - заметил Рейбин. - И причина небось какая-нибудь самая простая, только мы никак догадаться не можем. Понизив голос, он спросил таинственным шепотом: - А вы не замечали за ним, соседи, чего-нибудь такого, - может, по какой девчонке вздыхает?

- Да нет, не похоже. Он пока еще чист, как стеклышко.

- И потом, Дики говорит, что никогда не женится, - вставил Джимми, - а будет всю жизнь жить дома с мамой и с нами.

- Ну, сынок, какой парень этого не говорил!

Они дошли до дома мистера Шайнера, но там никого не было. Тогда двое музыкантов пошли к школе. В окне спальни все еще горел свет, и, хотя штора оставалась опущенной, окно было слегка приоткрыто, словно учительница прислушивалась к отдаленным звукам рождественских псалмов.

Внизу, прислонившись спиной к буку, недвижимо стоял пропавший скрипач; руки его были скрещены на груди, голова откинута назад, глаза устремлены на освещенное окно.

- Это ты, что ли, Дик? Что ты тут делаешь?

Дик вздрогнул, мгновенно принял более естественную позу и поглядел сначала направо, потом налево, словно надеясь, что ему откуда-нибудь придет вразумительный ответ на этот вопрос; наконец он пробормотал:

- Ничего, отец.

- Ну, знаешь, ничего не делать можно было бы и побыстрей, - сказал возчик, и все повернули обратно, к дому священника.

- Я думал, вы еще сидите закусываете на галерее, - сказал Дик.

- Мы тут его обыскались, бог знает сколько исходили, куда только не заглядывали, чего только не передумали, а он, оказывается, ничего не делал, так-таки ровно ничего.

- В этом-то вся нелепость - ровным счетом ничего, - проговорил мистер Спинкс.

Следующую остановку они сделали перед домом священника, и мистер Мейболд, молодой пастырь, недавно назначенный к ним в приход, получил свою долю праздничных созвучий. Музыканты надеялись, что, как лицо, причастное к наступающему празднику, мистер Мейболд сочтет своим долгом открыть окно, и ради поощрения исполнили еще один псалом. Но тот не появился.

- Нехорошо, - сказал старый Уильям, покачав головой.

Однако в это самое мгновение приятный голос раздался, по-видимому, из постели:

- Благодарю вас, соседи!

- Что он сказал? - спросил Боумен, который был туговат на ухо. Говорил он по этой причине громко, и священник услышал его слова.

- Я сказал: "Благодарю вас, соседи!" - крикнул он еще раз.

- Ну ладно, а то я в первый раз не расслышал! - крикнул в ответ Боумен.

- Ну зачем ты ему так отвечаешь - молодой человек еще рассердится, сказал возчик.

- Ни в коем случае, друзья мои! - крикнул священник.

- Ну и слух! - шепотом проговорил мистер Пенни. - Не хуже, чем у лошади или собаки. Значит, ему и ума не занимать - это уж верный признак.

- Поживем - увидим, - сказал возчик.

Старый Уильям, воодушевленный такой благожелательностью нового человека, готов был исполнить все псалмы заново, но отказался от своего намерения, когда Рейбин напомнил ему, что, перестаравшись, можно все дело испортить.

- Вот ведь как одно к одному выходит, - продолжал возчик, когда они стали подниматься на холм, направляясь к последней группе домов, - и это видение в женском облике, что нам недавно явилось, и этот сладкогласный молодой священник. Сдается мне, что она обведет его вокруг пальчика и скрутит беднягу восьмеркой, - попомните мои слова, ребятки.

VI

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО

Музыканты наконец добрались до своих постелей и заснули, как все добрые люди. Дик, однако, провел оставшиеся ему для отдыха три-четыре часа в тревожном полусне: ему снова и снова представлялось школьное окно и все события, с ним связанные.

А утром, что бы он ни делал - поднимался ли наверх, спускался ли вниз, выходил ли на улицу, разговаривал ли о ветре и погоде, - воображение его без конца рисовало все ту же упоительную картину. Покачиваясь на пятках, он стоял у камина, глядя, как мать жарит грудинку, и думал: что толку в грудинке, если ее жарит не Видение? Обмякший ломтик грудинки висел на

решетке рашпера, как котенок на руках у ребенка, - но что толку в сравнениях, если они принадлежат не Ей. Он глядел, как желтоватые блики дневного света танцевали на выбеленной стенке камина вместе с голубоватыми бликами от очага, - но что толку в бликах?

- Может, новая учит... кх... мисс Фэнси Дэй тоже будет сегодня петь в церкви? - спросил он.

Возчик долго глядел на него, потом ответил:

- Может, будет, а может, и нет.

По лицу Дика можно было понять, что он отнюдь не в восторге от такого ответа, хотя было известно, что неопределенность высказываний возчика объяснялась скорее устройством голосовых связок, чем существом обсуждаемого вопроса.

Собираясь в церковь, Дик проявил необыкновенное усердие, сам не давая себе отчета в причинах сего благочестивого рвения. Он начистил и отполировал свои выходные башмаки со взыскательностью истинного художника. Сначала он долго обрабатывал их щеткой, не пропуская ни пятнышка, ни единой оставшейся с прошлой недели пылинки; затем достал новый пакет сажи, старательно развел ее и принялся ваксить, позабыв о бережливости. Наложил один слой и начистил до блеска; потом еще один для пущей черноты и, наконец, третий - чтоб достичь зеркального сияния и достойно подготовиться к встрече с Ней.

По случаю рождества возчик приводил себя в порядок с особой основательностью. Громкое плесканье и фыркание оповещало о том, что возчик совершает свое грандиозное воскресное омовение, которое продолжалось добрых полчаса и совершенно затмевало его будничное умывание. Возчик скрывался в пристройке с большим коричневым полотенцем в руках, фыркал и плескался там минут двадцать, а когда появлялся в дверях, от него шел сырой запах летнего

тумана, и, глядя на него, можно было подумать, что он едва избежал гибели в водной пучине, потеряв при этом почти всю одежду; глаза у него были красные, словно он долго плакал, с мочек ушей и с кончика носа, как бриллианты, свисали водяные капли; волосы тоже сверкали водяными блестками.

Заканчивая сборы, отец, сын и внук еще долго ходили по комнатам, хрустя башмаками по усыпанному песком каменному полу, потом достали виолончель и скрипки, осмотрели струны и подтянули их немного выше нужного тона, чтобы настройка сохранилась до начала службы и их не пришлось бы снова настраивать в галерее, уловив момент, когда кто-нибудь кашляет или чихнет или когда священник произнесет "аминь", - а такая неприятность частенько случалась в сырую зимнюю погоду.

Затем все трое вышли из дома и направились по тропе через овечий выгон, держа под мышкой инструменты в выцветших зеленых чехлах, а в руках - старые нотные тетради в коричневых переплетах. Дик все время, невольно обгонял остальных, а возчик шествовал неторопливым шагом, сильно выворачивая носки.

Достигнув подножья холма, они увидели церковь со стороны северных ворот, или, как их здесь называли, "церковной калитки". За оградой виднелась группа из семи подвижных фигурок, оказавшихся при ближайшем рассмотрении певчими хора; в ожидании музыкантов они сидели на могильной плите и от нечего делать болтали ногами. Завидев музыкантов, мальчишки повскакали с плиты и, топоча, как кавалерийский полк, взлетели по старой деревянной лестнице на галерею. Остальные юные прихожане остались во дворе и преследовали своим вниманием птиц, кошек и прочих тварей до тех пор, пока не пришел священник; тогда

они мигом обрели благопристойность и чинно прошли на свои места.

Галерея меллстокской церкви жила особой жизнью и придерживалась особых взглядов. Появление нового лица вызывало здесь совсем иные чувства, чем у прихожан, располагавшихся внизу. Если внизу его встречали как непрошеного гостя, вторжения которого не могла оправдать никакая своеобычность, для галереи он был интересной новинкой, занимательности которой не могла умалить никакая чужеродность. Кроме того, с высоты своего положения галерея досконально изучила привычки нефа и обладала обширным запасом весьма любопытных сведений о нем, тогда как неф мог судить об обитателях галереи лишь по исторгаемым их инструментами и глотками звукам. Обитатели нефа и не подозревали, например, что причетник в течение всей службы жует табак и сплевывает его в дырку в скамье, перед тем как провозгласить "аминь"; что некоторые юные дочери почтенных родителей давно уже утратили интерес к столь невинному предмету, как изложение брачного обряда, и во время проповеди прилежно изучают по своим молитвенникам тот, который хронологически следует за ним; что молодая парочка, по примеру знаменитых влюбленных Пирама и Фисбы, сплетает пальцы через дыру в спинке скамьи; что миссис Ледлоу, жена фермера, во время службы считает деньги и прикидывает недельные расходы. На галерее же все эти наблюдения давно утратили прелесть новизны.

Старик Уильям сидел в первом ряду между двумя певчими, держа виолончель между колен. Во втором ряду слева стояли Дик с дискантами, а справа - возчик с тенорами. Позади всех помещался Майкл Мейл с альтами и остальными певчими.

Еще до начала службы, когда музыканты, собравшись кружком в глубине галереи, напоследок

репетировали псалмы, Дик, бросив взгляд через плечо деда, увидел, как видение минувшей ночи преспокойно вошло в церковь, словно никогда и не было видением. С ее появлением точно свежая струя ворвалась в старую церковь, пронзив тело и душу Дика неведомыми ему ранее ощущениями. Церковный староста Шайнер направил учительницу в небольшой придел к северу от алтаря, где разместились стайка учениц воскресной школы; Дику было ее отлично видно с галереи, стоило только нагнуться и глядеть под крайнюю арку.

Минуту назад церковь казалась ему почти пустой - сейчас она была переполнена. Вот мисс Фэнси встала с колен, огляделась, выбирая себе постоянное место, и в конце концов села в самый дальний угол. Дик вдыхал согретый ее присутствием воздух, кровь стучала у него в висках, и ему чудилось, что между ним и ею протянулись нити, заметные всем присутствующим.

Весь ход богослужения в то незабвенное рождественское утро, каждый пустяк, случившийся в церкви, пока минуты неторопливо сменяли друг друга, навсегда запомнились Дику Дьюи. Псалмы, которые они исполняли в тот день, запечатлелись в его памяти, заняв особое место среди прочих псалмов; на многие годы запомнилась ему и проповедь, и слой пыли, лежавшей на капителях контрфорсов, и ветка омелы, висевшая немного криво в арке алтаря, - короче говоря, все те впечатления, которые проскальзывают в сознание, когда ум бездействует и воспринимает одни зрительные образы.

Случайно или по воле судеб еще у одного молодого человека, находившегося в то утро в меллстокской церкви, к концу службы возникло безотчетное ощущение некоей притягательной силы, исходившей от той же очаровательной особы. Правда, его чувства не достигли столь резко выраженной формы; кроме того, в отличие от Дика, это лицо был" весьма удивлено своим

состоянием и изо всех сил старалось вернуть себе спокойствие духа. Речь идет о молодом священнике мистере Мейболде.

Случалось, что на рождество оркестр играл гораздо хуже обычного. Мальчики-певчие клевали носами после ночных трудов, на взрослых тоже сказывалась усталость; вдобавок на этот раз дело усугубляла разлитая в воздухе сырость. От длительного пребывания на ночном воздухе струны сели на целых полтона и в самых неподходящих местах вдруг издавали громкий гнусавый звон; музыкантам приходилось то и дело удаляться в глубину галерея и кашлять до сипоты, чтобы заглушить звуки настройки. Священник хмурился. Вдобавок во время первого же псалма певчие вдруг обнаружили, что им вторят какие-то пронзительно-звонкие голоса, доносившиеся, как вскоре было установлено, из придела школьниц. С каждым псалмом эти голоса становились все громче и смелее. Когда исполнялся третий псалом, самочинный женский хор только что не заглушал певчих; мало того, исходившие из придела звуки настолько обособились, что обрели свой собственный темп, тональность и чуть ли не мелодию, взмывая кверху, когда голоса на галерее устремлялись вниз, и наоборот.

Такого еще никогда не случалось. Как и все остальные прихожане, школьницы всегда смиренно и почтительно подтягивали галерее, а без ее руководства пели кто в лес, кто по дрова; им и в голову не приходило идти наперекор опытным артистам, у них не было ни воли, ни единства, ни силы, ни желаний, кроме тех, что им сообщал вознесенный над ними хор.

В звуках оркестра и голосах певчих зазвенело негодование. Так продолжалось до самого конца музыкальной части службы. Не успели музыканты опустить скрипки, мистер Пенни - спрятать очки в

чехол, а священник объявить тему проповеди, как на галерее началось возмущенное перешептывание.

- Нет, вы слышали, братцы? - простонал мистер Пенни.

- Нахальные девчонки! - сказал Боумен.

- Иначе и не назовешь. Подумать только, как они пели - ничуть не тише, чем весь наш хор вместе со скрипками, если не громче.

- Вместе со скрипками! - горько повторил Боумен.

- Когда женщины объединятся - им нет равных по дерзости. - произнес мистер Спинкс.

- Хотел бы я знать, - начал возчик (таким тоном, точно заранее знал ответ на свой вопрос и спрашивал лишь для проформы), - с какой стати девчонкам вздумалось драть глотку, когда они не сидят на галерее и никогда в жизни здесь не бывали. Вот в чем вопрос, ребята.

- Все знают, что петь положено галерее, - сказал мистер Пенни. - Нет, вы скажите, братцы, - зачем тогда наши предки тратили деньги на постройку галерей, если всякие девчонки где-то там внизу будут ни с того ни с сего голосить что есть мочи?

- Видно, пришла пора нам, бесполезным, убираться из церкви восвояси вместе со своими скрипками, - произнес мистер Спинкс со смешком, который посторонний человек мог бы принять за чистую монету. Только посвященные понимали всю горечь иронии, таившейся в незаметном слове "бесполезные", и всю жуткую нарочитость смеха, казавшегося таким естественным.

- А чего тут такого - пускай себе тоже поют. Громче будет, хи-хи! отозвался Лиф.

- Томас Лиф, Томас Лиф! Откуда ты такой взялся? - сурово одернул его старый Уильям.

Моментально стушевавшийся Лиф сделал вид, будто он вообще ниоткуда не брался.

- Если на то пошло, ребятаки, - продолжал Рейбин, - не велик был бы вред, если б они нам только иногда подтягивали, так, чтоб никто их не слышал.

- Само собой, - подтвердил мистер Пенни. - Да ведь как оно было? Не хочу возводить на людей напраслину, а тут и перед самым господом богом скажу, что в последнем псалме каждую их ноту было слышно - каждую ноту, будто им до нас и дела нет.

- Известно! Еще бы не известно! - проговорил тут как бы про себя мистер Спинкс, качая головой, словно в ответ на какую-то мысль, возникшую в его уме, и скривив губы в скорбной усмешке.

Никто не спросил: "О чем это ты?" - так как все по опыту знали, что со временем это само собой выяснится.

- Мне почему-то еще вчера ночью подумалось, что мы хлебнем горя с этим молодым человеком, - сказал возчик, видя, что мистер Спинкс пока не собирается продолжать, и взглянул на кафедру, где стоял ничего не подозревавший мистер Мейболд.

- А мне думается, - сурово проговорил старый Уильям, - что слишком вы много шепчетесь в неподходящее время и в неподходящем месте.

Сказав это, он поджал губы и устремил взор на священника, всем своим видом показывая, что только невежа скажет после этого хоть слово. Галерея затихла, и уничтожающая речь мистера Спинкса так и осталась произнесенной.

В течение всего разговора Дик помалкивал; возчик же высказывался довольно сдержанно, памятуя о том, что за завтраком миссис Дьюи выразила намерение пригласить к себе молодую руководительницу новоявленного хора на рождественскую вечеринку, - и это известие сообщило мыслям Дика самое радужное направление. К тому же возчик, отличавшийся несколько циническим складом ума, не принимал честь

хора так близко к сердцу, как остальные музыканты, хотя, связанный с ними узами дружбы и общими интересами, всегда оказывал им самую горячую поддержку.

VII

ВЕЧЕРИНКА У ВОЗЧИКА

Во второй половине дня в доме возчика наблюдалось необычайное оживление. Каменные плиты пола были тщательно выметены и посыпаны тонким слоем мельчайшего желтого песка, добытого с самой глубины близлежащего песчаного карьера. Затем на свет извлекли массивные ножи и вилки, скрывавшиеся под покровом темноты и толстого слоя смазки со времени последнего подобного торжества; огромные буквы на их ручках столь убедительно возглашали "нержавеющая сталь", что отпадала необходимость в каких-либо дополнительных речательствах, например, в марке завода, которая поэтому отсутствовала. В бочку с сидром ввернули кран, который Рейбин обычно носил в кармане. Напоследок миссис Дьюи поставила возчика посреди комнаты и принялась вертеть его туда и сюда, выискивая упущения в его туалете.

- Погоди-ка, я пойду принесу ножницы, - сказала она.

Возчик застыл, как часовой на посту.

Миссис Дьюи всего лишь подравняла два-три волоска, нарушавшие линию усов, обстригла слегка потрепавшийся сгиб на воротнике рубашки и в заключение выдернула у мужа седой волос; все эти операции возчик перенес в безропотном молчании, за исключением последней, которая вызвала слабый протест:

- Осторожней, Энн!

- И что ты за человек, Рейбин, глаза бы мои на тебя не глядели, сказала миссис Дьюи с привычной строгостью спутницы жизни и, повернув его еще раз,

сняла с плеча несколько волосков мерина Веселого. Рейбин, мысли которого были, по-видимому, заняты чем-то другим, зевнул. - Один воротник на пиджаке чего стоит - весь засаленный, грязный. Срам, да и только! И где ты его так отделал?

- Это, верно, от пота. Уж очень я летом потею. Стоит мне повозиться - и я весь мокрый.

- Да, все вы, Дьюи, мужланы неотесанные. И братец твой Боб ничем не лучше: жирный, как боров, а заговорит - уши вянут! Слышать не могу это его: "Здорово, Энн!" - просто с души воротит. А уж таких потливых, как ты, свет не видывал: только солнце проглянет, тебя хоть выжимай.

- Раз я в будни потею, само собой, я и в воскресенье потею.

- Если какая из девчонок в отца выйдет, трудно ей будет, бедняжке, найти мужа. У нас в семье никто так безобразно не потел, избави бог! А уж эти Дьюи! И как это меня угораздило попасть в такую семейку - ума не приложу!

- По слабости женской не смогла отказать, когда я тебя позвал замуж. Вот так, видно, и угораздило.

Подобные разговоры были возчику, очевидно, не в новинку, оттого он и отвечал жене без той горячности, какую можно было бы ожидать, имей ее вопрос прелесть новизны.

- А брюки вышли на славу, - невозмутимо продолжала миссис Дьюи, по-видимому, бранившая семейство Дьюи скорее по привычке, чем по внутренней потребности. - И как дешево обошлись! Смотри, какие просторные, и все сделано честь честью - подкладка подложена, а внизу даже двойная, а сзади еще и холстина, и пояс высокий, чуть не до подмышек, и в швах заложено столько, что еще на полпары хватило бы, да к тому же остался кусок на жилетку. А все потому, что сама позаботилась - купила материю по

случаю и шили их у меня на глазах. Вот что значит пораскинуть мозгами, а не надеяться на этих жуликов-портных.

Ее рассуждениям положило конец внезапное появление Чарли, лицо и руки которого были черны, как у трубочиста, а нос походил на оплывшую свечу. Почему именно в этот день, когда все отмывалось и отчищалось до блеска, ему вдруг вздумалось играть с крюком и цепью, на которые в очаге подвешивают окорока, что он в них нашел интересного по сравнению с прочими предметами, находившимися в доме, - на этот вопрос могут ответить лишь матери малолетних детей. Самое заманчивое заключалось, по-видимому, в том, что, играя с крюком и цепью, в конечном итоге оказываешься с ног до головы перемазанным сажей. Минуту спустя Чарли настигло возмездие за это хитроумное открытие, и он исчез за углом дома, напоследок оглянувшись на отца с выражением лица осужденного Каина на иллюстрациях к Библии.

К десяти часам вечера гости начали испытывать обычный для деревенских праздников зуд в ногах. Тут из чулана послышались звуки настраиваемой скрипки.

- Это Дик, - сказал возчик. - Парню не терпится сплясать джигу.

- Дик! Никаких танцев - я не допущу никаких танцев на первый день рождества, - решительно заявил старый Уильям. - Как пробьет двенадцать тогда танцуйте сколько влезет.

- Правильно говоришь, Уильям, - отозвалась миссис Пенни. - Если уж устраивать вечеринку на первый день рождества, так хоть без танцев как-никак святой день. Джига - вещь хорошая во всякий другой праздник, но в такой день плясать джигу как-то не годится. Так что придется вам, молодые люди, подождать до двенадцати часов.

Тут вмешался мистер Спинкс, которому как раз в эту минуту ударил в голову выпитый мед.

- Танцы, - заявил он, - весьма укрепляющее, оживляющее и изящное занятие, особенно если при этом опрокинуть стаканчик-другой. Танцы - хорошее дело. Но зачем нарушать божье установление? Зачем, я вас спрашиваю, Ричард, и Рейбин, и вся компания?

- Решено - до двенадцати никаких танцев, - сказал Уильям.

Хотя Рейбин и его жена вершили дела в доме по своему усмотрению, однако во всем, что касалось религии, решающее слово принадлежало старому Уильяму, твердость которого в этом отношении вполне возмещала его равнодушие к вопросам хозяйственным. Таким образом, молодым гостям предстояло томиться еще час сорок пять минут, отчего у них заметно вытянулись лица и погрузтели глаза. А пока им разрешили петь песни.

Без пяти двенадцать из-за стены снова слышались тихие звуки настройки, а когда наконец часы, хрипя и кашляя, пробили последний удар, Дик внес настроенные скрипки, и музыканты решительно взялись за инструменты; старый Уильям с полной готовностью снял с гвоздя виолончель и с самым залихватским видом провел рукой по струнам.

Открыли танцы контрдансом под названием "Триумф, или Следуй за милой". Возчик пригласил миссис Пенни, а миссис Дьюи оказалась дамой мистера Пенни, который так гордо нес голову, так прямо держался и так важно поблескивал очками, что казался разве что немногим ниже возчика. На вечеринке присутствовал и церковный староста фермер Шайнер, мужчина лет тридцати пяти, весьма охотно принявший приглашение и каким-то непостижимым образом совершенно забывший, что он вытворял прошлой ночью. Его отличали налитый кровью взгляд, сиплое дыхание,

массивная цепочка от часов и мрачная усмешка, постоянно, хотя едва заметно, кривившая его губы. Несмотря на происки фермера, хорошенькая, тоненькая, нарядная мисс Фэнси Дэй досталась Дику, поскольку мистер Шайнер, как человек более богатый, держал себя слишком самоуверенно, а Дик проявил подобающую учтивость.

Пока наша героиня проходит на свое место в ряду дам, рассмотрим ее как следует. Она несколько выше среднего роста. Ее отличительное качество гибкость, создающая впечатление необыкновенной легкости и свободы движений. Темные глаза, над которыми брови изгибаются, словно две дужки в нотном письме - так тонко, четко и мягко они очерчены, - оживленно блестят. Этот блеск время от времени, однако, не слишком часто, сменяется дымкой задумчивости, лишь на мгновение затеняющей кокетливую искорку, которая, в свою очередь, никогда не разгорается настолько, чтобы выйти за рамки скромности. Ее губы отличаются той же четкостью и мягкостью рисунка, как и брови, и у нее правильной формы нос, что само по себе немало, если учесть, что на сотню хорошеньких ртов и глазок приходится всего один правильный носик. Добавьте к этому пышные каштановые кудри, платье из белого газа с голубой отделкой - и перед вами весьма несовершенный портрет молодой особы, которая выделялась среди остальных дам, как роза среди кочанов капусты. Танец был в самом разгаре. Мистер Шайнер, бросив собственную даму, что разрешалось своеобразными правилами танца, завладел прелестной партнершей Дика, и они резво понеслись посередине комнаты, словно жених с невестой, спешащие к алтарю. Дик трусил сзади с довольно глупым видом, который, как ему казалось, должен был выражать невозмутимое спокойствие, а на самом деле выражал беспомощное негодование. У Дика уже стали заметно дрожать губы,

но тут Фэнси и мистер Шайнер повернули назад, и он, радостно вспыхнув, взялся за руки со своим соперником, образовав арку над головой дамы (отсюда, видно, и пошло название танца). В следующей фигуре ему снова пришлось уступить Фэнси Шайнеру, который отплясывал с таким жаром, что его цепочка тоже плясала всеми своими звеньями. Возчик не жалел ног, так что его обширные телеса тряслись, как студень. Миссис Пенни, которая, танцуя с возчиком, всегда опасалась увечья, в течение всей фигуры сохраняла на лице робкую улыбку, отчего оно покрылось сетью морщинок, а глаза превратились в крошечные узенькие щелочки; подпрыгивая напротив своего партнера, она с какой-то рабской покорностью повторяла каждое его движение - включая и те коленца, которыми возчик, благодаря своему богатому воображению, время от времени уснащал танец.

Сережки в ушах дам то взлетали, подскакивали, переворачивались, то, утихомирившись, легонько покачивались из стороны в сторону. Миссис Крамплер - дородная особа, по каким-то соображениям, о которых никто не счел нужным допытываться, танцевавшая в чистом переднике, скользила по полу так плавно, что ее туфель вовсе не было видно, и могло показаться, будто она катится на колесиках.

Минуты незаметно проходили одна за другой, и вот уже наступило то время, когда прически у дам приходят в легкомысленный беспорядок; когда даже на лицах изящных девиц явственно проступает влага - не говоря уж об их партнерах, по чьим физиономиям давно уже катятся полноводные ручьи; когда юбки начинают выбиваться из-под поясов; когда гости постарше, которые пошли танцевать, чтобы не отстать от молодежи, уже чувствуют дрожь в коленях и про себя проклинаят этот нескончаемый танец; когда (на деревенских вечеринках, где не останавливаются на

полпути) начинают расстегивать жилеты, а стулья скрипачей, сдвинутые яростными телодвижениями сидящих на них музыкантов, оказываются в добрых двух футах от того места, куда их первоначально поставили.

Фэнси танцевала с мистером Шайнером. Дик понимал, что по правилам хорошего тона она обязана быть одинаково любезной со всеми кавалерами, но тем не менее ему невольно приходило в голову, что ей вовсе не нужно танцевать с _таким_ уж увлечением и _так_ уж часто улыбаться, находясь в объятиях фермера.

- По-моему, вы забыли поменяться дамами, - кротко сказал он мистеру Шайнеру, часовая цепочка которого все еще содрогалась после резкого поворота.

Признавая справедливость замечания, Фэнси шагнула было к Дику, но ее партнер оставил его слова без внимания и, нежно склонившись к своей даме, начал следующую фигуру.

"Слишком уж этот Шайнер около нее увивается", - подумал Дик, наблюдая за ними. Они опять неслись через комнату, и Фэнси лучезарно улыбалась своему кавалеру. Затем они заняли места в ряду танцующих.

- Мистер Шайнер, вы не поменялись дамами, - сказал Дик, не придумав ничего более уничтожающего; сам он поменял даму и был возмущен тем, что фермер нарушает заведенный порядок.

- Я, может, вообще не буду меняться дамами, - сказал мистер Шайнер.

- Так нельзя, сэр.

Партнерша Дика, молоденькая девица по имени Лизки, для краткости называемая Лиз, попыталась его успокоить:

- По правде говоря, я тоже не очень-то люблю меняться.

- И я не люблю, - вставила миссис Пенни, - а тем более, если кто-то не хочет. Неужели соседям ссориться

из-за этого?

- Да я ничего, - сказал Дик, уже пожалевший, что невежливо обошелся с гостем, - просто в этом танце так положено. Нельзя же танцевать как кому вздумается, - тот, кто придумывал танцы, наверно, знал, что к чему, раз он зарабатывал этим на жизнь.

- А я не хочу менять даму и не буду; а кто там этот танец придумал, мне дела нет.

Дик молчал с таким видом, словно перемножал в уме трехзначные числа; на самом деле он пытался сообразить, как далеко можно завести спор с опасным соперником, когда этот соперник - гость в родительском доме. Его выручил возчик, который с топотом подлетел к ним со своей дамой и, принципиально пренебрегая парламентской процедурой, повел речь о своем:

- До чего же мне жарко, соседи, просто и сказать нельзя!

И чтобы дать окружающим какое-то представление о своих страданиях, он обвел их взглядом, полным невыразимой жалости к самому себе.

Миссис Дьюи шла в следующей паре.

- Да, - подтвердила она. - Рейбину всегда ужас как жарко.

Подыскивая форму сочувствия, приличествующую недугу такого рода, миссис Пенни попыталась одновременно улыбнуться и принять огорченный вид.

- Стоит ему в воскресенье пройтись утром по саду, и воротник уже размок, словно его и не думали крахмалить, - продолжала миссис Дьюи, и при этом воспоминании на ее лицо набежала тень озабоченности.

- Ну что же вы остановились, женщины? Следующая фигура руки накрест. Пошли, пошли! - воскликнул возчик, и на этом разговор прервался.

VIII

ТАНЦОРЫ ВХОДЯТ В РАЖ

Дику удалось наконец заполучить Фэнси - на тот восхитительнейший из контрдансов, который начинается с тройных групп.

- Пока мы не начали, давайте все снимем пиджаки, - предложил возчик. А то жарко, мочи нет.

- Ну и манеры у тебя, Рейбин! Как пойдет танцевать, так тут же ему надо раздеваться. И всегда-то ему жарко!

- Ну уж это вы напрасно, ребятки, - воззвал возчик к жене (он часто обращался к ней во множественном числе мужского рода ради экономии эпитетов), - что тут такого? Танцуешь, танцуешь, весь взмокнешь, почему бы не снять пиджак? По-моему, самый резон. Если бы я один разделся, да еще нужды в этом не было бы, оно, правда, вышло бы не совсем хорошо, ну а если мы все разденемся, кто потолще, так мы же народ деревенский, нравы у нас простые, ничего в этом нет плохого. Ну как, что скажете, ребятки?

- Конечно, разденемся! - провозгласили еще трое дородных мужчин, и четверо страдальцев тут же сняли пиджаки и повесили их в прихожей, откуда вернулись гуськом, белея рубахами и выражая полную готовность померяться с самым удалым танцором хоть в Англии, хоть в Ирландии. Опасаясь уронить себя в глазах Фэнси, Дик остался в пиджаке; так же поступили и остальные мужчины потоньше; мистер Шайнер не снял пиджака из каких-то высших соображений.

Менаду тем празднество уже вступило в новую фазу, когда на столах и стульях собирается столько пыли, что можно вывести пальцем свое имя; когда воздух заволакивается голубой дымкой, а вокруг свечей появляется отчетливый ореол, когда ноздри, морщины и все поры на лице постепенно забиваются пылью; когда даже у скрипачей лица начинают полыхать жаром, а лица танцоров доходят до стадии белого каления и

покрываются мертвенной бледностью; когда скрипачи вскакивают со стульев, отшвыривают их ногой и бешено пилят по струнам, широко расставив ноги, закрыв глаза и отрешившись от видимого мира. Иногда Дику приходилось делить свою королеву с другими партнерами, и они кружились втроем, держась за руки, потом он, уже один, с упоением вел ее по кругу, с каждым разом все крепче сжимая ее талию и продвигая локоть все дальше ей за спину (в конце концов отвоевав весьма значительное пространство); и, наконец, - вершина блаженства, - держа ее в объятиях, устремлялся по проходу между парами, и ее дыхание, словно летний зефир, перепутавший времена года, нежно касалось его шеи. Оказавшись в конце ряда, Дик испугался, что музыка кончится раньше, чем они успеют снова добраться до начала и он еще раз испытает это наслаждение. Когда же, несмотря на опасения Дика, они все же достигли начала ряда, к его ликованию приметался смертельный страх, как бы скрипки вдруг не умолкли в эту несравненную минуту, и он украдкой шепнул музыкантам, чтобы они не переставали играть, пока он со своей дамой не пройдет весь ряд, в ответ на что ближайший из них, не переставая судорожно дергаться, заговорщицки кивнул ему между двумя взмахами смычка и, не открывая глаз, проговорил: "Ладно, ладно!" Дик так крепко прижал к себе Фэнси, что они буквально слились воедино. Все вокруг казалось Дику сном; на другой день у него остались в памяти только скрипачи, казавшиеся застывшими, как кажется застывшим крутящийся музыкальный волчок; да помнилось ему еще, что дед Джеймс и старый Симон Крамплер, сидя в углу возле камина, беззвучно открывали рот, кивали головами и энергично рубили воздух руками, как делают люди, разговаривающие рядом с молотилкой. Танец окончился.

- Фьюю! - перевел дух возчик Дьюи, сложив губы тоненькой трубочкой. Вот это дали жару, ребятки!

Он вытер лоб и пошел к столу, на котором стояли кувшины с сидром и злем.

- Ох! - простонала миссис Пенни, падая на стул. - Давно у меня так сердце не колотилось - с тех самых пор, как я девушкой гадала под Иванов день про своего суженого.

- Ас той поры немало воды утекло, - заметил возчик, не поднимая глаз от наполняемой им кружки. Приняв на себя обязанности виночерпия, он мог оставаться без пиджака, хотя остальные мужчины, танцевавшие без пиджаков, опять их надели.

- И такое со мной в ту ночь приключилось, что и не думала я, не гадала, - продолжала миссис Пенни. - Мне явилось до того чудн_о_е видение, что я ума не могла приложить, к чему бы это, - просто никак не могла.

- Ничего нет удивительного, - вставил Элиас Спинкс.

- Да, - задумчиво говорила миссис Пенни, унесясь мыслями в прошлое, и, видимо, не нуждаясь в слушателях, - и натерпелась же я в ту ночь страху. Мне хотелось узнать, женится на мне Джон Уайлдвей или нет. Сделала все так, как велит гадательная книга, - приготовила хлеб с сыром и пиво, открыла дверь и стала ждать, когда пробьет двенадцать, а сама сию ни жива ни мертва. И что же? Только пробило двенадцать, гляжу - идет по улице какой-то коротышка в сапожничком фартуке.

Тут мистер Пенни незаметно выпрямился, став выше на целых полдюйма.

- А Джон Уайлдвей, - продолжала миссис Пенни, - что за мной тогда ухаживал, тоже был сапожник, но довольно рослый парень, и мне просто невдомек было, при чем тут этот коротышка. А ой себе подходит к двери, переступает порог - и тут уж я ясно вижу, что

это вовсе не Джон, а какой-то коротышка в фартуке сапожника.

- И чего ты заладила - коротышка, коротышка! - сказал ее муж.

- Заходит он в дом и садится на стул, а я как вскочу да как припущусь к себе наверх, вся душа у меня в пятки ушла! А вскорости получилось так, что мы с Джоном Уайлдвеем поссорились, и все у нас с ним врозь пошло. Тут-то и объявился Пенни: выходи, говорит, за меня замуж. Не успела я сообразить, что к чему, как дело было сделано.

- А по-моему, ты очень даже хорошо сообразила, что к чему, но, может, это мне показалось, - негромко проговорил ее муж.

Миссис Пенни закончила свой рассказ и, не находя, на чем бы остановить взор, продолжала вглядываться в только что описанные картины прошлого, которые, казалось, виделись ей посередине комнаты. Замечание мистера Пенни осталось без ответа.

Тем временем возчик и миссис Дьюи, отойдя в сторонку, заговорщицки перешептывались о чем-то своем, по-видимому, весьма далеко от разговора гостей, но зато весьма близко касавшемся их желудков. Придя наконец к какому-то решению, муж с женой закончили свои таинственные переговоры, и возчик отправился в кладовку, сначала засвистав почти забытый им мотив, а затем замурлыкав песню, из которой помнил строчки полторы. Миссис Дьюи объявила гостям, что сейчас будет подан небольшой ужин.

Гости постарше, любители покушать и выпить, сделали вид, будто совсем забыли про полагавшийся в таких случаях ужин; в своей благовоспитанности они пошли даже дальше и стали беседовать на разные, не относящиеся к ужину, темы, однако вялость и принужденность тона выдавали их с головой. А

молодежь радостно заявила, что есть очень хочется и что, несмотря на поздний час, ужин будет весьма кстати.

Счастливая звезда сопутствовала влюбленному Дику за столом. Он сидел рядом с Фэнси и с восторгом пользовался возможностью пить из рюмки, из которой по ошибке отпила она, касаться башмаком края ее юбки и - о, блаженство! - гладить кошку, которая несколько минут просидела на коленях у Фэнси, а потом перебралась к нему, и чьей шерсти за секунду до этого касалась ее рука.

Кроме того, на его долю выпадали неожиданные маленькие радости; например, он стал было накладывать ей салату, когда же она отказалась, переложил себе этот салат, почти побывавший у нее на тарелке, заметив, что незачем-де пропадать добру. Вдобавок он то и дело исподтишка поглядывал на ее профиль, любуясь посадкой головы, изгибом шеи и прочими очаровательными подробностями облика резвой богини, которая тем временем вела довольно непринужденный, если не слишком непринужденный, разговор с мистером Шайнером, сидевшим напротив; не одобряя в душе такой вольности, Дик все же, после долгих колебаний, решил не придавать этому особого значения.

- А теперь у нас звучит иная музыка, - заметила мисс Фэнси, проявляя остроту ума, которой требовало ее положение, и имея в виду звон вилок и ножей, сменивший пение скрипок.

- Верно, - отозвался возчик, - а когда тебе перевалило за сорок, слушать ее, пожалуй, даже приятнее. Разве что отец не согласится - другого такого любителя скрипок не сыщешь. Они его прямо за сердце берут, верно, отец?

Старший Дьюи, сидевший на другом конце стола, улыбнулся в знак согласия.

- А как меня один раз музыка за сердце взяла, - сказал мистер Пенни, ни в жизнь не забуду. Дело было в Кэстербридже на похоронах бедняги капрала Найнмена, и я тогда в первый раз услышал "Похоронный марш". У меня прямо мороз подрал по коже и волосы на голове зашевелились - ей-богу! А когда все кончилось, и трубы прогремели в последний раз, и над могилой героя дали залп, у меня со лба скатилась капля ледяного пота и еще одна со щеки. Да, такая музыка всю душу переворачивает.

- А отец и сейчас такой же, как был в пятнадцать лет, - продолжал возчик, указывая на старого Уильяма, который в этот момент подносил ко рту ложку, - ради музыки готов хоть с голоду помереть.

- А по-моему, - проговорил Майкл Мейл и легонько откашлялся для придания вящей убедительности своим словам, - музыка с едой - родные сестры.

Он поднял кружку и стал пить, с каждым глотком все дальше запрокидываясь назад. Постепенно его тело из перпендикулярного положения приняло наклонное, а взгляд прочертил линию с противоположной стены на потолок. Затем он еще раз откашлялся.

- Сижу я как-то обедаю в трактирчике "Три моряка" в Кэстербридже, и вдруг на улице возьми да и заиграй духовой оркестр. И так, я вам скажу, они хорошо играли! А ел я - как сейчас помню! - жареную печенку и легкие. И что бы вы думали? Челюсти у меня сами заходили в такт музыке. Оркестр играет на шесть восьмых - и я волей-неволей жую на шесть восьмых. Оркестр заиграл на четыре четверти - и у меня челюсти заработали на четыре четверти. Красота, да и только! Никогда не забуду этот оркестр.

- Вот уж впрямь музыкальная история, - заметил дед Джеймс с отсутствующим видом, которым сопровождаются высказывания сугубо неодобрительного характера.

- Не люблю я эти Майкловы музыкальные истории, - сказала миссис Дьюи. Человеку воспитанному такая грубость не по вкусу.

Майкл как-то неопределенно пошевелил губами, словно хотел улыбнуться, но не знал, уместно ли это, и, наконец, придал своему лицу выражение, говорившее, что от такой приятной женщины, как жена возчика, и замечание выслушать не в тягость.

- Вот Энн не нравится, - убежденно заговорил Рейбин, - а по мне, если история чуточку грубовата, так это даже лучше, - значит, в ней все правда. И еще я люблю, чтоб у истории не было морали. Все правдивые истории, ребятки, или грубоваты, или у них нет морали, это уж непременно. Если бы в правдивых историях все было прилично, да в них была бы мораль, кому бы тогда понадобилось выдумывать притчи?

С этими словами возчик встал из-за стола и пошел принести еще сидра, меду, эля и настойки.

Миссис Дьюи вздохнула и заметила (будто бы за спиной мужа, но достаточно громко, чтобы он услышал):

- Ну что с ним поделаешь! Если бы кто знал, чего мне стоит не давать ему совсем уж распускаться. Да вот он только что за ужином сказал "морква" ну прямо как мужик. Нет, меня совсем по-другому учили. У нас в семье всегда говорили "морковь"; мать воспитывала нас, девочек, по-благородному. Во всем приходе не было другой семьи, где бы так заботились о манерах.

Пришел час расставания. Фэнси не могла остаться ночевать, потому что ее ждала дома нанятая на этот вечер женщина. Покинув редеющие ряды танцоров, она ненадолго исчезла, а когда, тепло одетая, сошла вниз, то показалась Дику изменившейся до неузнаваемости: держалась она (к его глубочайшему огорчению) весьма сдержанно и безразлично и ничем не напоминала ту резвушку, какой была всего четверть часа назад и

которая разрешала Дику обнимать себя за талию и не старалась держаться подальше от куста омелы.

"Какая перемена, - размышлял юноша с горечью закоренелого циника. - Как обманчиво поведение девушки во время танцев! Взять хоть Фэнси! Весь вечер можно было держать ее за руку, обнимать - даже целовать! По полчаса кряду я танцевал с ней, прижимая к себе так крепко, что между нами не прошел бы и листок бумаги; я слышал, как ее сердце бьется рядом с моим, я чувствовал каждое ее дыхание. Но вот она сбегала наверх, надела шляпку и накидку - и я уже не смею дотронуться до нее, словно..."

Не найдя достойного сравнения, Дик вернулся к действительности.

Однако оказалось, что он еще не испил до дна всей чаши страданий. Владелец золотой цепочки, по примеру всех пылких холостяков, беззастенчиво использующих то обстоятельство, что им по дороге с хорошенькой девушкой, заверил Фэнси, с полным пренебрежением к чувствам Дика и отнюдь не в холодных выражениях, что он (Шайнер) не такой человек, чтобы лечь спать, не доставив свою повелительницу к двери ее дома, нет уж, он не такой, никто не скажет, что он такой, и что, пока он ее не проводит, он не отойдет от нее ни на шаг, - провалиться ему, если отойдет. Мисс Дэй приняла его предложение, по мнению обуреваемого дурными предчувствиями Дика, слишком охотно, - во всяком случае, гораздо охотнее, нежели того требовало естественное желание обрести защиту от опасностей ночи.

Она ушла. Дик смотрел на стул, где она только что сидела, и он казался ему оправой, из которой вырвали драгоценный камень. На столе стояла ее рюмка, а на дне ее - остатки наливки, которую она так и не смогла допить, сколько ни уговаривал ее возчик (похлопывая при этом по плечу своей тяжелой, как паровой молот,

ручищей), но той, чьи губы касались этой рюмки, уже не было. На ее тарелке осталось несколько прелестных крошек, но той, что ела с этой тарелки, больше не было.

Оставшись с родными, Дик почувствовал, что его раздражают их благодушные физиономии. Он прямо-таки негодовал на отца, который после ухода гостей продолжал пребывать в прекрасном настроении, и от души возмущался, слушая, как дед Джеймс (который немного задержался) радуется, что все наконец разошлись.

- Ну вот, теперь можно спокойно закусить, - умиротворенно сказал возчик, - а то я за весь вечер так и не успел как следует поесть. Вот хорошенький кусочек ветчинки, не очень жирный и не очень постный, да к нему немного маринаду - куда как будет славно! И по правде сказать, ребятки, нутро у меня до того пересохло, так и горит.

- Повеселиться иногда не плохо, - сказала миссис Дьюи обычным домашним голосом, уже без той изысканной манерности, которую ей приходилось соблюдать весь вечер, - но, господи боже мой, сколько на другой день приходится вывозить грязи! И посуду надо мыть, и вилкиножи чистить, и пыль вытирать, и комнаты проветривать, да, глядишь, вдобавок стул сломали или еще чего, пожалуй, и не захочешь никакого рождества... Ох-охох! - последовал затяжной зевок, во время которого часы в углу успели протикать много раз. Затем хозяйка дома окинула взором сдвинутую с места, покрытую пылью мебель и, потрясенная этим зрелищем, опустилась на стул.

- Слава тебе, господи, помаленьку становится легче! - с набитым ртом весело проговорил возчик, не поднимая глаз от тарелки и врубаясь ножом в ветчину, точно топором в лесную чащу. - А ты иди-ка спать, Энн, что толку сидеть да зевать? У тебя и так вид, как у заигранной скрипки. Устала небось? Двери я запру,

часы заведу, а ты иди спать, а то завтра на себя не будешь похожа.

- Да уж вправду, пойти, что ли?

Миссис Дьюи провела рукой по глазам, сгоняя дремоту и набираясь сил встать и пойти наверх.

Странное дело, думал Дик, почему это отношения мужей с женами лишены всякого Чувства? Нет, если он когда-нибудь женится на этой ч_у_дной, недоступной Фэнси, они с ней никогда не забудут о Любви и не станут разговаривать такими невыносимо скучными голосами, как его отец и мать. Самое удивительное, что все отцы и матери, каких он знал, вели себя точно так же, как его родители.

IX

ДИК НАНОСИТ ВИЗИТ В ШКОЛУ

Прошла первая неделя нового года, и по окончании каникул, которые она провела дома, Фэнси снова вернулась в Меллсток.

В течение всей следующей недели Дик при каждой возможности случайно оказывался возле школы, однако Фэнси ни разу не явилась его взору. На другой день после вечеринки миссис Дьюи, убирая комнаты, нашла ее носовой платок, и Дик ценой немалых ухищрений заполучил этот дар судьбы, вызвавшись вернуть его по принадлежности, как только представится возможность. Но он все не решался прийти к Фэнси в дом под таким пустячным предлогом и откладывал эту крайнюю меру, опасаясь, что в случае, если он ей совершенно безразличен, его появление с платком может показаться довольно нелепым, что она догадается об его истинной цели, и Дик, таким образом, уронит себя в глазах этой насмешливой особы - а ее мнение, даже независимо от того, любит она его или нет, было для него теперь всего важнее.

Но терпению двадцатилетнего влюбленного есть предел, и у Дика оно наконец иссякло. И вот в субботу

он неторопливой походкой подошел к школе, окинул ее рассеянно-безразличным взглядом и узрел свой предмет в дальнем конце сада; надев перчатки и вооружившись лопатой, Фэнси сражалась с вторгшимся на запретную территорию кустом колючек.

Стараясь скрыть обуревавшие его чувства от подозрительно поблескивающих окон на другой стороне улицы, Дик прикинулся занятым человеком, который страшно спешит и хочет только побыстрее отдать платок и покончить с этим пустяковым делом.

Его ухищрения, однако, потерпели полный провал: калитка оказалась запертой, во избежание того, чтобы дети, игравшие перед школой в прятки, забежали в сад учительницы.

Фэнси его не увидела, и ему оставалось одно - окликнуть ее по имени.

- Мисс Дэй! - крикнул он, покосившись при этом в сторону любопытных окон и как бы говоря: ну и что тут такого, просто мне нравится покричать, а кто там в саду находится, мне и дела нет. Звук его голоса прокатился над садом и замер. Однако мисс Дэй его не услышала и, ничего не подозревая, продолжала возиться с кустом.

Мужественно игнорируя подглядывавшие окна, Дик крикнул еще раз. Фэнси даже не подняла головы.

В третий раз он закричал что было мочи и тут же повернулся и сделал несколько шагов назад, давая окнам понять, что он пришел сюда отнюдь не для собственного удовольствия.

На этот раз она его услышала, оторвалась от своего куста и через заднюю дверь вошла в школу. Гулко зазвучали приближающиеся шаги, дверь отворилась, и взору Дика предстали розовое личико и изящная фигурка молодой учительницы, на одну четверть скрытые косяком двери. Взглянув на своего посетителя и узнав его, она подошла к калитке.

Побледнела ли она при виде его, покраснела или осталась такой, как была, - этот вопрос Дик впоследствии задавал себе сотни раз, но так и не смог на него ответить, хотя провел в мучительных раздумьях не один час.

- Ваш платок... мисс Дэй... я... вот... принес, - проговорил он и рывком протянул ей платок. - Мать нашла его под стулом.

- Большое спасибо, мистер Дьюи. А я все ломала голову, куда он делся.

И тут Дик, не имея опыта в сердечных делах, - собственно, у него до этого вовсе не было сердечных дел, если не считать робких школьных симпатий, - не сумел воспользоваться обстановкой и совершил ошибку, которая стоила ему многих горьких минут и одной бессонной ночи.

- До свидания, мисс Дэй.

- До свидания, мистер Дьюи.

Калитка закрылась; она ушла, и Дик остался у ворот ни с чем. Разумеется, Ангел был не виноват - девушка, живущая одна, не может пригласить в дом человека, которого она так мало знает, это Дик должен был задержать ее у калитки, вместо того чтобы так глупо выпаливать "до свидания". Он пожалел, что заранее не обдумал все хорошенько, и отправился восвояси.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

ВЕСНА

І

ПРОГУЛКИ МИМО ШКОЛЫ

Весна постепенно вступала в свои права, и Дик стал гораздо чаще, чем прежде, уходить по делам, причем всякий раз оказывалось,

что кратчайший путь домой или из дому лежит мимо школьного сада. Его упорство было в конце концов вознаграждено: на девятнадцатый раз, завернув за угол сада, он увидел мисс Фэнси в открытом окне

второго этажа. На ней было темно-серое платье, и она смотрела прямо на тулью его шляпы. Последовавший обмен дружескими приветствиями так воодушевил Дика, что он стал еще чаще ходить мимо школы и почти протоптал вдоль забора тропинку, которой там никогда раньше не было. Наконец ему посчастливилось встретить Фэнси лицом к лицу на дороге возле калитки. Затем последовала еще одна встреча и еще одна. По поведению Фэнси можно было заметить, что видеть Дика доставляло ей некоторое удовольствие; но что за этим скрывалось - польщенное самолюбие или истинное чувство, которого одного лишь добивался Дик, - этого он решить не мог, хотя часами раздумывал над каждым ее словом и взглядом.

II

СОВЕТ МУЗЫКАНТОВ

Ясный весенний день клонился к вечеру. Закатное солнце, полускрытое разметавшейся гривой облаков, заливало землю приглушенным золотисто-янтарным сиянием.

Меллстокские музыканты собрались возле мастерской мистера Пенни в Нижнем Меллстоке. Всех их ярко освещало солнце, и позади каждого тянулась тень длиной с колокольню. Поля шляп не защищали глаза от света, источник которого находился так низко.

Дом мистера Пенни был последним в ряду и стоял в низине у дороги; копыта лошадей и колеса повозок оказывались вровень с окном его мастерской. Это окно, низкое и широкое, бывало открыто с утра до вечера, и в нем всегда виднелся занятый работой мистер Пенни, напоминавший вставленный в раму портрет сапожника кисти какого-нибудь современного Морони. Он сидел лицом к дороге, держа в руке шило, а на коленях башмак, и поднимал голову только в те мгновения, когда протягивал дратву; на секунду его очки вспыхивали в лицо прохожему ярким отблеском, а затем

он снова склонялся над башмаком. Позади него на стене рядами висели колодки, большие и маленькие, толстые и тонкие, а в самой глубине мастерской можно было разглядеть мальчишку-ученика, обвязавшего волосы веревочкой (видимо, для того, чтобы они не падали на глаза). Он улыбался словам приятелей мистера Пенни, остановившихся у окна поболтать, но сам в его присутствии никогда не раскрывал рта. За окном обычно было вывешено, словно для просушки, голенище сапога. Никакой вывески над дверью не было: здесь, как в старых банкирских домах и торговых фирмах, пренебрегали всякого рода рекламой, и мистер Пенни почел бы ниже своего достоинства оповещать о своем заведении посторонних, поскольку его отношения с заказчиками строились исключительно на давнем знакомстве и личном уважении.

Музыканты то подходили к самому окну мастерской и опирались о подоконник, то отступали на шаг-другой, что-то горячо доказывая мистеру Пенни и подкрепляя свою речь решительными жестами. Мистер Пенни слушал, восседая в полумраке мастерской.

- По мне, если кто с тобой одно дело делает - хотя бы по воскресеньям, - ты за тех должен стоять горой, я так считаю.

- Да уж хорошего не жди от тех, которые сроду не работали в поте лица и не знают, что это такое.

- А мне сдается, он тут ни при чем, это все она - ее штучки.

- Да нет, вряд ли. Просто это он такой несуразный. Взять хоть его вчерашнюю проповедь.

- Да что ж проповедь - задумал он ее очень даже неплохо, только не сумел написать и прочитать как следует. Вся беда в том, что она так и осталась у него в голове.

- Что ж, задумана она, может быть, и неплохо, если на то пошло, может, не хуже, чем у самого старика

Екклезиаста, да только не сумел он достать ее из чернильницы.

Мистер Пенни, который в это время затягивал стежок, позволил себе на секунду поднять голову и вставить слово:

- Да, златоустом его не назовешь, надо прямо сказать.

- На златоуста он никак не похож, - сказал Спинкс.

- Ну да ладно, что об этом толковать, - вмешался возчик. - Скажите на милость, какая нам разница, хорошие у него проповеди или плохие, а, ребятки?

Мистер Пенни проткнул шилом еще одну дырку, пропустил в нее конец дратвы, затем поднял голову и, затягивая дратву, произнес:

- Главное, как он себя повел.

Сморщив лицо от напряжения, он натянул дратву истинно геркулесовым усилием и продолжал:

- Первым делом, он начал на всех наседать, чтобы ходили в церковь.

- Верно, - отозвался Спинкс, - с этого он начал.

Увидев, что все приготовились его спутать, мистер Пенни перестал работать, сглотнул, словно принимая пилюлю, и заговорил:

- Потом он вздумал заново отделявать церковь, да узнал, что это дорого обойдется и хлопот не оберешься, и махнул на эту затею рукой.

- Верно, так оно и было.

- Потом он запретил парням во время службы складывать шапки в купель.

- Верно.

- И так все время, то одно, то другое, и вот теперь... Не найдя достаточно выразительных слов, мистер Пенни в заключение изо всех сил дернул дратву.

- И вот теперь он решил выгнать нас взащей из хора, - выждав полминуты, закончил возчик - не для того, чтобы объяснить паузу и рывок, которые и без того

были всем понятны, а просто чтобы лишний раз напомнить собранию о вопросе, поставленном на обсуждение.

Тут в дверях показалась миссис Пенни. Как все хорошие жены, она в трудную минуту полностью поддерживала мужа, хотя обычно перечила ему на каждом шагу.

- По-моему, у него не все дома, - начала она, как бы подытоживая долетевшие до нее обрывки разговора. - Куда ему до бедного мистера Гринэма. (Так звали прежнего священника.)

- Тот, по крайней мере, не заявлялся к тебе в дом в самый разгар работы и тебе не становилось неловко, что он так себя утруждает.

- Такого за ним не водилось. А этот мистер Мейболд, может, и хочет сделать как лучше, только от него одно беспокойство: просто нет никакой возможности ни золу из камина выгрести, ни полы вымыть, ни помои вынести. Видит бог, я как-то несколько дней не могла вынести помои, прямо хоть в трубу выливай или в окошко. Только я к двери с ведром, а он тут как тут: "Доброе утро, как поживаете?" А уж как неловко-то, когда джентльмен приходит в дом, а у тебя стирка и бог знает какой беспорядок.

- Ну это ему, бедняжке, просто невдомек, - вступился возчик. - Он ведь не со зла. Да уж, со священником как повезет, - все равно что угадать, орел или решка. Тут уж выбирать не приходится. Какой есть, такой и есть, ребятки, спасибо, что не хуже.

- Что-то, мне кажется, он неспроста на мисс Дэй поглядывает, задумчиво проговорила миссис Пенни, - хотя, может, я на него и наговариваю.

- Да нет, ничего такого тут нет, - сказал дед Уильям.

- Если ничего нет, так ничего и не будет, - отрезала миссис Пенни. По ее тону было видно, что она остается при своем мнении.

- Поневоле вспомнишь мистера Гринэма, - сказал Боумен. - Чтоб по домам ходить, попусту людей беспокоить - этого у него в заводе не было, годами не заглядывал. Иди, куда хочешь, делай, что хочешь, - нигде он тебе не попадетсЯ.

- Да, дельный был священник, - отозвался Майкл. - За всю жизнь один-единственный раз зашел к нам в дом - сказать покойнице жене (упокой, господи, ее душу), чтоб больше не посещала службу, потому что годы ее немалые и живет она от церкви далеко.

- И никогда он не указывал нам, какие гимны и псалмы играть по воскресеньям. "А ну вас, говорит, к бесу, пиликайте себе, что хотите, только ко мне не приставайте!"

- Да, добрейший, был человек; слова, бывало, не скажет, если мы соберемся погулять и повеселиться, да и пропустим его проповедь или, положим, если младенца не торопятся крестить, который очень уж кричать здоров. Золото был, а не священник. Вот уж за кем привольно жилось!

- А от этого ни минуты покоя; вечно допекает, чтоб мы больше думали о своей душе да о благе ближнего, - просто сил никаких нет.

- Узнал он, что купель протекает, - так она уж сколько лет протекает! а я ему говорю, что мистер Гринэм на это внимания не обращал, поплюет, бывало, на палец, да так и окрестит. Как он раскричится: "Милосердный боже! Немедленно пошлите за мастером. Куда я попал!" Не очень-то мне это было приятно слышать, если на то пошло.

- И все-таки, хоть он и против нас, а мне нравится, как новый священник взялся за дело, - заявил старый Уильям.

- Как же так, Уильям, - укоризненно сказал Боумен, - сам за оркестр голову готов сложить, а вступаешься за того, кто его разогнать хочет?

- Как мне жалко оркестр - никому так не жалко, - убежденно сказал старик, - и вы все это знаете. Я в этом оркестре с одиннадцати лет - всю жизнь, почитай. Но все ж таки я не скажу, что священник плохой человек. Мое такое твердое мнение, что он хороший молодой человек.

При этих словах в глазах старого Уильяма сверкнул былой огонек, и что-то величественное появилось в его фигуре, освещенной заходящим солнцем и отбрасывающей гигантскую тень, которая распростерлась на добрых тридцать футов и голова которой падала на ствол могучего старого дуба.

- Да, парень он простой, ничего не скажешь, - отозвался возчик, - не погнушается с тобой заговорить, грязный ты или чистый. Помню, как мы с ним в первый раз встретились: иду я по тропинке, а он мне навстречу, и хоть он меня сроду в глаза не видал, а все-таки поздоровался. "Добрый день, говорит, хорошая сегодня погода". А в другой раз я его встретил в городе. Штанина у меня была вся располосована, - это я думал срезать путь и пошел напрямиком через колючки, - и чтоб его не срамить, я поднял глаза на крышу, пусть, дескать, пройдет мимо, будто знать меня не знает. Да не тут-то было. "Добрый день, говорит, Рейбин", - и как ни в чем не бывало руку мне жмет. Будь я весь в шелку и бархате, и то нельзя было бы со мной лучше обойтись.

Тут на другом конце улицы показался направлявшийся к ним Дик, и все повернулись в его сторону.

III

ПОВОРОТ В РАЗГОВОРЕ

- Пропал наш Дик, - сказал возчик, - увяз по самую маковку.

- Что? Да не может быть! - воскликнул Мейл с видом человека, который настолько огорошен услышанным, что готов усомниться в собственных ушах.

- Ей-богу, - продолжал возчик, устремив взгляд на Дика, который шел по улице, не подозревая, что является предметом обсуждения. - Смотрю я на него и вижу, что дело его дрянь. Все-то он поглядывает в окошко; все начищает башмаки; все ему куда-то нужно идти; все смотрит на часы; только и слышим, какая она замечательная, до того, что невтерпеж прямо, а чуть намекни замолчит как могила и больше о ней ни словечка. Я сам по этой дорожке один раз прошелся, соседи, и местность мне знакомая. Говорю вам, пропал человек.

Возчик отвернулся и с горькой усмешкой поглядел на молодой месяц, который имел несчастье попасться ему на глаза.

Проникшись серьезностью положения, все молча смотрели на приближавшегося Дика.

- А все мать виновата, - говорил возчик: - И надо же ей было позвать учительшу на рождество. Я как увидел ее голубое платье да резвые ножки, так сразу почувствовал, что это не к добру. Берегись, думаю, сынок, как бы тебе голову не вскружили.

- А в прошлое воскресенье они вроде бы едва поздоровались, - осторожно, как и подобало человеку постороннему, заметил Мейл.

- Э, так всегда бывает. Как нападёт эта хворь, тут тебе и холодность, тут тебе и притворство, тут тебе и еще бог знает что. Да и то сказать немного раньше, немного позже, какая разница? Быстрее начнется, быстрее и кончится - все равно не миновать.

- Мне вот что непонятно, - заговорил Спинкс, мастерски объединяя две нити разговора воедино и отрубая рукой каждое слово, как будто важно было не то, что сказано, а как сказано, - откуда мистер Мейболд проведал, что она играет на органе? Мы ведь знаем с ее собственных слов, если только их можно принимать на веру, что она ему об этом ни единым

звучком не обмолвилась, не говоря уж о том, чтобы дать согласие играть.

На лицах собравшихся отразилось недоумение. Тут подошел Дик, и ему сообщили новость, которая привела в такое смятение музыкантов.

- Она мне сама говорила, - сказал он, вспыхнув при упоминании о мисс Дэй, - что ради дружбы к нам ни за что не согласится играть, а как это получилось, что она передумала, - понятия не имею.

- Вот что, соседи, - начал возчик, по своему обыкновению, оживляя угасающую беседу свежими мыслями, - я вам хочу такую штуку предложить. Мое дело предложить, а уж соглашаться вам или нет - смотрите сами. Мы все здесь давно друг друга знаем, верно ведь?

Все закивали. Это положение не отличалось новизной, но было весьма уместно в качестве вступления.

- Так вот, - продолжал возчик и для пущей убедительности хлопнул своей тяжелой, как гиря, рукой по плечу мистера Спинкса, который постарался при этом сохранить невозмутимый вид, - давайте завтра в шесть часов вечера, все, как один, заявимся к священнику Мейболду. Все останутся в прихожей, а один или двое пройдут в комнату и поговорят с ним, как мужчина с мужчиной. Скажем, так: "Мистер Мейболд, у себя в мастерской каждый хозяин волен распоряжаться по-своему, а в меллстокской церкви хозяин вы. Только не выгоняйте нас так сразу. Позвольте нам остаться до рождества, а там мы сами уступим место мисс Дэй, и даже слова поперек не скажем. И на вас никакого зла держать не будем, мистер Мейболд". Ну, что, разве не правильно?

- Очень даже правильно, Рейбин Дьюи.

- И если он предложит нам сесть - откажемся. Не к чему рассаживаться, когда люди только что

помирились.

- Вовсе даже не к чему. Сделаем свое дело, повернемся и уйдем - так он нас больше уважать будет.

- Пожалуй, Лифу не стоит с нами идти, - сказал Майкл, поворачиваясь к Лифу и оглядывая его с ног до головы. - Уж больно он у нас глупый - еще все испортит.

- Да тебе ведь и не хочется идти, а, Томас? - спросил Уильям.

- Хи-хи, нет, не хочется. Разве самую малость.

- Как бы ты не сморозил там какую-нибудь глупость, - сказал Мейл.

- Я страсть какой бестолковый! Так уж случилось-получилось, хи-хи!

С этим все согласились, и вовсе не потому, что хотели унижить Лифа, воспользовавшись его чистосердечным признанием, а просто потому, что Лиф ни чуточки не огорчился своей бестолковостью, и этот его недостаток был всем известен.

- Зато у меня дискант, - продолжал Томас Лиф, придя в полный восторг оттого, что его так дружелюбно называли дураком, - и я пою не хуже любой девицы, а то и лучше, да и замужней женщины тоже. А если б Джим не помер, у меня был бы умный брат! Завтра у бедненького Джима день рождения. Был бы он жив, ему бы сравнялось двадцать шесть.

- Тебе, видно, очень жаль Джима? - задумчиво спросил старый Уильям.

- Ужас как жаль! Какой бы он был помощник матери! Если бы бедненький Джим был здоровый, ей бы на старости лет не пришлось работать.

- А сколько, ему было, когда он помер?

- Четыре часа и двадцать минут. Родился он, можно сказать, ночью и не дожил, можно сказать, до утра. Вот ведь как. Мать назвала его Джимом в тот день, когда бы его крестили, если бы он не помер. Она о нем все время думает. Уж очень он рано помер.

- Да, рановато, - подтвердил Майкл.

- Я бы сказал, что у этой женщины чадолюбивое сердце, - сказал возчик, обводя взглядом присутствующих.

- Еще бы, - поддакнул Лиф. - Двенадцать человек родила, одного за другим, и все, кроме меня, померли маленькими - какие еще до рождения, какие сразу после.

- Эх ты, горемыка. Небось ведь хочется с нами пойти? - ласково проговорил возчик.

- Ладно, Лиф, возьмем уж тебя с собой, раз тебе так с братьями-сестрами не повезло, - сочувственно сказал старый Уильям.

- Бывает же такое невезение, - сказал Рейбин. - Взять хоть его бедняжку-мать. Как ни едешь мимо их дома, все-то она глядит в окошко, да так печально, точно поникший цветок. Опять же такого дисканта, как у Лифа, поискать - просто не знаю, что бы мы без него делали с верхним "си". Давайте уж возьмем беднягу - ему ведь любопытно.

- Что ж, давайте возьмем, - отозвался мистер Пенни, поднимая голову: в этот момент он как раз продергивал дратву.

- Так вот, - деловито продолжал возчик, возвращаясь к главной теме разговора, - конечно, мог бы и кто-нибудь один из нас пойти к священнику да поговорить с ним начистоту, но его куда больше проймет, если мы заявимся всем скопом. И еще, я вам скажу, тут важно не волноваться. Зайдем сначала к нам, съедим по кусочку грудинки, выпьем по кружке сидра, а потом еще подогреем меду с имбирем, и каждый перехватит по рюмочке, не больше, только для храбрости, а уж потом двинемся к священнику. Известное дело, ребятки, когда закусишь да пропустишь рюмочку, тут тебе сам черт не брат. Уж

тогда мы никому не побоимся правду в глаза сказать, будь он хоть семи пядей во лбу.

Очнувшись от глубокого раздумья, Мейл поднял глаза и выразил свое полное одобрение намеченному плану действий. На этом совет закончился.

IV

РАЗГОВОР СО СВЯЩЕННИКОМ

На другой день в шесть часов вечера музыканты в полном составе вышли из дома возчика и твердым шагом двинулись по дороге. Их поступь, однако, постепенно утрачивала свою торжественность, и, подходя к холму, за которым находился дом священника, процессия уже несколько напоминала стадо овец. Но по слову возчика музыканты подтянулись и так дружно и четко печатали шаг, спускаясь с холма, что их топот был отчетливо слышен в саду. Они снова сбились с ноги, проходя через калитку, которая, если ее толкали слишком сильно, имела скверное обыкновение бить рикошетом прямо в лицо входящему.

- А теперь давайте опять в ногу, - приказал возчик. - Так оно получается солиднее, и сразу видно, что мы пришли по важному делу.

Отбивая шаг, они подошли к крыльцу.

Рейбин позвонил. В ожидании ответа наиболее робкие члены депутации стали поправлять шапки или, отвернувшись в сторону, разглядывать первый попавшийся куст; случись кому-нибудь выглянуть в окошко, он подумал бы, что вся эта компания оказалась здесь совершенно случайно и их визит, какова бы ни была его цель, каким-то образом касался кустов и газонов священника, а не был следствием заранее обдуманного плана. Иное дело возчик: он неоднократно здесь бывал - то багаж привозил, то уголь, то дрова - и не испытывал на пороге этого дома того трепета, который охватил большинство его товарищей. Он стоял

перед дверью, пристально разглядывая дверной молоток; не обнаружив в нем ничего примечательного, он перевел взор на сучок в дверной панели и занялся изучением извилистых линий древесных волокон.

- К вам пришли, сэр, и возчик Дьюи, и старый Уильям Дьюи, и молодой Ричард Дьюи, и весь хор, сэр, кроме мальчиков! - взволнованно объявила мистериу Мейболду служанка, просунув голову в дверь. Зрачки ее глаз становились все шире, словно круги от брошенного в воду камня.

- Весь хор? - изумленно переспросил священник, молодой человек весьма привлекательной наружности, с мужественным взглядом, робким ртом и обыкновенным носом. Подняв глаза от тетради, в которой что-то писал, он воззрился на служанку, словно пытаясь припомнить, где он ее видел раньше.

- И глядят так решительно, а возчик Дьюи не смотрит ни вправо, ни влево - уставился в одну точку, не иначе, как что-то задумал.

- Вот как, весь хор, - вполголоса повторил священник, в надежде, что этот нехитрый прием поможет ему сообразить, зачем бы к нему могли пожаловать.

- Все до единого тут, разрази меня гром! - Речь служанки пестрела местными выражениями, что было неудивительно, поскольку она родилась и выросла в соседней деревне. - Вы знаете, сэр, вся округа говорит...

- Вся округа! Помилуй бог, а я и не знал, что являюсь предметом столь широкого обсуждения! - воскликнул священник, и лицо его приняло оттенок, средний между цветом розы и пиона. - Так что же говорит вся округа?

- Говорят, что они вам дадут жару, извините за грубое слово, сэр.

Тут только священник вспомнил, что давно уже твердо решил пресекать всякие попытки служанки Джейн высказывать свое личное мнение. Служанка

Джейн по выражению его лица догадалась, что он вспомнил об этом своем решении, и прежде, чем он успел сказать: "Пусть войдут", - исчезла в прихожей, потирая вмятину на лбу от косяка двери.

Несколько минут спустя из прихожей донеслись деликатное шарканье башмаков и приглушенные голоса; затем посетители принялись вытирать ноги и проделывали это так долго и старательно, словно на их подошвах налипли горы грязи; поскольку, однако, погода была совершенно сухая и заново смазанные а у Дика к тому же начищенные до блеска - башмаки ничуть не испачкались, музыканты, по-видимому, просто показывали, что, будучи людьми хорошо воспитанными, не собираются бессовестно воспользоваться сухой погодой для того, чтобы сократить положенные церемонии. Затем в прихожей послышался басистый шепот.

- А теперь, ребятки, стойте смирно и не шевелитесь! Да не шумите и станьте поближе к стенке, чтобы можно было пройти и вас -не задеть. А мы пойдем вдвоем - больше там никого не нужно...

Бас принадлежал возчику.

- И мне тоже хочется пойти и посмотреть, как все будет, - раздался тонкий голос Лифа.

- Жалко, что Лиф такой глупый, а то пускай бы пошел, - сказал кто-то.

- Я ведь отродясь не видел, как это бывает, когда музыканты приходят к священнику в кабинет поговорить о своих делах, - просил Лиф, - а так хочется поглядеть хоть разик.

- Ну что ж, пойдем, - согласился возчик. - От тебя, как от соломинки в каше - добра не будет, но и худа тоже. Ладно, ребятки, пошли.

И через секунду возчик, старый Уильям и Лиф предстали перед священником.

- Вы нас извините, сэр, но мы пришли с вами поговорить, - начал Рейбин, держа шляпу в опущенной левой руке, а правой касаясь воображаемой шляпы на голове. - Мы пришли поговорить с вами, как мужчина с мужчиной, сэр. Надеюсь, вы на нас не обидитесь.

- Конечно, нет, - сказал мистер Мейболд.

- Это вот мой престарелый отец Уильям Дьюи, сэр.

- Я вижу, - отозвался священник и кивнул старому Уильяму, который в ответ улыбнулся.

- Я думал, может, вы его без виолончели не узнаете, - извиняющимся тоном сказал возчик. - По воскресеньям-то он надевает свой лучший костюм и виолончель берет, а в другой одежде старика и не признаешь.

- А кто этот юноша? - спросил священник.

- Скажи мистеру Мейболду, как тебя зовут, - обернулся возчик к Лифу, который стоял, прижавшись спиной к книжному шкафу.

- Томас Лиф, ваше преподобие, - дрожа, ответил Лиф.

- Вы уж извините, что он такой худой с виду, - виновато сказал возчик, опять поворачиваясь к священнику. - Но его вины тут нет. Он от природы вроде как дурачок, бедняга, и никак не потолстеет, но дискант у него замечательный, вот мы его и держим в хоре.

- Такой уж я бестолковый, сэр, - с готовностью подхватил Лиф, радуясь, что его существованию нашлось оправдание.

- Бедный юноша, - сказал мистер Мейболд.

- Да он об этом вовсе не жалеет, сэр, - только бы вы ничего не имели против, - заверил его возчик. - Правда, Лиф?

- Во все нет, ни чуточки, хи-хи! Я просто боялся, что вашему преподобию это не понравится, сэр, только и всего.

Видя, что даже недостатки Лифа встречают столь снисходительное отношение, возчик в порыве великодушия решил еще больше расположить к нему священника, отметив его достоинства.

- И то сказать - для слабоумного он довольно-таки толковый парень, сэр. Никогда его не увидишь в грязном балахоне, а уж честный - другого такого не сыщешь. Вид у бедняги, конечно, страшный, а больше о нем ничего плохого не скажешь. Так ведь в своей внешности мы не вольны, сэр.

- Совершенно справедливо. Ты, кажется, живешь с матерью, Лиф?

Возчик выразительно посмотрел на Лифа, - дескать, больше уж ему при всем желании помочь никто не в силах и придется ему выкручиваться самому.

- Да, сэр, она вдова, сэр. И если бы брат Джим не помер, у нее был бы умный сын и ей не пришлось бы работать.

- Вот как? Бедная женщина. На вот, передай ей полкроны. Я найду ее навестить.

- Скажи: "Благодарю вас, сэр", - шепотом скомандовал возчик.

- Благодарю вас, сэр, - повторил Лиф.

- Ну, хорошо, садись, Лиф, - сказал мистер Мейболд.

- С-спасибо, сэр.

На этом обсуждение особы Лифа закончилось. Возчик откашлялся, выпрямился и начал приготовленную речь.

- Мистер Мейболд, - сказал он, - извините, что я говорю попросту, но я люблю брать быка за рога.

Рейбин сделал тут паузу, дабы эти слова запечатлелись в сознании священника, и вперил взгляд в своего собеседника, а затем перевел его за окно.

Мистер Мейболд и старый Уильям посмотрели туда же, по-видимому, предполагая увидеть за окном того самого быка.

- И вот мне подумалось, - употребляя прошедшее время, возчик, видимо, хотел сказать, что он не настолько Дурно воспитан, чтобы думать так и сейчас, - что по справедливости оркестру надо дать срок до рождества, а не разгонять его так сразу. Уж вы извините, что я говорю с вами попросту, мистер Мейболд.

- Конечно, конечно. До рождества, - задумчиво протянул священник, словно пытаюсь измерить оставшееся до рождества время. - Дело обстоит следующим образом: у меня к вам нет никаких претензий, и я отнюдь не желаю насильственно менять заведенный в церкви порядок и обижать кого-нибудь из моих прихожан. И если я наконец решил заменить оркестр органом, то лишь по предложению - я бы даже сказал, по настоянию одного из церковных старост, который неоднократно обращал мое внимание на то, что у нас есть человек, умеющий играть на органе. А поскольку инструмент, который я привез с собой, стоит без дела (тут он указал на стоявший у стены кабинетный орган), у меня не было оснований откладывать мое решение долее.

- А мы слышали, что мисс Дэй сама не очень хочет играть. Стало быть, это неправда, сэр? - спросил возчик извиняющимся тоном, который говорил, что он отнюдь не желает быть назойливо-любопытным.

- Она, действительно, не хотела играть. Да и я пока не собирался заводить об этом разговор - я вполне доволен вами. Но, как я уже сказал, один из церковных старост так настойчиво ратовал за орган, что мне ничего не оставалось, как дать свое согласие.

Тут священнику почему-то показалось, что его слова можно истолковать как попытку выгородить себя, а этого он, будучи щепетильным молодым человеком, делать совсем не собирался, и потому поспешил поправиться.

- Только не поймите меня превратно - идея исходила от церковного старосты, но я и сам думал просить об этом... мисс Дэй, - сказал он и по непонятной Рейбину причине густо покраснел.

- Вы уж извините, что я с вами попросту, сэр, но который же это церковный староста вам о ней говорил? - спросил возчик, давая своим тоном понять, что он не только не хочет проявлять излишнее любопытство, но предпочел бы вообще не задавать никаких вопросов.

- Мистер Шайнер.

- Вот так история, ребятки! Прошу прощения, сэр, это у меня такое присловье есть, вот оно нечаянно и вырвалось. Он на нас за что-то зуб имеет, - может, за то, что мы ему тогда под рождество спать не давали. Будьте покойны, тут дело вовсе не в том, что мистеру Шайнеру очень уж нравится орган. Он в музыке понимает, как вот этот стул. Ну да ладно.

- По-моему, вы напрасно думаете, что мистер Шайнер настаивает на органе, потому что настроен против вас. Что касается меня, то я предпочитаю органную музыку всякой другой. Я считаю, что она больше всего подходит для церковной службы и что я поступаю правильно, вводя ее у себя в церкви. Тем не менее, хотя, на мой взгляд, органная музыка и лучше, я вовсе не хочу сказать, что вы играете плохо.

- Что ж, мистер Мейболд, если пришел нам конец, мы его встретим, как подобает мужчинам, - назначайте любой день. Извините уж, что я так попросту.

Мистер Мейболд кивнул.

- Мы только думали, сэр, что перед другими приходами будет неловко, если такой старинный хор прикончится потихоньку, ни с того ни с сего, где-то там после пасхи. А вот, если бы наш конец пришелся на рождество, это было бы как-то торжественней; обидно все же сойти на нет где-то между праздниками, в воскресенье, у которого и своего названия-то нету.

- Да, да, это справедливое желание, должен признать, что желание это справедливо.

- Видите ли, мистер Мейболд, нам ведь тоже - я вас не слишком долго задерживаю, сэр?

- Нет, нет.

- Нам ведь тоже нелегко - особенно моему отцу. Возчик с такой горячностью убеждал священника, что сам не заметил, как подошел к нему почти вплотную.

- Конечно, конечно, - согласился мистер Мейболд, отступая немного, чтобы лучше видеть собеседника. - Все вы энтузиасты своего хора, и я этому очень рад. Равнодушие - это даже хуже, чем заблуждение.

- Совершенно правильно, сэр. Я вам больше скажу, мистер Мейболд, продолжал Рейбин проникновенным тоном, еще ближе надвигаясь на священника, мой отец до того любит музыку, просто удивительно.

Священник отступил еще немного, а возчик тоже вдруг сделал шаг назад, чтобы священник мог видеть его отца, и указал на старика рукой.

Уильям Дьюи заерзал в кресле и, из вежливости чуть-чуть улыбнувшись самыми уголками губ, подтвердил, что он и вправду очень любит музыку.

- Вот видите, сэр, - продолжал Рейбин и, взывая к чувству справедливости священника, искоса поглядел ему в глаза. Тот, судя по выражению его лица, очень хорошо все видел, и обрадованный возчик рванулся к нему с каким-то даже неистовством и остановился так близко, что пуговицы их жилетов только что не соприкасались. - Если бы вы, или я, или еще кто из молодых погрозил отцу кулаком, - вот так, к примеру, - и сказал: "Откажись от музыки!" - Возчик отошел к сидевшему на стуле Лифу и поднес кулак к самому его носу, отчего тот в испуге прижался затылком к стене. - Не бойся, Лиф, я тебе ничего не сделаю, это я просто, чтобы мистеру Мейболду было понятнее. Так вот, если бы вы, или я, или еще кто погрозил бы отцу кулаком и

сказал: "Выбирай, Уильям, - музыка или жизнь!" - он бы ответил: "Музыка!" Такой уж он человек, сэра, и такому человеку очень обидно, когда его гонят вместе с виолончелью.

Возчик опять вплотную подступил к священнику и с чувством посмотрел ему в глаза.

- Вы правы, Дьюи, - ответил мистер Мейболд и попытался отклонить назад верхнюю часть туловища, не двигаясь с места, но убедился в неосуществимости этого маневра и отступил еще на дюйм, оказавшись в результате многократных отступлений плотно зажатым между креслом и краем стола.

В тот момент, когда служанка возвестила о приходе музыкантов, мистер Мейболд как раз обмакнул ручку в чернильницу; когда депутация вошла в его кабинет, он, не вытирая пера, положил ручку на самый край стола. И вот теперь, шагнув назад, он задел полую сюртука за перо, и ручка свалилась сначала на спинку кресла, затем, перевернувшись в воздухе, на сиденье, а затем со стуком упала на пол.

Священник нагнулся за ручкой; нагнулся и возчик, желая показать, что, как бы ни были велики их разногласия в вопросах церковной музыки, он не настолько мелок душой, чтобы это отразилось на его личных взаимоотношениях со священником.

- Это все, что вы мне хотели сказать, Дьюи? - спросил мистер Мейболд из-под стола.

- Все, сэра. Вы на нас не в обиде, мистер Мейболд? Мы ведь просим не так уж много, - отозвался возчик из-под кресла.

- Разумеется, разумеется. Я вполне вас понимаю, и у меня нет никаких причин на вас обижаться. - Убедившись, что Рейбин нашел ручку, он поднялся с пола и продолжал: - Знаете, Дьюи, часто говорят, что очень трудно поступать согласно своим убеждениям и никого при этом не обидеть. Можно с тем же правом

сказать, что человеку, обладающему гибким умом, трудно вообще иметь какие-нибудь убеждения. Вот я, например, вижу, что и вы в какой-то степени правы, и Шайнер в какой-то степени прав. Я нахожу достоинства и в скрипках и в органе. И если мы заменим скрипки органом, то не потому, что скрипки плохи, а потому, что орган лучше. Вам это ясно, Дьюи?

- Ясно, сэр. Благодарю вас за такое отношение. Уфф! Ужас как кровь к голове приливает, когда наклонишься! - сказал Рейбин, тоже поднимаясь, и с силой воткнул ручку стоймя в чернильницу, чуть не пробив при этом дно, чтоб уж больше не падала.

Между тем старинных менестрелей, дожидавшихся в прихожей, все больше одолевало любопытство. Дик, которому вся эта затея была не слишком по душе, вскоре потерял к ней всякий интерес и ушел в направлении школы. Остальные же, как их ни подмывало узнать, что происходит в кабинете, наверно, не стали бы туда заглядывать, сознавая неблагопристойность такого поведения, если бы ручка не упала на пол. Услышав грохот сдвигаемой мебели, они решили, что объяснение перешло в рукопашную схватку, и, отбросив все прочие соображения, двинулись к двери, которая была лишь слегка притворена. Таким образом, когда мистер Мейболд выпрямился и поднял глаза, он увидел в дверях мистера Пенни во весь рост, над его головой - лицо и плечи Мейла, над макушкой Мейла - лоб и глаза Спинкса, а под мышкой у Спинкса часть физиономии Боумена; сзади же виднелись серпообразные срезы голов и лиц остальных музыкантов; в общей сложности на него было устремлено больше дюжины глаз, горевших живым любопытством.

Как это обычно бывает с экспансивными сапожниками, и не только сапожниками, мистер Пенни, встретившись взглядом со священником, почувствовал

необходимость хоть что-нибудь сказать. Однако сразу же в голову ему ничего не пришло, и он с полминуты молча глядел на священника.

- Прошу прощения, сэр, - заговорил он наконец, соболезнующе воззрившись на подбородок мистера Мейболда, - только у вас кровь идет из подбородка, там, где вы, должно быть, утром порезались, сэр.

- Это все оттого, что вы нагибались, не иначе, - высказался возчик, с интересом разглядывая подбородок священника. - Так всегда бывает - если наклониться, то кровь опять пойдет.

Старый Уильям поднял глаза и тоже стал смотреть на кровоточащий подбородок священника, а Лиф так даже отошел на два-три шага от книжного шкафа и, приоткрыв рот, предался восхищенному созерцанию этой диковины.

- Ах, боже мой, - торопливо проговорил мистер Мейболд, покраснев до корней волос, и провел рукой по подбородку, а затем, достав платок, вытер кровь.

- Ну вот, сэр, теперь опять все в порядке, почти что ничего и не заметно, - сказал мистер Пенни. - А если опять кровь пойдет, отщипните от шляпы кусочек войлока и приложите - все как рукой снимет.

- Хотите, я вам отщипну от своей? - предложил Рейбин в доказательство своих добрых чувств. - Она не такая новая, как ваша, ее не жалко.

- Нет, нет, не надо, спасибо, - ответил мистер Мейболд все с той же нервной торопливостью.

- Видно, глубоко порезались, сэр? - спросил Рейбин, движимый желанием проявить теплое сочувствие.

- Да нет, не очень.

- Что ж, сэр, когда бреешься, рука иной раз и дрогнет. Только подумаешь, что можно обрезать, глядь - уж кровь выступила.

- Я все прикидываю, какой нам назначить срок, - сказал мистер Мейболд. - Думаю, мы с вами

договоримся по-хорошему. Вам, конечно, не хочется, чтобы это было скоро, но до рождества, по-моему, слитком далеко. Я предлагаю Михайлов день или что-нибудь около этого - так будет удобно для всех. Ваши возражения против воскресенья, не имеющего своего особого названия, мне кажутся не очень убедительными.

- Хорошо, сэр. В жизни ведь никогда не бывает, чтобы вышло совсем по-твоему. Так что я от имени всех нас соглашаюсь на ваш срок.

Возчик опять коснулся воображаемой шляпы, и все музыканты сделали то же самое.

- Значит, как вы сказали, сэр, на Михайлов день уступаем дорогу молодому поколению.

- На Михайлов день, - подтвердил священник.

∨

ПО ПУТИ ДОМОЙ

- Так, говоришь, он с вами хорошо обошелся? - спросил Мейл, когда они стали подниматься на холм.

- Лучше некуда, тут уж ничего не скажешь, - ответил возчик. - Я доволен, что мы ему все выложили. Это тоже кое-чего стоит, так что сходили мы не зря, хоть особого толку и не добились. Он этого не забудет. А обошелся он с нами очень хорошо. Вот, скажем, это дерево - священник, а тут стою я, а вон тот здоровенный камень - это отец сидит в кресле. "Дьюи, - говорит он мне, - я вовсе не хочу насильственно менять заведенный в церкви порядок".

- Что ж, очень хорошо сказано, хоть слова и пустой звук.

- Очень даже хорошо сказано, просто-таки куда как хорошо. Главное что, - продолжал Рейбин, доверительно понизив голос, - как к человеку подойти. К каждому надо иметь подход. К королевам нужен подход, и к королям тоже нужен подход; и к мужчинам,

я вам скажу, найти подход ничуть не легче, чем к женщинам, а это что-нибудь да значит.

- Еще бы! - отозвались мужья.

- Мы с ним так по душам поговорили - ну прямо точно названные братья. Человек он сам по себе неплохой, вся беда в том, что ему вбивают в голову. Поэтому нас и выставляют из церкви.

- Нынче такого о людях наслушаешься, что и не знаешь, чему верить.

- Господь с вами, ребятки, он тут вообще ни при чем. Это все вон тот джентльмен постарался. (Возчик кивнул в сторону фермы Шайнера.)

- Кто - Шайнер?

- Он самый. Только священник не знает, где тут собака зарыта, а я знаю. Вы думаете, с какой стати Шайнер ему все уши прожужжал с этой девицей? (А я-то еще вчера говорил, что у них любовь с нашим Диком, да, видно, ошибся.) Чего он, думаете, носится с ней перед всем приходом? Это он надеется таким манером заполучить ее в жены. Что ж, может, оно по его и выйдет.

- Значит, женщина главнее музыки, Шайнер главнее другого церковного старосты, староста главнее священника, а господь бог тут вообще ни при чем?

- Ну да, так оно и получается, - подтвердил Рейбин. - Ну и вот, пришли мы к нему, и чувствую - нет у меня на него зла. До того он с нами вежливо обошелся, что хоть ты что хочешь делай, а совесть не позволяет с ним ссориться. Отцу так это ласково говорит: "Вы старый человек, Уильям, годы ваши немалые, садитесь-ка в кресло и отдохните, в ногах правды нет". Ну отец и уселся. Ох, и смех же было на тебя поглядеть, отец! Сначала этак спокойно уселся, вроде тебе и не впервой, а как сиденье под тобой подалось, ты со страху в лице переменялся.

- Да ведь такое дело, - стал оправдываться старый Уильям, - еще бы не испугаться, когда сиденье под тобой проваливается - откуда ж мне было знать, что оно на пружинах? Ну, думаю, что-то сломал! Куда ж это годится - пришел к человеку в дом и кресло сломал?

- Вот, соседи, как получается: ты было собрался повоевать, а твоего отца усаживают в кресло и беднягу Лифа привечают, точно он вовсе и не дурачок, - глядишь, куда и запал девался.

- А я считаю, - сказал Боумен, - что всему виной эта вертушка Фэнси Дэй. Кабы она не крутила хвостом и перед Шайнером, и перед Диком, и перед другими прочими, нас бы никогда с галереи не прогнали.

- Может, Шайнер, и больше виноват, да только без священника тут тоже не обошлось, - объявил мистер Пенни. - Жена моя стоит на том, что он влюблен в учительшу.

- Поди узнай! А что у девчонки на уме, тоже не разгадаешь.

- И чего там разгадывать в такой птахе? - удивился возчик.

- А я тебе скажу, что чем меньше девчонка, тем труднее ее разгадать. Опять же, если она в отца пошла, то ее так просто не раскусишь.

- Да, Джеффри Дэй - умнейшая голова. И все знай себе помалкивает слова из него не вытянешь.

- Какое там!

- С ним, ребята, можно сто лет прожить и не догадаться, какой он хитрец.

- Вот-вот, а какой-нибудь лондонский бумагомарака еще, глядишь, сочтет его за дурака.

- Этот человек себе на уме, - произнес Спинкс, - лишнего не скажет, не таковский. Уж если кто умеет молчать, так это он. А как молчит! Заслушаешься.

- С толком молчит. Видно, что все-то он понимает до тонкости.

- Уж так умно молчит, - подтвердил Лиф. - А посмотрит, так кажется, что он насквозь все твои мысли видит, точно колесики в часах.

- Чего там говорить, помолчать он умеет, хоть долю, хоть коротко. Ну а дочка хоть и не такая молчальница, а от его ума, надо полагать, и ей кое-что перепало.

- И из кармана небось тоже.

- Само собой: девятьсот фунтов, говорят, нажил. Ну, скажем, четыреста пятьдесят - я слухам только наполовину верю.

- Во всяком случае, кой-какие деньжата у него есть, и достанутся они не иначе как девчонке - больше-то некому. Только зачем он ее заставляет работать, если ее ждет богатство, - даже жалко девушку.

- Видно, считает, что так надо. Он знает, что делает.

- Хуже было бы, - проговорил Спинкс, - если бы она ждала богатство, а не оно ее. Мне вот такая выпала участь.

VI

В ДОМЕ ЛЕСНИКА

В следующий понедельник Дик выехал утром из дому в таком приподнятом состоянии духа, какое редко посещает даже очень молодых людей. Окончились пасхальные каникулы, кобыла Красотка, запряженная в легкую рессорную тележку, весело бежала по дороге, а Дик глядел на влажно-зеленые склоны холмов, прогретшиеся в лучах солнца, которое в эти редкие погожие деньки ранней весны светило с удовольствием новизны, а не с привычной скукой обыденности. Дик направлялся за Фэнси, гостившей у отца в соседнем приходе, чтобы отвезти ее в Меллсток и захватить кое-какую домашнюю утварь. Горизонт был затянут тучами, но впереди этой темно-серой завесы все сверкало в потоке солнечного света.

Возчик еще не сказал сыну о происках Шайнера и о его вероятных намерениях относительно Фэнси. В таких

деликатных делах он предпочитал полагаться на волю божью, убедившись на опыте, что вмешательство в дела ближних, пораженных недугом любви, никогда не приводит к добру.

Дом Джеффри Дэя стоял в глубине Иелберийского леса, входившего в обширные владения графа Уэссекса, у которого Дай выполнял обязанности главного лесника на этом участке. Неподалеку от дома проходила дорога из Кэстербриджа в Лондон, и с тех пор, как вырубили скрывавшие ее деревья, из окон уединенного домика стали видны повозки и пешеходы, взбирающиеся на ИелбериХилл.

Даже постороннему человеку было бы приятно приехать к леснику в гости в такое великолепное весеннее утро. Поднимающийся из трубы завиток дыма клонился к крыше, как голубое перо на дамской шляпке; косые лучи солнца падали на газон перед домом и оттуда - через раскрытую дверь - на внутреннюю лестницу, освещая зеленоватым светом вертикальные доски ступенек и оставляя в тени горизонтальные.

Подоконник в гостиной был расположен высоко над полом и с наклоном книзу, а под ним стояла широкая низкая скамья, которая, так же как и стена позади нее, всегда находилась в густой тени; это было большим неудобством, но зато гостям не так бросались в глаза шелуха и брызги воды, разбрасываемые канарейкой из подвешенной в окне клетки. Стекло в оконной раме, разделенной толстым переплетом на ромбы, было, особенно в нижней части, все в узелках различных оттенков зеленого цвета. Фэнси очень хорошо знала, что, если смотреть через эти узелки, предметы за окном искажаются самым нелепым образом: шляпы отделяются от голов, плечи - от туловищ, спицы колес разлетаются в беспорядке, а прямые стволы елей изгибаются серпом. Посередине потолка проходила

балка; сбоку в нее был вбит большой гвоздь, предназначенный исключительно для шляпы Джеффри, а над гвоздем темнела полукруглая полоса - след от полей этой шляпы, которую частенько вешали на гвоздь насквозь промокшей.

Комната была чрезвычайно странно обставлена. Принцип, по которому Ной заселил свой ковчег, распространялся здесь на неодушевленные предметы каждый был представлен дважды. Двойственность в мебелировке была придумана предусмотрительной матерью Фэнси и проводилась с момента появления девочки на свет. Зачем - было ясно любому: второй комплект предназначался в приданое Фэнси. Самой заметной парой были тикавшие наперебой двое часов с зелеными циферблатами и недельным заводом; одни из них отбивали двенадцать часов за две с половиной минуты: другие - за три; одни причудливыми завитушками сообщали, что их изготовил Томас Вуд, на других - украшенных сводчатым верхом и вообще отличавшихся более вызывающей внешностью - значилось имя Изикиела Сондерса. Отчаянное соперничество этих двух ныне уже покойных кэстербриджских часовщиков было после их смерти наиболее выразительно увековечено в доме Джеффри. К сей главной статье будущего приданого справа примыкали два кухонных столика с полками - каждый с полным набором чашек, блюдец и тарелок; кроме того, налицо были две этажерки, две большие Библии, две жаровни и, наконец, два стоящих вперемешку гарнитура стульев.

Самое уютное место в комнате было против камина. Там хватало места не только для самого Джеффри, но и для кресла и рабочего столика его жены, причем оба располагались так, что их не обдавало жаром от пылающего очага; над очагом было тоже достаточно простора - там помещались деревянные жерди, к

которым подвешивали для копчения куски грудинки; свисавшие с них длинные лохмотья сажи раскачивались на сквозняке, точно обветшалые знамена на стенах древних замков.

Все эти качества были присущи большинству каминов округа, но этот камин обладал одной достопримечательностью, которая не только привлекала к нему интерес случайных титулованных посетителей - для тех любой камин в простом доме был до некоторой степени диковиной, - но и вызывала восхищение друзей, привычных к очагам обычного местного образца. Этой особенностью было маленькое оконце в трубе чуть повыше очага, к которому нежно льнули кольца дыма, отклонявшиеся от перпендикулярного пути. Под оконцем помещалась полка, испещренная черными кругами - отпечатками от раскаленного дна кружек, которые ставили сюда, после того как их содержимое подогрелось в горячем пепле очага; круги эти придавали полке сходство с конвертом, побывавшим во множестве почтовых отделений.

Фэнси порхала по комнате, накрывая на стол, и, наклоняя голову то вправо, то влево, напевала обрывки песенок, которые возникали у нее в уме, как грибы после дождя. Наверху слышались шаги миссис Дэй. Наконец Фэнси подошла к двери.

- Отец! Обедать!

Лесник, высокий и сухощавый мужчина, размеренным шагом прошел мимо окна и через секунду вошел в комнату. Первое, что в нем обращало на себя внимание, была привычка все время смотреть вниз, словно он старался вспомнить что-то, сказанное вчера. Его лицо бороздили даже не морщины, а скорее трещины, а под глазами и над ними залегали глубокие складки, казавшиеся добавочными веками. Нос у него задирался кверху, - след одной из схваток с браконьерами, - и, когда заходящее солнце светило

леснику в лицо, собеседники могли заглянуть ему глубоко в ноздри. Человек он был суровый, а в минуту раздражения мог бы показаться грубым, если бы не смягчающее влияние прирожденной душевной честности, которая, однако, при отсутствии гибкого ума, не мешала ему частенько проявлять бессмысленное упрямство.

Хотя с приятелями побогаче Дэй не был таким уж молчальником, посторонних он редко достаивал словом, а со своим отловщиком Енохом объяснялся главным образом кивками. Они так хорошо изучили друг друга и их обязанности были им настолько привычны, что нужды разговаривать по делу у них почти не возникало; пускаться же с отловщиком в праздные разговоры лесник считал ниже своего достоинства ввиду тождества их кругозоров и поразительно независимого образа мыслей Еноха, совершенно неуместного, по мнению лесника, в его подчиненном положении.

Точно через три минуты после лесника в дом вошел Енох (помогавший хозяину в саду), Этот интервал он установил не без размышлений и неуклонно его соблюдал, обнаружив, что четырехминутное опоздание уже расценивалось как пренебрежение к порядкам, установленным в доме, а одновременное появление с лесником выдавало чрезмерный интерес к еде.

- Что-то ты сегодня поспешила с обедом, Фэнси, - сказал лесник, усаживаясь за стол и взглядывая на часы. - Этот твой Изикиел Сондерс опять убежал вперед против Томаса Вуда.

- А я брала посередине, - ответила Фэнси, тоже посмотрев на часы.

- Держись лучше Томаса, - сказал ей отец. - У него и стук-то надежнее сразу видно, что на него можно положиться. А время он показывает точно, все равно что городские часы. Ну, а где ж твоя мачеха?

Не успела Фэнси ответить, как за окном послышался стук колес и раздался голос Ричарда Дьюи, возвестившего о своем появлении громогласным: "Тпру, Красотка!"

- Глянь-ка, Дик уже приехал за тобой, Фэнси, и тоже раньше времени. Ну что ж, зови парня с нами обедать.

Дик вошел в комнату, всем своим видом давая понять, что интересуется Фэнси не больше, чем любой другой своей соотечественницей. Все сели за стол. Дик был несколько обескуражен тем, что Фэнси держалась с ним совершенно непринужденно, словно совсем забыв об их случайных встречах, но решил не огорчаться по этому поводу. Енох сидел наискосок от него на дальнем конце стола под угловой посудной полкой и пил сидр из высокой кружки, разрисованной коричневыми елками. Он изредка вставлял словечко в общий разговор и вообще находился в выгодном положении, поскольку мог пользоваться всеми удобствами застольной беседы (хотя и не слишком оживленной), но не был обременен обязанностью ее поддерживать.

- Что ж это твоя мачеха не идет, Фэнси? - опять спросил Джеффри. - Ты уж извини ее, Дик, у нее иногда бывают странности.

- Ну конечно, - отозвался Ричард таким тоном, словно для него было привычным делом извинять людей со странностями.

- Вторые жены - это, брат, чудной народ.

- Совершенно справедливо, - сочувственно подтвердил Дик, хотя, к чему относилось сочувствие, было неясно.

- Да, женщине нелегко быть второй женой, особенно если она была первой, как вот моя.

- Наверно, нелегко.

- Видишь ли, первый ее муж был молодой парень и все ей спускал, вот она и повадилась чуть что - поднимать скандал. А когда я на ней женился и увидел

такое дело, то подумал, что ее уже все равно не переделаешь, и махнул на нее рукой. Но странностей у нее хватает, даже слишком иной раз.

- Очень жаль это слышать.

- Да, жены - народ трудный. Понимаешь, какая штука, - хоть они никогда не бывают правы, но никогда и не ошибаются больше чем наполовину.

Фэнси, видимо, стало не по себе от этих прозаических рассуждений о женах, которые могли разрушить воздушный образ, созданный, как она догадывалась с женской проницательностью, воображением Дика. Уразумев по ее гробовому молчанию, что его слова чем-то не понравились образованной дочке, Джефффри переменял разговор.

- А что, Фэнси, прислал Фред Шайнер бочонок сидра, как обещал?

- Кажется, прислал. Да, прислал.

- Хороший человек Фред Шайнер, положительный человек, - заметил Джефффри и зачерпнув ложкой соусу, понес ее к своей тарелке кружным путем над сковородой с картошкой, чтобы нечаянно не капнуть на скатерть.

В течение всего разговора Джефффри смотрел к себе в тарелку, когда же он потянулся за соусом, то поднял глаза на ложку, ибо перемещение такой полной ложки на столь значительное расстояние требовало сосредоточенного внимания на всем пути. И если глаза лесника были прикованы к ложке, то глаза Фэнси с не меньшим вниманием были прикованы к лицу отца. В этом не было ничего преднамеренного или скрытного, но тем не менее она пристально глядела на отца. И вот почему.

Дик сидел справа от нее, а отец - напротив. И вот когда Фэнси на секунду положила правую руку на край стола, Дик вдруг, к ее полному смятению, положил вилку и, потеряв лоб словно бы в объяснение своих

действий, на треть закрыл ладонью руку Фэнси. Вот тут-то наша невинная Фэнси, вместо того чтобы выдернуть руку из западни, стала настороженно следить за глазами отца, дабы он не обнаружил эти опасные проделки Дика. Дик дожеввал то, что у него было во рту; Фэнси доела кусочек хлеба, по-прежнему не принимая никаких мер и лишь наблюдая за Джефффри. Вот он поднял глаза, и руки моментально разошлись - Фэнси отдернула свою на шесть дюймов, Дик отодвинул свою на один.

- Я сказал, что Фред Шайнер хороший человек, - настойчиво повторил Джефффри.

- Да, да, конечно, - запинаясь, проговорил Дик, - только я его плохо знаю.

- Можешь мне поверить. Я-то его знаю лучше некуда. И ты ведь тоже его неплохо знаешь, а, Фэнси?

Джефффри произнес эти слова значительным тоном, явно вкладывая в них какой-то глубокий смысл.

У Дика в глазах мелькнуло беспокойство.

- Передай мне, пожалуйста, хлеб, - торопливо сказала Фэнси; румянец на ее лице несколько сгустился, а взгляд выражал необыкновенную озабоченность, едва совместимую с просьбой передать всего лишь кусок хлеба.

- На, пожалуйста, - ответил Джефффри, не замечая беспокойства дочери. Так вот, - продолжал он, возвращаясь к прерванной мысли, - если все пойдет гладко, мы, наверное, еще ближе сдружимся с мистером Шайнером.

- Очень хорошо, просто великолепно, - отозвался молодой человек, мысли которого совсем не следовали за высказываниями Джефффри, а льнули к той, что сидела в двух футах слева от него.

- Из-за хорошенького личика даже северный ветер свернет со своего пути, мастер Ричард, убей меня бог, если нет.

Тут Дик всерьез беспокоился и стал слушать Джеффри с полным вниманием.

- Да, да, и северный ветер, - добавил Джеффри после внушительной паузы. - И хоть она моя плоть и кровь...

- Принеси, пожалуйста, из кладовки сыру, - перебила его Фэнси таким настоятельным тоном, словно умирала с голоду.

- Сейчас, девочка; я вот все называю ее девочкой, а не дальше как в прошлую субботу мистер Шайнер... сыру, говоришь, принести, Фэнси?

Дик решил оставить без внимания таинственные ссылки на мистера Шайнера, тем более что намеки отца были явно неприятны Фэнси, и ответил безразличным тоном постороннего человека, совершенно незнакомого с делами округа:

- Что правда, то правда, девичьи лица имеют большую власть над людьми. Лесник вышел за сыром.

- Разговор принял чрезвычайно странный оборот; во всяком случае, я не давала никаких оснований для подобных предположений, - вполголоса, но так, чтобы Дик ее услышал, проговорила Фэнси.

- Чему быть, того не миновать, - воскликнул из своего угла Енох, видимо решив восполнить отсутствие Джеффри. - Женись-ка на ней, мастер Дьюи, и дело с концом.

- Не говори глупостей, Енох, - строго сказала Фэнси. Енох смиренно умолк.

- Если суждено жениться, то женишься, а если суждено остаться холостым, останешься холостым, - заметил Дик.

При этих словах Джеффри, который уже вернулся за стол, сжал губы в тонкую линию и устремил взор за окошко, вдоль просеки, в конце которой виднелась дорога, поднимавшаяся на Иелбери-Хилл.

- Не всегда так получается, - медленно проговорил он наконец, словно бы читая эти слова на доске, прибитой к столбу на дороге.

Фэнси заинтересованно подняла на отца глаза, а Дик спросил:

- Не всегда?

- Взять хоть мою жену. Ей судьба определила никогда и ни за кого не выходить замуж. А она решила, что выйдет, - и пожалуйста, вышла, даже два раза. Чего там судьба! Куда судьбе тягаться с пожилой женщиной - судьба против нее девчонка.

Над головой у них послышались шаги, затем кто-то стал спускаться по лестнице. Дверь отворилась, и вторая миссис Дэй вошла в комнату и направилась к столу, устремив на него пристальный взгляд и, казалось, не замечая сидящих за ним людей. Короче говоря, если бы стол был людьми, а люди - столом, ее поведение было бы в высшей степени естественным.

У нее было ничем не примечательное лицо, неопределенного цвета волосы с сильной проседью и прямая фигура, почти безо всякого намека на бедра; широкая белая тесьма передника, повязанного поверх темного шерстяного платья, говорила о большой чистоплотности.

- Теперь небось пойдут говорить, - начала она, - что у Джейн Дэй не скатерти, а одна рвань.

Тут Дик заметил, что скатерть была изрядно потерта, и, поразмыслив секунду, заключил, что под неведомыми личностями, которые "пойдут говорить", хозяйка, видимо, имела в виду его самого. Между тем миссис Дэй уже вышла и поднялась к себе наверх, откуда вскоре вернулась со стопкой камчатных скатертей, аккуратно сложенных и спрессованных от долгого лежания до твердости дерева. Она швырнула всю стопку на кресло, затем взяла одну скатерть, встряхнула ее и принялась стелить на стол, по одной

переставляя тарелки и кружки со старой скатерти на новую.

- Небось еще скажут, что у нее в доме приличного ножа с вилкой нет.

- Что вы, мне и в голову не придет говорить такое, - возразил Дик.

Но миссис Дэй уже опять исчезла в соседней комнате. Фэнси сидела как на иголках.

- Правда, странная женщина? - сказал Джеффри, спокойно продолжая есть. - Но ее уж поздно переделывать. Куда там! В нее это так въелось, что она умрет, если из нее дурь выбить. Да, очень странная женщина: посмотрел бы ты, чего только у нее не напасено наверху.

На этот раз миссис Дэй принесла коробку, где лежали блестящие стальные ножи с роговыми ручками, посеребренные вилки и большой нож с вилкой для мяса - все честь честью. Она швырнула каждому нож и вилку, предварительно стерев с них слой смазки, воткнула большой кож в кусок мяса на блюде, а те ножи и вилки, которыми ели раньше, собрала и унесла.

Джеффри невозмутимо отрезал себе кусок мяса новым ножом и спросил Дика, не положить ли ему еще кусочек.

Накрывая на стол к обеду, Фэнси приготовила и чайный сервиз, - у деревенских жителей было принято, в целях экономии времени, сразу обедать и пить чай.

- Таких лодырей, сплетников, шалопаев и сорвиголов, как у нас в приходе, свет не видывал, - продолжала миссис Дэй, не глядя ни на кого из присутствующих и проворно собирая со стола чашки коричневого дельфтского фаянса. - Небось ведь и о моем чайном сервизе будут болтать!

Она ушла, забрав чашки, блюда и чайник для заварки, и вернулась с сервизом белого фарфора. Кроме того, она принесла что-то завернутое в коричневую

бумагу. Развернув эту бумагу, под которой оказался еще слой папиросной бумаги, миссис Дэй извлекла сверкающий серебряный чайничек.

- Дай я тебе помогу, - примирительно сказала Фэнси, вставая с места. Я просто не догадалась поставить хорошую посуду. Это все оттого, что я подолгу не бываю дома (тут она глянула на Дика) и иногда ужасно все путаю.

Ее улыбка и кроткие речи быстро сгладили неловкость.

Через несколько минут, убедившись, что больше ничто не бросает тени на честь хозяйки дома, миссис Дэй заняла свое место во главе стола и принялась с большим достоинством разливать чай. Дик, к своему немалому удивлению, обнаружил, что, покончив со своими чудачествами, она превратилась в весьма здравомыслящую женщину, с чрезвычайной серьезностью относящуюся к своим огорчениям.

VII

ДИК ПОМОГАЕТ ПО ДОМУ

Непреднамеренные намеки Джеффри относительно мистера Шайнера возымели-таки свое действие, и по дороге домой Дик, вместо того чтобы болтать без умолку, вел весьма сдержанную беседу. А после одного его замечания, высказанного с чрезмерной горячностью и слишком прямо, Фэнси тоже умолкла. Они ехали, изредка обмениваясь короткими фразами в два-три слова, касающимися лишь самых обыденных вещей.

Они добрались до места позже, чем Фэнси предполагала, и прислуживающая ей женщина ушла, не дождавшись; само собой разумеется, что Дик не мог оставить девушку одну в пустом доме и счел своим долгом помочь ей заново обосноваться после недельного отсутствия. Он перенес в дом мебель и посуду (а также клетку с канарейкой), распряг лошадь и пустил ее пастись на соседнем лужке, уже

зеленевшем молодой травой, потом разжег камин, в котором уже лежали дрова. За делами они почувствовали себя свободнее, и у них немного развязались языки.

- Ну вот, - сказала Фэнси, - а каминные щипцы-то мы забыли.

В свое время, приехав на новое место, Фэнси обнаружила в гостиной своей "почти полностью обставленной" квартиры, о которой писал управляющий школами, стол, три стула, каминную решетку и кусок ковра. Ее тогда выручила добросердечная приятельница, которая дала ей в пользование каминные щипцы и кое-что из посуды, пока Фэнси не привезет из дома все недостающее.

Дик занялся камином, орудуя вместо кочерги кнутовищем; в конце концов он совсем испортил кнут и, возвращаясь домой, вынужден был погонять лошадь прутом.

- Чайник закипел, сейчас я вас напою чаем, - сказала Фэнси и принялась рыться в корзине, которую привезла с собой.

- Спасибо, - ответил Дик, который устал с дороги и не имел ничего против чашки чая, тем более в обществе Фэнси.

- Нет, вы поглядите - всего одна чашка с блюдцем! И о чем только мать думала! Придется как-нибудь обойтись одной - вы не возражаете, мистер Дьюи?

- Ничуть, мисс Дэй, - отозвался любезный молодой человек.

- ...если я вам дам только чашку? Или только блюдце?

- Нисколько не возражаю.

- Так что же?

- Если вам нравится блюдце, то я возьму чашку.

- А если мне нравится чашка, то вы возьмете блюдце?

- Совершенно верно, мисс Дэй.

- Благодарю вас, мистер Дьюи, мне, конечно, больше нравится чашка. Пойдите, надо же еще найти ложки!

Фэнси опять полезла в корзину; минуты через две или три она подняла голову и спросила:

- Может, вы как-нибудь обойдетесь без ложки?

- Прекрасно обойдусь, - ответил на все согласный Дик.

- Дело в том, что ложки куда-то подевались, - наверно, завалились на самый низ. А, вот одна есть! Дать вам ее, мистер Дьюи, или не надо?

- Не надо. Мне ложку не обязательно.

- Тогда я возьму ее себе. Я без ложки не могу. А вам придется мешать чай ножом. Будьте добры, снимите чайник с огня, а то он весь выкипит.

Дик метнулся к камину и с готовностью снял чайник.

- Ну вот, вы так торопились, что вымазали руку сажей. Чайник берут тряпкой - неужели вас дома этому не научили, мистер Дьюи? Ну, ничего, пойдете, я тоже вымою руки.

Они пошли в соседнюю комнату, где на табуретке стоял таз.

- У меня только один таз, - сказала она. - Закатывайте рукава, а я тем временем вымою руки.

Она опустила руки в воду и вдруг воскликнула:

- Ах, какая досада, - воды для вас совсем не осталось - разве что вы принесете из колодца, а он ужас какой глубокий. Все, что было в кувшине, я вылила в чайник и в этот таз. Может, вы вымоете руки в той же воде, что и я?

- С удовольствием. А чтобы не тратить время зря, я, с вашего разрешения, не буду ждать, пока вы кончите.

С этими словами он опустил руки в таз, и они стали плескаться в четыре руки. Впервые в жизни прикоснувшись к женским рукам под водой, Дик

отметил про себя, что ощущение это довольно приятное.

- Я уж не пойму, где мои руки, а где ваши, они совсем перепутались, сказала Фэнси, поспешно вынимая руки из воды.

- Ну и пусть себе - я, по крайней мере, ничего не имею против, - сказал Дик.

- Батюшки - полотенце-то я не достала! Всегда вспоминаешь о полотенце, когда руки уже мокрые!

- Само собой.

- "Само собой"! Как это скучно, когда с тобой во всем соглашаются! Подите сюда, мистер Дьюи. Вы не сумеете поднять крышку сундука локтем, а потом как-нибудь вытащить из-под белья полотенце? Только ни в коем случае не трогайте ничего мокрой рукой - сверху лежат накрахмаленные вещи.

С помощью ножа и вилки Дик умудрился достать полотенце из-под кисейного платья, не замочив последнего.

- Боюсь я за это платье, - осмелился он сказать неодобрительным тоном, когда они вместе вытирали руки.

- Что? - спросила мисс Дэй и посмотрела в открытый сундук, где лежало платье, о котором шла речь. - А, знаю, что вы хотите сказать, - по-вашему, священник не позволит мне надевать кисейное платье?

- Вот именно.

- Ну что ж, мне прекрасно известно, что в глазах церкви кисея - слишком вызывающий наряд и не подходит для девушек, которые зарабатывают на жизнь своим трудом. Но мы еще посмотрим.

- Надеюсь, вы это говорите не серьезно?

- Вполне серьезно: мы еще посмотрим. - На лице Фэнси появилось решительное выражение, которое очень ей шло и могло не понравиться разве что епископу, священнику или дьякону. - Думается, я сумею

переубедить любого священника, которому нет еще сорока лет.

Дик предпочел бы, чтобы она не бралась переубеждать священников.

- Мне не терпится отведать вашего чудесного чаю, - сказал он довольно непринужденным тоном, но без излишней вольности, как подобает человеку, занимающему промежуточное положение между гостем и постоянным обитателем дома, и с вожделением посмотрел на свое пустое блюдце.

- И мне тоже. Что-нибудь еще нам нужно, мистер Дьюи?

- По-моему, больше ничего, мисс Дэй.

Пододвинув себе стул, Фэнси задумчиво поглядела в окно, где можно было увидеть лишь Красотку, с аппетитом щипавшую свежую траву.

- Никто, видно, мной не интересуется, - проговорила Фэнси, устремив широко раскрытые грустные глаза куда-то мимо Красотки.

- А мистер Шайнер? - предположил Дик слегка обиженным тоном.

- Да, я и забыла, вот разве что он. Обескураженный подобным ответом, Дик тут же пожалел, что упомянул Шайнера.

- Наверно, настанет время, что и вы, мистер Дьюи, будете кем-нибудь интересоваться? - продолжала она с большим чувством, глядя ему прямо в глаза.

- Наверно, - ответил Дик с не меньшим чувством, и, в свою очередь, впился взглядом ей прямо в зрачки. Фэнси поспешила отвести глаза.

- Я хочу сказать, - продолжала она, предотвратив тем самым пылкое излияние, - я хочу сказать, что никто не идет узнать, вернулась я или нет, даже священник.

- Если вам хочется его видеть, я заеду к нему по дороге - вот только напьемся чаю.

- Нет, нет! Ни в коем случае не зовите его - незачем ему приходиться сюда, когда у меня все вверх дном. Священники - это такой несуразный народ. Они совсем теряются, когда в доме беспорядок, бродят из угла в угол и предлагают всякие нелепости в таких заумных выражениях, что голова идет кругом и хочется, чтобы они сгнули с глаз долой. Положить вам сахару?

В этот момент на тропинке, ведущей к школе, показался мистер Мейболд.

- Ну вот! Идет! Как жаль, что вы здесь, то есть, как это неловко, ах, ах! - воскликнула Фэнси; лицо ее вспыхнуло, и она, казалось, досадовала не столько на священника, сколько на Дика.

- Не беспокойтесь, мисс Дэй, я могу и удалиться, до свидания! оскорбленно сказал Дик и, надев шляпу, торопливо вышел через заднюю дверь.

Он запряг лошадь и, залезая на сиденье, увидел через окно, как священник, взобравшись на стул, вбивает в стенку гвоздь, а Фэнси с кротким видом стоит рядом и держит клетку с канарейкой, словно всю свою жизнь ни о чем другом и не помышляла, кроме как о священниках и канарейках.

VIII

ДИК СОВЕТУЕТСЯ С ОТЦОМ

По пути домой Дик погрузился в такие мучительные раздумья, перебирая в уме все происшедшее между ним и Фэнси, что дорога и окрестные предметы казались ему призрачным покровом, задернувшим гораздо более реальные картины, нарисованные его воображением. Может, она с ним просто кокетничает? Ее поведение давало ему некоторые основания полагать, что она его любит, и ровно столько же оснований полагать, что не любит. Она не убрала руку, когда он положил сверху свою; три или четыре раза они глубоко заглянули друг другу в глаза; она позволила ему некоторую вольность, когда они мыли руки; ей, по-

видимому, не понравился разговор о Шайнере. С другой стороны, она гоняла его по всему дому, как послушного пса или кота, не отрицала, что Шайнер питает к ней особое расположение, и, видимо, ничего не имела против того, чтобы мистер Мейболд в нее влюбился.

Так размышлял он, сидя на передке повозки ногами наружу и подпрыгивая всем телом в такт ходу Красотки; и вдруг, подъезжая к столбу у меллстокского перекрестка, он увидел, что навстречу ему в легком фургоне спускается с холма отец, которого тоже потряхивало на сиденье, но гораздо меньше единственно лишь по причине попадавшихся на дороге камней. Через минуту они съехались.

- Тпрру, - сказал возчик Веселому.

- Тпрру, - эхом отозвался Дик.

- Привез, значит, - миролюбиво осведомился возчик.

- Да, - ответил Дик, поставив в конце такую бесповоротную точку, словно до конца своих дней не собирался больше произнести ни единого слова. Веселый решил, что на этом разговор окончен, и двинулся было вперед.

- Тпрру, - окликнул его возчик. - Вот что я тебе скажу, Дик. Совсем ты из-за этой Фэнси извелся. Ничто тебе не мило, целыми днями знай по ней тоскуешь.

- Ну что ты. отец, - пробормотал Дик, не придумав ничего более умного.

- То самое - тпрру, Веселый! Ох, уж эти женщины, только и знают, что сбивать с толку парней.

- Брось, отец, ты просто повторяешь то, что целый свет говорит.

- Целый свет в общем-то частенько дело говорит, Дик, - он знает, что к чему.

Дик окинул взглядом просторы давно заложенного его владельцем имения.

- Вот если бы я был такой богатый, как помещик, - да только он сам гол, как сокол, - я бы тогда поговорил

с Фэнси кой о чем.

- Я бы тоже этого хотел, сынок, от всего сердца. Ну что ж, делай как знаешь, у тебя своя голова на плечах. Красотка шагнула вперед.

- Ну, а что, отец, если бы, - тпрру, Красотка! - если бы я и в самом деле немножко думал о ней и если бы она тоже, хоть этого и нет, как, по-твоему, она ведь очень даже - очень даже - ничего себе?

- Конечно, она ничего себе, кто говорит. Когда соберешься жениться, бери любую порядочную девчонку - она будет ничем не хуже других; в основном-то они все одинаковые, разница только в пустяках. Само собой, она ничего себе, одного я в толк не возьму, - зачем молодому парню вроде тебя, что живет дома припеваючи за спиной у отца с матерью, которые послали его в такую хорошую школу, что даже другим детям обидно, - зачем ему гоняться за девицей, которая ищет мужа с денежками, зачем ему бросать привольную жизнь, взваливать себе на шею такую обузу и мыкаться с женой и детьми, когда у самого нет ни кола, ни двора, ни гроша за душой, - убей меня бог, не пойму, зачем ему это нужно, вот тебе и весь мой сказ, сынок.

Дик посмотрел на уши Красотки, потом на холм, но ни один из встретившихся его взгляду предметов не подсказал ему ответа на этот вопрос.

- Да, наверное, затем же, зачем это было нужно тебе, отец.

- Ах, черт, тут ты меня поймал, сынок! - восхищенно воскликнул возчик, у которого была достаточно широкая натура, чтобы оценить артистический щелчок по носу, даже если этот нос - его собственный.

- А я все-таки кой о чем спросил ее по дороге, - сказал Дик.

- Да ну? Силы небесные, вот твоя мать обомлеет! Ну и что же? Она, само собой, согласна?

- Я не спрашивал, пойдешь ли ты за меня или нет; дай ты мне договорить и объяснить, что мне непонятно. Я просто спросил, нравлюсь ли я ей.

- Фьюю!

- Она четверть мили молчала, а потом сказала, что не знает. Вот мне и непонятно, как это понимать.

Последние слова были произнесены с твердостью человека, который решил, стиснув зубы, пренебречь насмешками.

- А понимать надо так, - веско произнес возчик, - что понимать пока нечего. Что ж, Дик, не буду кривить душой и скажу тебе честно - отец ее побогаче нас, и я не откажусь от такой невестки, если уж без невестки не обойтись.

- Но что же все-таки, по-твоему, она хотела этим сказать? - упорствовал неудовлетворенный Дик.

- Отгадчик я плохой, Дик, тем более что дело без меня было; да и то сказать, кроме твоей матери, я сроду ни с кем таких разговоров не вел.

- А что сказала мать, когда ты ее спросил? - осведомился Дик.

- У нас все было по-другому.

- Но все-таки разницы большой нет.

- Ну, если так - дай бог памяти, что же она сказала? Погоди. Я, значит, смазывал свои рабочие башмаки прямо на себе и стоял наклонившись, а она в это время - порх мимо садовой калитки, точно этакий листочек. "Энн", говорю, и тут... Да нет, Дик, это тебе не поможет: уж больно мы с твоей матерью были чудн_о_й парой, по крайней мере половина пары была чудн_о_й, я то есть, а мать твоя не то чтоб очень уж была красивая, а в обращении приятная.

- Не важно. Значит, ты сказал: "Энн..."

- Значит, я сказал "Энн"... "Энн, - говорю, а сам наклонился еще ниже и знай надраиваю башмаки, - пойдешь за меня?.." А что было дальше, и не помню -

больно много с тех пор времени прошло. Может, твоя мать вспомнит - у нее на это дело память покрепче будет. В общем, в конце концов мы как-то поженились. Свадьба была на страстной, во вторник, - и в этот же день Меллстокский клуб устроил шествие, и весь народ вывалил на улицу. А денек выдался замечательный - солнце пекло на славу. Вовек не забуду, как я вспотел по дороге в церковь - и от жары и со страха. Да ты не горюй, Дик, пойдет за тебя Фэнси, с другим не убежит - как бы не так.

- Не знаю, - отозвался Дик, похлестывая Красотку по крупу особым манером, что отнюдь не следовало расценивать как предложение сдвинуться с места. - А тут еще священник Мейболд - тоже мне поперек дороги стал.

- А что Мейболд? Неужто она вбивает в твою доверчивую голову, что он в нее влюблен? До чего ж эти девчонки много о себе понимают!

- Нет, нет. Но он к ней зашел, и она так на него посмотрела и на меня так посмотрела - совсем по-разному, и когда я уезжал, он подвешивал ей клетку с канарейкой.

- Ну а отчего бы ему не подвесить ей клетку? Что в этом такого, черт подери? Слушай, Дик, я не говорю, ты трус, но что ты совсем спятил, так это как пить дать.

- А, чего там!

- Ну и что ж ты думаешь делать, Дик?

- Не знаю.

- Тогда я тебе еще одну новость скажу. Кто, ты думаешь, виноват, что наш оркестр выгоняют из церкви? Тебе сказали?

- Нет. А разве не священник?

- Шайнер, вот кто. Он влюблен в твою Фэнси, и ему, видишь ли, хочется, чтобы она сидела за этим несуразным инструментом и стучала пальчиками по клавишам.

При этом известии грудь Дика стеснили противоречивые чувства.

- Шайнер дурак! Хотя нет, не в этом дело. Не верю я этому, отец. Да ведь Шайнер никогда бы не решился на такое, не спросясь ее. Значит, он с ней поговорил и увидел, что она не против... Нет, это все выдумки.

- А кто говорит, что она против?

- Я.

- Вот ты-то и есть дурак.

- Почему же, отец?

- Она когда-нибудь тебе говорила, что ты ей больше по сердцу?

- Нет.

- Ну и ему небось не говорила. Не знаешь ты, Дик, что за штучки эти девчонки, черт бы их побрал. Она будет клясться, что жить без тебя не может, и ведь вправду жить без тебя не может и любит тебя без памяти, а все-таки возьмет и стрельнет глазами в другого парня, даром что любит тебя без памяти.

- Она меня вовсе не любит без памяти, и в него тоже глазами не стреляла.

- Так, может, она любит его, а в тебя стреляла глазами?

- Не знаю я, как все это понимать, - мрачно сказал Дик.

- А я одно понимаю, - сказал возчик, усаживаясь поудобнее и взмахивая кнутом, - не можешь разобраться, что у девушки на уме, значит, тебе на роду написано быть холостяком. Но-но, Веселый!

И фургон поехал своим путем.

Дик решительно натянул вожжи, и его повозка осталась на месте. Неизвестно, сколько времени лошадь, повозка и человек пребывали бы в этом неподвижном состоянии, если бы, сопоставив все горестные события, Дик наконец не пришел к мысли,

что надо что-то делать, а простояв на дороге всю ночь, он отнюдь не улучшит своего положения.

Добравшись домой, он поднялся к себе в спальню, захлопнул дверь с таким видом, точно навсегда уходил из этого мира, достал листок бумаги, открыл пузырек с чернилами и принялся писать письмо. Оскорбленное достоинство автора выпирало из каждой строчки послания, в значительной степени затемняя изложение фактов и намерений; из письма трудно было понять, перестал ли он любить мисс Фэнси Дэй с этого часа и минуты, или никогда всерьез ее не любил и не собирался любить, или до сих пор умирал от любви, но теперь намеревался излечиться, или до сих пор был вполне здоров, а впредь собирался неизлечимо заболеть.

Он положил письмо в конверт, запечатал и надписал адрес строгим почерком, не позволяя себе никаких легкомысленных завитушек. Затем, положив письмо в карман, направился к школе, отмеривая каждым шагом добрых три фута. С решительным видом подошел к школьной калитке, секунду помялся, затем повернул обратно и, возвратясь домой, разорвал письмо и сел за стол.

Он взял в письме совершенно неверный тон - это было ясно как божий день. Тут требовался небрежный тон бывалого человека. Дескать, он питает к ней некоторую склонность, но и не так, чтобы уж очень; однако, будучи человеком светским, считает возможным, между прочим, осведомиться, есть ли у нее к нему что-нибудь серьезное или нет, и надеется, что она сумеет улучшить минуту ответить ему на этот вопрос.

На сей раз он нашел письмо удовлетворительным во всех отношениях и, выйдя из дому, велел пробежавшему мимо мальчишке отнести его в школу, добавив, чтобы тот не оборачивался, если он, Дик, станет кричать ему вслед и требовать письмо назад, а делал бы, как ему

первоначально приказано. Отрезав себе таким образом путь к отступлению, Дик постоял некоторое время, глядя вслед своему гонцу, а затем пошел в дом, насвистывая какие-то судорожные обрывки мелодии и, видимо, в эту минуту меньше всего расположенный свистать.

Письмо было доставлено адресату. Прошла ночь, за ней следующий день ответа не было. Еще один день. И еще. В пятницу вечером Дик решил, что, если ответа не будет на следующий день, в воскресенье он встретится с Фэнси лицом к лицу и поговорит начистоту.

Его размышления были прерваны отцом, который пришел из сада, держа в каждой руке по мешку, в котором жужжал рой пчел.

- Дик, - сказал он, - отвези-ка завтра вместо меня эти два роя миссис Мейболд, а я поеду с фургоном.

Дик обрадовался предстоящей поездке: миссис Мейболд, мать священника, которой недавно взбрело в голову разводить пчел (под невинным предлогом, что так у нее будет свой собственный дешевый мед), жила в десяти милях от Меллстока в городке Бедмут-Реджис, известном своими целебными водами; поездка займет у него весь день и поможет убить время, оставшееся до воскресенья. Дик тщательно вымыл лучшую рессорную повозку, смазал оси и положил в нее мешки с пчелами.

* ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *

ЛЕТО

I

ВЫЕЗД ИЗ БЕДМУТА

Изящно посаженная, чуть склоненная головка, густые каштановые кудри; легкая поступь маленьких ножек; красивая вышивка на юбке; ясные, глубокие глаза; одним словом - прелесть с головы до пят - вот какова была Фэнси! Сердце Дика рванулось к ней.

Случилось это в Бедмуте, на углу Мэри-стрит, около памятника королю Георгу III, там, где за углом дома

начинается безбрежное пространство почти неподвижного океана, в тот день окрашенного в яркие, зеленовато-опаловые тона. Едва Дик с Красоткой показали из-за угла, как вдруг справа от них на фоне сверкающего переливами красок океана возникла Фэнси Дэй. Она обернулась и узнала Дика.

Дик тотчас же позабыл про письмо и не стал раздумывать, почему это Фэнси очутилась здесь, а подъехал прямо к цепям эспланады, потеснив двух инвалидов в колясках, которые ожили к лету и только-только выползли на солнышко в чистых рубашках и свежее выглаженных костюмах; на Дика тоже едва не наехал неуклюжий мальчишка, кативший тележку с хлебом, не глядя по сторонам. Дик спросил Фэнси, собирается ли она сегодня вернуться в Меллсток.

- Да, я жду почтовую карету, - отвечала Фэнси, как видно тоже стараясь не думать о письме.

- Так я прекрасно могу доставить вас домой. Поедемте со мной! Зачем вам ждать еще целых полчаса?

Непонятно почему, Фэнси вдруг утратила всякую решимость и не знала, как ей поступить; тогда Дик решил дело тем, что спрыгнул на землю и без долгих разговоров помог Фэнси взобраться в повозку.

Щеки девушки вспыхнули, потом на них заиграл, как всегда, легкий румянец, и, наконец, глаза их встретились. Оба почувствовали замешательство, какое возникает, когда уже проделано все, что полагается при данных обстоятельствах. Дик, правивший лошадью, чувствовал себя менее неловко, чем Фэнси, которой было решительно нечем заняться, отчего она еще мучительнее чувствовала близость Дика и все яснее понимала, что, согласившись сесть с ним рядом, она примирилась с тоном его записки. Красотка трусила по дороге, повозка подпрыгивала, подпрыгивал и Дик,

невольно подпрыгивала и Фэнси; и она чувствовала себя в какой-то мере пленницей.

- Очень признателен вам, мисс Дэй, что вы составили мне компанию, сказал Дик, когда они проезжали мимо расположенных полукружьем крыльев "Королевской гостиницы", где его величество король Георг III много раз бывал на балах, устраиваемых мэром.

Мисс Дэй, полагавшая, что Дик чувствует себя хозяином положения, - о чем тот вовсе и не помышлял, - усмотрела в его словах великодушную попытку утешить ее, пленницу.

- Я поехала вовсе не для того, чтобы составить вам компанию, - сказала она.

Ответ прозвучал неожиданно резко, и это несколько удивило молодого Дьюи. Однако тут уместно будет заметить, что, если девушка отвечает грубостью на вежливое замечание юноши, значит, сердце ее тщетно пытается ожесточиться против него.

Молчание длилось, пока они ехали вдоль берега океана, и уже осталось позади десятка два деревьев, из тех, что окаймляют дорогу, ведущую из города на Кэстербридж и Меллсток.

- Хоть я и ехал вовсе не за этим, но приехал бы и ради одного этого, сказал Дик, когда они поравнялись с двадцать первым деревом.

- Вот что, мистер Дьюи, не любезничайте со мной, пожалуйста, это нехорошо и ни к чему.

Дик уселся, как сидел раньше, и, откашлявшись, стал бросать на Фэнси красноречивые взгляды.

- Право, всякий подумал бы, что у вас ко мне есть дело и вы сию минуту к нему приступите, - непримиримо продолжала Фэнси.

- Да, конечно, всякий подумал бы.

- Никаких у нас с вами дел нет и быть не может!

Начало вышло неудачное. Дик переменял тактику и заговорил весело, как человек, твердо решивший

никогда не влюбляться, чтобы не испытывать огорчений.

- Так как вам сейчас живется, мисс Дэй? Должно быть, весело?

- И вовсе не весело, Дик, вы же знаете.

- Веселиться не обязательно значит наряжаться.

- А я и не думала, что веселиться значит наряжаться. Господи! До чего же вы стали образованный!

- Похоже, нынешней весной с вами много чего приключилось.

- Вы что-нибудь заметили?

- Да так, ничего. Просто кое-что слышал.

- Что же это вы слышали?

- Слышал про одного красавчика с латунными запонками, медным кольцом и оловянной цепочкой для часов; говорят, он имеет какое-то отношение к вам. Только и всего.

- Ну, и расписали же вы мистера Шайнера, ведь вы его имели в виду? Запонки у него, как вам известно, золотые; цепочка настоящая серебряная; про кольцо я, правда, ничего в точности сказать не могу, да он и надевал-то его всего один раз.

- Пускай носил бы хоть каждый день, да не показывал всем и каждому.

- Для меня он ровно ничего не значит, - невозмутимо заметила Фэнси.

- Не больше, чем я?

- Вот что, мистер Дьюи, - сурово сказала Фэнси, - о нем я думаю не больше, чем о вас!

- Не больше?

Она отвернулась, чтобы получше обдумать все значение вопроса.

- Этого я вам точно сказать не могу, - отвечала она не без лукавства.

Они ехали довольно медленно, и вскоре их обогнала другая повозка, в которой тряслись фермер, его жена и работник; фермерша и работник во все глаза уставились на парочку. Фермер упорно глядел на хвост своей лошади.

- Отчего ж это вы не можете мне сказать? - спросил Дик, подхлестнув Красотку, так что теперь они ехали почти вплотную за фермером, фермершей и работником.

Фэнси молчала, смотреть им было не на что, и оба поневоле стали разглядывать то, что маячило перед глазами: они заметили, что жена фермера стиснута между мужчинами, и каждый из них, чтоб дать ей побольше места, примостился на самом краешке сиденья и едет только что не на колесе, а шелковая накидка фермерши при каждом толчке вздувается у нее между лопатками, точно воздушный шар, и сразу же опадает. Почувствовав, что на нее смотрят, фермерша обернулась, и тогда Дик ярдов на десять приотстал.

- Фэнси, отчего же вы не можете мне ответить? - повторил он.

- Оттого, что вы значите для меня ровно столько, сколько я значу для вас, - тихо сказала она.

- Вы для меня - все на свете, - отвечал Дик, осторожно кладя руку рядом с рукой Фэнси и выразительно глядя на округлую линию ее щеки.

- Нет, Ричард Дьюи, не смейте меня трогать! Я ведь ничего не сказала, и сама еще не знаю, как отнесусь к вашим чувствам, - может, выйдет совсем наоборот, понимаете? Не трогайте меня, сэр! Ради бога, Дик, не надо. Ой, посмотрите-ка!

Причиной внезапного испуга Фэнси был совсем некстати показавшийся из-за правого плеча Дика фургон для перевозки досок; в нем лениво развалились четыре плотника, разъезжавшие по округе в поисках работы. Они глазели по сторонам и, по-видимому, были

больше всего заняты тем, что перемывали косточки каждому живому существу, попадавшемуся им на глаза. Дик вышел из трудного положения, пустив лошадь рысью, и вскоре фургон с плотниками был уже еле виден, - пыль, поднятая колесами, обволакивала их, словно мгла.

- Скажите же, Фэнсж, ведь вы меня любите...

- Нет, Дик, не скажу; еще не время.

- Почему же, Фэнси?

- Не обижайтесь, но пока вам лучше называть меня "мисс Дэй". Да и мне не следовало называть вас Диком.

- Чепуха! Вы же знаете, ради вашей любви я готов на все. По-вашему, с любовью можно поступать как хочешь - то полюбить, то разлюбить, то упиваться ей, то ее отвергнуть?

- Нет, нет, я совсем так не думаю, - мягко возразила Фэнси. - но мне кажется, мне не следует думать о вас слишком много, пусть даже...

- Но ведь вам хочется думать обо мне, правда? Признайтесь же. Не надо таить правду, Фэнси. Пускай говорят, что женщина должна скрывать свои чувства, притворяться, будто не любит, и всякое такое, - не в этом счастье, уж поверьте мне. Женщина, честная в любви, как и во всем остальном, блистает добродетелями ярче всех, и в конце концов ей воздают должное.

- Ну если так, тогда я, наверное, немножко люблю вас, Дик, - нежно прошептала она, - но, прошу вас, больше ни слова.

- Раз вам так хочется, я сейчас ничего больше не скажу. Но немножко-то вы меня все-таки любите?

- Ну вот, зачем же вы заставляете меня повторять? Больше я ничего сейчас сказать не могу, будьте довольны и этим.

- Во всяком случае, я могу называть вас Фэнси? В этом ведь нет ничего дурного.

- Да, можете.

- И вы не станете больше называть меня "мистером Дьюи"?

- Хорошо, не стану.

II

ДАЛЬШЕ ПО ДОРОГЕ

Признания милой вдохновили Дика, и он тронул Красотку кнутом - хлестнул ее по шее, почти у самых ушей. Красотка, погруженная в свои думы и никак не ожидавшая, что Дик способен достать кнутом так далеко - ведь за всю поездку кнут добирался лишь до ее боков, - разом вскинула голову и пустилась резвой рысью, к великому удовольствию сидевшей позади парочки, как вдруг за поворотом дороги показалась повозка, в которой по-прежнему тряслись фермер, его работник и фермерша в развевающейся накидке.

- Чтоб им пусто было! Опять мы их нагнали.

- Ничего не поделаешь. У них такие же права на дорогу, как и у нас.

- Так-то оно так, да только неприятно, когда тебя разглядывают. Хорошо, когда на дороге ни души. Смотрите, какие коленца они выкидывают!

Тут колеса повозки фермера попали в рытвину, повозка резко накренилась, и все трое качнулись влево, когда же миновали яму, все трое подались вправо, выпрямились и снова затряслись по-прежнему.

- Станет дорога пошире, мы их обгоним.

Когда же появилась возможность осуществить это намерение., они услышали за собой легкий шорох колес, и мимо пронеслась новенькая двуколка, до того начищенная, что спицы колес сливались в сплошной сверкающий круг и отбрасывали на дорогу дрожащий луч, а дверцы и задняя стенка коляски сверкнули в глаза Дику и Фэнси, словно зеркало. Тот, кто правил, - по всей видимости, владелец экипажа, - был весьма недурен собой; рядом с ним сидел Шайнер, Проезжая

мимо Дика и Фэнси, оба обернулись и с откровенным восхищением воззрились на девушку, пока им не пришлось обратить свое внимание на повозку фермера, которую они также обогнали. Дик мельком взглянул на Фэнси, пока ее столь пристально изучали, и затем, погрузившись, снова занялся Красоткой.

- Что ж вы совсем умолкли? - с непритворным участием спросила немного погодя Фэнси.

- Пустое.

- Нет, не пустое, Дик. Ведь не могла я запретить этим людям проехать мимо.

- Конечно, нет.

- Вы, кажется, обиделись на меня. За что же?

- Не могу сказать - вы сойдетесь.

- Лучше скажите.

- Ладно. - Судя по всему. Дика подмывало высказаться, даже с риском обидеть Фэнси. - Я вот подумал - как же мы с вами по-разному любим. Стоило этим мужчинам посмотреть на вас, как вы сразу же забыли обо мне и...

- Ну, знаете, сильнее вы меня обидеть не сможете. Договаривайте!

- И на лице у вас было написано, как вам приятно, что вы им нравитесь.

- Не говорите глупостей, Дик! Вы же знаете, что это не так.

Дик с сомнением покачал головой и улыбнулся.

- Всегда доставляет удовольствие, когда тобой восхищаются. Вот я и призналась честно в своей слабости. Но ведь я ничем этого не обнаружила.

Взгляд Фэнси сказал Дику, что она будет стоять на своем, и он великодушно промолчал, чтоб ей не пришлось кривить душой. Да и кроме того, появление Шайнера дало иное направление мыслям Дика - он сразу вспомнил о том главном, что тревожило его до

встречи с Фэнси, пока ее слова не приглушили его беспокойства.

- Между прочим, Фэнси, вам известно, почему распускают наш хор?

- Нет, я только знаю, что мистер Мейболд хочет, чтоб я играла на органе.

- А известно вам, почему он этого хочет?

- Нет.

- Да потому, что его уговорил церковный староста - мистер Шайнер, а священник и сам мечтал об этом. Шайнер спит и видит, чтобы по воскресеньям вы играли в церкви. Глядишь, еще и ноты будет вам переворачивать, - ведь орган поставят рядом с его скамьей. Но вы-то ведь его не поощряли?

- Никогда! - горячо воскликнула Фэнси, и глаза ее были сама честность. - Мне он вовсе не нравится, и я впервые слышу о его намерениях! Я не прочь играть на органе в церкви, но я и не помышляла о том, чтобы выжить вас и ваш хор. Я даже и не говорила никому, что умею играть, пока меня не спросили. Неужели вы хоть на минуту могли подумать, что я сама им это предложила?

- Конечно, нет, дорогая.

- Или что он меня хоть капельку интересуется?

- Конечно, нет.

От Бедмута до Меллстока миль десять - одиннадцать, а в четырех милях от Бедмута есть отличный постоялый двор "Корабль", фронтоном которого украшает мачта и салинг; совершая поездки в город, Дик имел обыкновение делить свое путешествие на три части, - по дороге туда и обратно он останавливался на постоялом дворе, и Красотка никогда не обременяла конюшни Бедмута, - если хозяину надо было в город не надолго. Так было и на сей раз.

Фэнси проводили в небольшую комнату, где подавали чай, а Дик отправился на конюшню -

присмотреть, чтобы Красотке задали корм. Заметив, как многозначительно ухмыльнулся конюх и слонявшиеся без дела работницы, Дик попытался сделать вид, что между ним и Фэнсп ничего такого нет и он просто везет свою пассажирку домой. Потом он вошел в дом и отворил дверь в комнату Фэнси.

- Знаете, Дик, я вдруг подумала, как-то неловко, что мы тут с вами наедине. Лучше бы вам ко мне не заходить.

- Как жаль, дорогая!

- Конечно, жаль! Мне и самой хотелось, чтобы вы тоже выпили чаю, - вы ведь устали.

- Так давайте попьем вместе. Однажды, если вомните, вы мне в этом отказали.

- Помню, помню, будет уж вам. Вот и сейчас, выходит, я не слишком с вами приветлива, но только я, право, не знаю, как мне быть.

- Ну, как вы скажете, так и будет, - отвечал, недовольно поморщившись, Дик и, бросив прощальный взгляд на аппетитный чайный поднос, был уже готов ретироваться.

- Ах, Дик, если вы так говорите, значит, вы ничего не понимаете, заговорила Фэнси гораздо серьезнее, чем прежде. - Уж вы-то знаете, что я не имею права забывать о своем звании учительницы, даже если вы мне и очень по душе. Священнику совсем не понравится, если учительница его прихода станет уединяться с первым встречным.

- Да ведь я не первый встречный!

- Нет-нет, я имею в виду с молодым человеком. - И тихо добавила: - Если только я с ним не помолвлена.

- Так дело лишь за этим? Тогда давайте, моя бесценная, мое сокровище, не сходя с места, обручимся и сядем вместе пить чай! Все ведь проще простого!

- Ах! А если я не согласна? Ах, да что ж это я наделала! - запинаясь, вымолвила она, покраснев и

совсем смутившись. - Выходит, я заставила вас сделать мне предложение!

- Нет, давайте, давайте обручимся. Ну, Фэнси, согласны вы стать моей женой?

- Знаете, Дик, когда мы сюда ехали, вы мне сказали очень обидную вещь, - заговорила Фэнси, будто не расслышав последних слов Дика, однако внимательный наблюдатель заметил бы, что, когда с губ его слетело слово "жена", дыханье Фэнси стало прерывистым.

- А что я такого сказал?

- Будто я хотела понравиться тем мужчинам в двуколке.

- Вы им все равно понравились - хотелось вам того или нет. Но ведь меня-то вы любите, Фэнси?

- Да.

- Очень?

- Очень.

- И вы станете моей женой?

Сердце Фэнси неистово забилося, щеки то вспыхивали ярким румянцем, то бледнели - самые разные мысли проносились в ее голове.

Дик нетерпеливо смотрел на алый, нежный рот девушки и ждал ответа.

- Да, если отец согласится.

Дик подошел к ней, вытянув губы трубочкой, словно намереваясь просвистеть самую нежную мелодию.

- Нет, нет! - испуганно прошептала Фэнси, и скромный Дик чуть-чуть отодвинулся. - Ах, Дик, поцелуй меня, только быстрее, а то кто-то идет! воскликнула Фэнси.

.....

Спустя полчаса Дик вышел из гостиницы и, будь губы Фэнси настоящими вишнями, рот у него оказался бы совсем красным. Во дворе стоял хозяин.

- Эгей, мистер Дьюи! Ха-ха! - засмеялся он, похохатывая деликатно, с передышкой, чтоб не

получилось слишком громко; при этом он ткнул Дика локтем под ребро. - Ай, ай, ай, да разве так можно, мистер Дьюи! Заказать чай для пассажирки, а потом заявиться туда самому и распивать его вместе с ней, да еще так долго.

- А вы разве не знаете? - откликнулся Дик, изобразив непритворное изумление. - Не может быть! Ха-ха! - И он, в свою очередь, ткнул хозяина под ребро.

- Что знаю? Ну да. ха~ха-ха!

- Само собой, знаете!

- Само собой. Однако я... ничего я не знаю.

- Ну как же про мисс Фэнси и про меня? - Дик кивнул в сторону комнаты, где находилась Фэнси.

- То-то и есть, что не знаю! - отвечал хозяин постоянного двора, делая круглые глаза.

- Чтоб вы да не знали!

- Провалиться мне на этом месте, ничего я не знаю!

- Но вы же хохотали вместе со мной!

- Ну да, оттого, что вы мне по душе. Вы и сами смеялись.

- Так вы на самом деле не знаете? Вот так раз! Не знать про такое!

- Говорят вам, не знаю, - не сойти мне с этого места.

- Так вот, - начал Дик с невозмутимой торжественностью, выражавшей снисходительное изумление, - мы помолвлены, и я, само собой, о ней забочусь!

- Еще бы! Еще бы! Я-то про это и знать не знаю, вы уж извините, что я малость подшутил, мистер Дьюи. Однако ж чудно! Только в пятницу мы с вашим папашей откровенно толковали про семейные дела, и тут еще подошел лесник Дэй, так ни тот, ни другой даже словечком не обмолвились. А ведь знают меня сто лет, я и на свадьбе гулял у вашего папаша. Вот уж не ожидал от старого приятеля!

- По правде сказать, в пятницу мы еще не говорили отцу о нашей помолвке, это еще не было решено.

- Ага, стало быть, все сладилось в воскресенье. Ну да, воскресный-то день для такого дела самый подходящий.

- Да нет, вообще-то не в воскресенье.

- Небось как уроки кончились в школе, в субботу? Самое подходящее время, лучше и не придумаешь.

- Да нет, не в субботу.

- Так что же, выходит, в пути, по дороге сюда?

- Вовсе нет - стал бы я обручаться в повозке!

- Ну и осел же я! Давно бы мне догадаться, когда оно случилось! Как бы то ни было, день сегодня замечательный, и, надеюсь, в другой раз вы уж приедете с женошкой.

Фэнси должным образом проводили с постоялого двора, помогли ей сесть в экипаж, и новоявленные жених с невестой, Миновав крутой подъем перед Риджвеем, скрылись в направлении Меллстока.

III

ПРИЗНАНИЕ

То было утро позднего лета: утро, когда обильная роса не спешит исчезнуть и трава в тени весь день остается влажной. Часов до одиннадцати фуксии и георгины усыпаны мелкими каплями и брызгами влаги, переливающимися всеми цветами радуги при малейшем движении воздуха; и такие же капли висят повсюду на ветвях, словно серебряные ягодки. Нити, сотканые садовыми пауками, кажутся толстыми и блестящими. А стоит ступить по траве в солнечном и сухом местечке, как из нее, жужжа, вылетают десятки долгоножек.

В одном из таких уголков Фэнси Дэй и ее подружка Сьюзен Дьюи, дочь возчика, старались пригнуть к земле ветку, усыпанную скороспелыми яблоками. Прошло три месяца с тех пор, как Дик и Фэнси приехали вместе из Бедмута, и любовь их за это время расцвела. На пути

этой любви было немало преград, и потребовалась немалая хитрость, чтобы сохранить ее в тайне, поэтому страсть все больше захватывала Фэнси, а сердце Дика - в силу тех же причин или других - постоянно переполняли самые нежные чувства. Однако радость Фэнси не была безоблачной.

- Она так богата, богаче любой из нас, - говорила Сьюзен Дьюи. - У ее отца пятьсот акров земли, она может выйти и за доктора, и за священника, да за кого угодно, стоит ей только захотеть.

- По-моему, Дику вовсе незачем было идти на это гулянье, раз он знал, что я не смогу там быть, - с тревогой отозвалась Фэнси.

- Он не знал, что тебя там не будет, а потом уж было неудобно отказываться, - сказала Сьюзен.

- Какая же она собой? Рассказывай.

- Надо признаться, она довольно хорошенькая.

- Неужели не можешь рассказать толком! Ну же, Сьюзен. Сколько раз, ты говоришь, он с ней танцевал?

- Один раз.

- Ты как будто сказала "два раза"?

- И не думала.

- Но ему, наверно, хотелось пригласить ее еще раз.

- По-моему, нет. Ей-то, видно, очень хотелось потанцевать с ним еще. Да и всем другим девушкам тоже, Дик ведь такой красавчик и настоящий кавалер.

- Еще бы... Так как же, ты говоришь, она была причесана?

- Длинные локоны, волосы совсем светлые, и вьются сами, потому она и кажется такой хорошенькой.

- Она старается отбить его у меня. Да, да, старается! А я не могу носить локоны из-за этой несчастной школы. Но я все равно буду носить локоны, пусть даже мне придется бросить школу и уехать домой - буду, и все тут! Посмотри, Сьюзен, ну посмотри же! Разве у нее такие мягкие и длинные волосы, как у меня?

Фэнси высвободила из-под шляпы вьющуюся прядь и распустила ее по плечам, чтоб показать, какие у нее длинные волосы. Она глядела на Сюзен, стараясь угадать по глазам, что думает подруга,

- По-моему, у нее волосы почти такие же длинные, - сказала мисс Дьюи.

Фэнси, полная отчаяния, молчала.

- Хорошо бы мои были посветлее, как у нее! - печально заговорила она. Но у нее они не такие мягкие, правда? Ведь правда?

- Не знаю.

Фэнси рассеянно глянула на порхавших одна около другой бабочек - желтую и красную с черным, и тут только заметила, что к ним приближается Дик.

- Сюзен, вон идет Дик, - легок на помине!

- Ну, если так, я пошла домой, я тут лишняя. - Сюзен и в самом деле повернулась и ушла.

Показался прямодушный Дик, вся провинность которого на этом гулянье, или пикнике, заключалась лишь в том, что, любя одну-единственную Фэнси, он горько вздыхал без нее и тем самым лишил себя невинных радостей, которые могло бы доставить ему гулянье; он и с соперницей-то Фэнси стал танцевать с горя - просто не зная, как убить этот скучный, нудный вечер. Но Фэнси этому не верила.

Фэнси обдумала, как ей держаться. Упрекать Дика? О нет.

- Я ужасно расстроена, - сказала она, делая вид, что с превеликим огорчением разглядывает под деревом несколько упавших яблок; однако настороженное ухо уловило бы в ее голосе выжидательные нотки, - она словно хотела посмотреть, как отзовется Дик на ее слова.

- Из-за чего ты расстроилась? Что случилось? - горячо откликнулся Дик. - Я разделю с тобой твою горе, милая, и помогу тебе.

- Нет, нет, ты мне помочь не можешь! Никто не может!

- Отчего же? Что б там ни было, не надо так огорчаться. Скажи мне, дорогая, в чем дело?

- О, это совсем не то, что ты думаешь. Просто ужасно, и грех этот на мне!

- Грех? Да разве ты, Фэнси, способна грешить! Быть этого не может, я знаю.

- Может, может! - твердила Фэнси, очень мило разыгрывая безутешное отчаяние. - Я поступила дурно, и мне стыдно в этом сознаться. Никто меня не простил бы, никто! А уж ты и подавно! Я позволила себе кокетничать!

- Что? Неужели кокетничать? - Дик с трудом сдержал готовое прорваться негодование. - Да ведь только позавчера ты говорила мне, что в жизни своей ни с кем не кокетничала!

- Нет, кокетничала, - и так все нехорошо вышло! Я позволила другому говорить мне о любви, и...

- Боже мой! Но я прощу тебя - если это не твоя вина, - да, прощу! Теперь Дик чувствовал себя совсем несчастным. - И ты поощряла его?

- Ах, я сама не знаю... да, хотя нет. Да нет, пожалуй, все-таки поощряла?

- А кто же это?

Молчание.

- Скажи мне.

- Мистер Шайнер.

После долгого молчания, которое нарушил стук упавшего на землю яблока, мучительный вздох Дика и всхлипывание Фэнси, Дик заговорил с непритворной суровостью:

- Рассказывай все, все как есть.

- Он посмотрел на меня, а я - на него, и он мне сказал: "Пойдемте к воде - я покажу вам, как ловить снегирей". А мне, мне так хотелось научиться, - я давно

мечтала поймать снегиря! Я не устояла перед соблазном и говорю ему: "Хорошо", - а он: "Тогда идемте". И я пошла с ним к нашей прекрасной реке, и тут он говорит: "Внимательно следите за тем, что я буду делать, и тогда научитесь сами: я обмазываю веточку птичьим клеем, отхожу в сторонку и прячусь в кустах; тут прилетает умница-птичка, садится на ветку, хлопает крыльями, и она - ваша, не успеете вы и..." - и... забыла что!

- Чихнуть, - мрачно отозвался Дик из пучины поглотившего его отчаяния.

- Нет, не чихнуть, - всхлипнула Фэнси.

- Тогда, значит, "глазом моргнуть"! - Дик говорил тоном человека, решившего узнать всю правду или погибнуть.

- Вот, вот! Потом я взялась за перила, чтобы перейти по мостику и... Вот и все.

- Ну, особого греха тут нет, - сказал Дик строго, но уже повеселев. Правда, я никак не возьму в толк, чего это Шайнеру вздумалось обучать тебя не его это дело. Однако, сдается мне, тут было еще что-то, посерьезнее, а не то с чего бы тебе так расстраиваться?

Он заглянул Фэнси в глаза. О горе горькое! В них по-прежнему читалась вина.

- Нет, Фэнси, ты сказала мне не все. - Для добродушного юноши Дик говорил довольно сурово.

- Ах, не будь таким жестоким! Теперь я боюсь тебе сказать! Если бы не твоя суровость, я бы все рассказала - а теперь не могу!

- Ну же, Фэнси, милая, рассказывай. Я прощу тебя, я не могу не простить, клянусь небом и землей, не могу - хочю я того или нет, - ведь я так тебя люблю.

- И вот, когда я взялась рукой за перила, он коснулся моей руки.

- Негодяй! - выпалил Дик, мысленно стирая воображаемого соперника в порошок.

- Он посмотрел на меня и наконец спросил: "Вы влюблены в Дика Дьюи?" "Может быть", - отвечала я, а он: "Очень жаль, если так, я ведь хочу жениться на вас, всем сердцем хочу..."

- Ну и наглец! Хочет на тебе жениться. - Дик содрогнулся от горького, презрительного смеха. Но вдруг осекся, сообразив, что его могли и не принять в расчет. - Только я не знаю, может, ты и в самом деле собираешься... за него, - заключил он с леденящим душой безразличием отверженного.

- Да нет же, что ты! - отвечала Фэнси, и ее всхлипыванья начали мало-помалу стихать.

- Ну, если так, - Дик стал понемногу приходить в себя, - получается, ты раздула эту историю - наговорила всяких страхов, а кончила пустяками. И я знаю, почему ты это затеяла, - все из-за этого гулянья! - Он отвернулся от Фэнси и с решительным видом отошел на несколько шагов, словно все ему опостылело, даже Фэнси. - Тебе хотелось, чтоб я тебя приревновал, но я не позволю так с собой обращаться, - бросил он ей через плечо и гордо зашагал прочь, словно вознамерившись отправиться в самую отдаленную из английских колоний.

- О Дик, Дик! - Фэнси бросилась за ним кроткая, как овечка, - под конец она и в самом деле испугалась. - Ты меня убиваешь! У меня дурные наклонности, уж такая я гадкая, и я ничего не могу с собой поделать. Прости меня, Дик! Я тебя всегда люблю, даже когда ты выглядишь глуповато и мне кажется, что ты для меня недостаточно хорош, - я все равно тебя люблю, Дик, люблю! Но есть и кое-что посерьезнее, хотя это и не касается нашей с Шайнером прогулки.

- Что же еще? - спросил Дик. Он уже не собирался бежать в колонии, а, напротив, ударился в другую крайность: стоял как вкопанный, словно и не собирался идти домой.

- Это и вправду серьезно, - сказала Фэнси, утирая слезинки, предвещавшие новый поток слез. - Отец сказал мистеру Шайнеру, что был бы счастлив видеть его своим зятем, если он добьется моего согласия, и что он охотно разрешает ему ухаживать за мной.

IV

СОГЛАШЕНИЕ

- Это и вправду серьезно. - Дик давно не говорил так вдумчиво.

Дело в том, что Джефффри понятия не имел о постоянных встречах и прогулках его дочери с Диком. Впервые услышав, что молодые люди как будто нравятся друг другу, он заявил, что, прежде чем разрешить что-либо подобное, он должен все хорошенько обдумать, и очень неразумно со стороны Дика, уж не говоря о Фэнси, показываться и впредь на людях вместе. Но Джефффри преспокойно позабыл об услышанном и, разумеется, ничего не обдумал. А время меж тем шло, и в силу одного этого мысли Джефффри снова обратились к мистеру Шайнеру. Даже Шайнер начал было думать, что для Фэнси Дик больше не существует, хотя, со своей стороны, этот на редкость беспечный джентльмен еще не предпринял никаких шагов.

- Отец ведь поговорил не только с мистером Шайнером. - продолжала Фэнси, - он и мне прислал письмо, где пишет, что будет рад, если я приму благосклонно его ухаживания.

- Я должен сейчас же повидаться с твоим отцом! - И Дик решительно двинулся к югу; однако, вспомнив, что мистер Дьюи живет к северу, повернул обратно.

- А по-моему, нам лучше поехать к нему вместе. Не надо говорить ему, зачем ты явился, и вообще подождем, пока ты ему понравишься, завоюешь его ум через сердце, - ведь так всегда и надо сближаться с людьми. Думаю, мы вот как сделаем: я еду домой в

следующую субботу помочь нашим собирать мед. Ты можешь приехать ко мне, перекусишь у нас, попьешь чаю, а уж отец пусть сам догадывается, зачем ты приехал, ты же ему ничего не говори.

- Пусть будет так, дорогая. Но я честно и открыто попрошу у него твоей руки и не стану дожидаться, пока он сам догадается.

Тут влюбленный Дик приблизился к своей милой и хотел поцеловать ее в щеку, но губы его лишь скользнули по пряди волос на затылке - Фэнси вдруг резко отвернулась.

- И я надена хороший костюм и чистый воротничок и начищу ботинки, как в воскресенье. Вот увидишь, какой я буду приличный, а для начала это очень важно.

- Только, Дик, не надевай тот старый жилет, ладно?

- Что ты! Да разве я...

- Я не хотела тебя обидеть, Дик, дорогой, - виновато промолвила Фэнси, испугавшись, что обидела любимого, - твой жилет вовсе не плох, только, по моему, он хорош для человека женатого, а не для того, кто... (она умолкла и, вся вспыхнув, продолжала) кто еще только ухаживает за девушкой.

- Конечно, я надена самый лучший зимний жилет, на кожаной подкладке, тот, что сшила мама. У него очень красивая подкладка. Да вот еще как-то на днях мне пришлось расстегнуться - чтоб показать одному парню эту самую подкладку, и он сказал, что такую красивую, крепкую подкладку не зазорно поставить на жилет и самому королю.

- Не знаю, право, что мне-то надеть, - сказала Фэнси, словно ей было все равно, как ни одеться, и она только сейчас занялась этим важным вопросом.

- Да то синее платье, что ты надевала на прошлой неделе.

- У него воротник плохо лежит. Нет, его я не надена.

- А мне это все равно.

- Тебе-то конечно.

- Значит, все в порядке. Для тебя ведь главное - как бы мне понравиться? Правда, милая? Я-то наряжаюсь лишь для тебя, это уж верно.

- Ну да, но мне не хочется, чтоб меня опять видели в том же платье.

- Ну конечно, а вдруг какому-нибудь встречному не понравится твой нескладный воротник. А вот влюбленного мужчину, Фэнси, куда меньше интересует, какое впечатление производит он на посторонних женщин.

Трудно сказать, что звучало в словах Дика, - добродушная шутка или мягкий упрек.

- Коли на то пошло, Дик, признаюсь, - отвечала с веселой откровенностью Фэнси, - хоть я и влюблена, мне не хочется, чтобы чужие люди видели меня плохо одетой. Должно быть, мы, женщины, уж так устроены.

- Ты - лучшая из женщин.

- Да, если сделать ударение на слове "женщина", - проговорила Фэнси, наблюдая, как вокруг цветущей мальвы вьются бабочки, - словно досужие женщины вокруг витрины со шляпками.

- Так как же быть с платьем? Почему не надеть то, в котором ты была у нас на вечеринке?

- Оно сидит хорошо, да одна девушка, наша соседка, Бет Тэйлор, сшила себе почти такое же (тот же фасон, хоть материал дрянной и дешевенький), вот почему я и не могу надеть свое. Ах, боюсь, я совсем не смогу поехать.

- Ну, как же так? Поезжай, пожалуйста! - с отчаянием воскликнул Дик. А почему бы не поехать в этом платье?

- Что ты! В этом старье? Пожалуй, если в субботу я надену серое, для воскресенья может сойти и синее. Да, так я и сделаю. А вот капор или шляпку? Что мне больше к лицу?

- По-моему, лучше капор - более спокойно и солидно.
- А чем плоха шляпка? Разве она меня старит?
- Да нет, в шляпке тоже хорошо. Только в ней ты выглядишь уж очень... ты не рассердишься?
- Ничуть, я ведь надену капор.
- ...Пожалуй, уж очень кокетливо и легкомысленно - для помолвленной девушки.

Фэнси на минуту задумалась.

- Да, конечно. Но все-таки шляпка лучше. Попросту сказать, шляпка вообще лучше. Да, милый Дик, придется мне все-таки надеть шляпку, сам понимаешь - так надо.

* ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *

ОСЕНЬ

I

ЗА ОРЕХАМИ

Дик, нарядившись в "приличный" костюм, ворвался в гостиную к Фэнси, сияя от радости.

Было два часа пополудни в пятницу, как раз накануне того дня, когда Фэнси собиралась навестить отца; в классах шла уборка, и поэтому детей, поскольку они и в субботу не учились, пораньше отпустили домой.

- Фэнси! Как хорошо, что и у тебя свободны эти полдня! Красотка захромала на переднюю ногу, делать мне нечего, вот я и решил устроить себе передышку и зайти за тобой, - идем в лес за орехами.

Фэнси сидела у окна: на коленях у нее лежало синее платье, в руках были ножницы.

- За орехами! Идем. Боюсь только, я еще с часок провожусь тут...

- Да зачем же? Когда-то нам еще удастся провести вместе целых полдня...

- Я хочу надеть это платье, когда буду в воскресенье в Иелбери. А оно, оказывается, так плохо сидит, что надо его переделать. Просила ведь портниху сшить его точно по той выкройке, что я ей дала. А она

возьми да сделай все по-своему, и я в этом платье просто уродина.

- Так сколько же ты с ним провозишься? - разочарованно протянул Дик.

- Совсем не долго. Садись, я буду шить и разговаривать с тобой. Присядь, милый.

Дик уселся. Разговор шел весьма оживленно, ножницы щелкали, иголка так и мелькала в руках Фэнси, но к половине третьего беседа стала перемежаться легким постукиванием по сапогу палкой, которую Дик срезал по дороге. Фэнси без умолку болтала, но порой ее ответы на вопросы Дика звучали так не попадая, что было ясно - ее больше всего заботило лежавшее на коленях синее платье.

Часы пробили три. Дик встал, обошел всю комнату, заложив руки за спину, изучил всю мебель, тронул клавиши фисгармонии, перелистал все книги, какие попались под руку, и погладил Фэнси по голове. Но иголка все так же мелькала и ножницы щелкали по-прежнему.

Часы пробили четыре. Дик нетерпеливо кружил по комнате; зевнул украдкой; пересчитал все сучки в досках стола; зевнул, не таясь; пересчитал на потолке мух; зевнул во весь рот; отправился на кухню, вышел во двор и так основательно изучил устройство колодца, что мог бы прочесть об этом лекцию. Вернулся к Фэнси и, увидев, что она еще не кончила шить, пошел в огород; осмотрев капусту и картофель, отметил, что эти овощи выглядят как-то удивительно по-женски, выдернул несколько сорняков и возвратился в дом. Часы пробили пять, но иголка мелькала по-прежнему, а ножницы щелкали.

Дик попытался убить муху, содрал всю кору со своей палки и, вконец испортив ее, выбросил в помойное ведро, взял на фисгармонии несколько чудовищно фальшивых аккордов и нечаянно опрокинул вазу с

цветами: вода ручейком потекла со стола на пол, образуя озерко. Поразмыслив и старательно работая ногой, Дик придал лужице очертания Англии и Уэллса.

- Ах, Дик, ну зачем ты развел такую грязь?

- Прости, пожалуйста. - Он подошел к синему платью и сурово уставился на него. И тут его словно осенило.

- Фэнси!

- Да?

- Ты, помнится, сказала, что завтра, в Иелбери, наденешь серое платье и будешь в нем вечером, когда я приду к мистеру Дэю просить твоей руки?

- Да.

- А синее наденешь только в воскресенье?

- Синее только в воскресенье.

- Так ведь, милая, меня в воскресенье там не будет.

- Верно, но днем я пойду с отцом в Лонгпаддлскую церковь, народу соберется тьма-тьмущая и все на меня будут смотреть, а у платья так плохо лежит воротник.

- Я этого никогда не замечал, да и никто не заметит.

- Могут заметить.

- Тогда отчего бы не надеть серое и в воскресенье? Оно ничуть не хуже синего.

- Конечно, можно надеть и серое. Только оно не такое красивое; да и гораздо дешевле синего; и потом, я ведь уже надену его в субботу.

- Тогда, милая, надень платье в полосочку.

- Конечно, можно бы.

- Или то, другое, темное.

- Ну да, можно бы и его; только мне хочется пойти в чем-нибудь новеньком, чего на мне еще не видели.

- Понятно, понятно, - сказал Дик, и нотки любви в его голосе уже явственно заглушались другими чувствами, и рассуждал он в этот момент так: "Значит, пусть у меня, которого она, по ее словам, любит больше всех на свете, пропадут эти разнесчастные полдня

отдыха только потому, что ей захотелось надеть в воскресенье это платье, которое и надевать-то вовсе незачем, разве только для того, чтобы покрасоваться перед лонгпаддлскими франтами. А меня там вовсе и не будет".

- Выходит, эти три платья хороши для меня, но не хороши для молодых людей из Лонгпаддла, - сказал он.

- Да нет же, Дик, дело не в этом. Хотя, честно говоря, мне хочется произвести на них впечатление. Но я уже скоро дошью.

- Когда же все-таки?

- Через четверть часика.

- Отлично, через четверть часа я вернусь.

-- Так зачем же тебе уходить?

- А почему бы и не уйти?

Дик вышел из дому, прошелся немного по дороге, потом уселся у калитки. Тут он погрузился в размышления, и чем больше размышлял, тем больше злился и все яснее становилось ему, что мисс Фэнси Дэй помыкает им самым бессовестным образом, что она совсем не простушка, у которой до него не было возлюбленного, как она не раз торжественно его заверяла, и что, если она и не кокетка, то все же кавалеров у нее было хоть отбавляй; что в голове у нее одни наряды; что ее чувства хоть и пылки, но не глубоки; что она слишком много думает о том, как бы понравиться другим мужчинам. "Больше всего на свете она любит свои волосы и свой румянец, - думал Дик, начиная злиться, совсем как отец, - затем идут ее платья и шляпки, а уж потом, быть может, и я!"

Терзаясь недобрыми чувствами к своей милой, Дик не хотел смягчиться, и вдруг у него мелькнула злобная мысль. Он не зайдет за ней через четверть часа, как обещал. Да, она вполне заслужила такое наказание. И хотя лучшая часть дня безвозвратно потеряна, все-таки он пойдет за орехами, как собирался, но пойдет один!

Дик перемахнул через забор и быстро зашагал по дороге, пока мили через две извилистая тропка, прозванная Змеиным лазом, не взбежала на холм и не исчезла в густом орешнике, словно в кроличьей норе. Дик нырнул в чащу и пропал среди кустов, и вскоре уж ничто не напоминало о его присутствии, кроме шуршания веток и треска сучьев.

Никто и никогда не собирал орехов так истово, как Дик в этот день. Он трудился словно каторжный. Час проходил за часом, а он и не думал передохнуть. Наконец, когда солнце село и стало невозможно отличать орехи от укрывавших их листьев, он взвалил на плечи мешок, полный прекраснейших плодов леса, нужных ему не больше, чем груды булыжников, вышел из лесу, пересек проезжую дорогу и, посвистывая, направился домой.

Вероятно, никогда еще, ни прежде, ни после, мистер Дьюи не был столь невысокого мнения о мисс Фэнси Дэй, как в тот день. В самом деле, весьма возможно, что еще одно-два синих платья, перешитых ради лонгпаддлских молодых людей, - и в голове у Дика окончательно прояснилось бы, и он снова стал бы свободным человеком.

Но Венера рассудила иначе, - по крайней мере, в тот день. Кукушкина тропка, по которой он шел, пересекала круто поднимавшийся к небу, ярдов на пятьдесят, холм. Наверху, на фоне ярко догоравшего заката, виднелся какой-то неясный силуэт. Дик поначалу решил, что это отделившаяся от своих соседок ветка, но вот ветка чуть шевельнулась, и, подойдя ближе, Дик понял, что перед ним сидит, склонив голову на руку, живой человек. Трава приглушала шаги Дика, и лишь когда он оказался совсем рядом, человек узнал его. Еще секунда, и Дик очутился лицом к лицу с Фэнси.

- Дик, Дик! Ох, это ты, Дик!

- Да, Фэнси, - виновато отвечал Дик, опуская на землю мешок с орехами.

Швырнув на траву зонтик, Фэнси кинулась к Дику, прижалась головой к его груди и хотела что-то сказать, но разразилась такими истерическими рыданиями, каких никогда еще не знала история влюбленных.

- О Дик! - выговорила Фэнси сквозь слезы. - Куда же ты девался? Я пережила такие муки, мне казалось, ты больше никогда не придешь! Это жестоко, Дик. Нет, это справедливо! Я исходила вдоль и поперек весь лес, все искала тебя, пока совсем не выбилась из сил, - не могла больше и шагу сделать и вернулась сюда! О Дик, как только ты ушел, мне сразу подумалось, что я тебя обидела, и я бросила платье, оно так и осталось недошитым, я и не подумаю дошивать его и в воскресенье надену старое! Честное слово, Дик, когда тебя нет рядом, мне все равно, что на мне надето, да, да, ты не поверишь, но мне совершенно все равно! Я бросилась за тобой, я видела, как ты поднялся по Змеиному лазу и ни разу не оглянулся, и тут ты нырнул в чащу, я - за тобой, но не смогла тебя догнать. О, как мне хотелось вырвать все эти противные кусты, только бы опять увидеть тебя, моего ненаглядного. И я стала звать тебя, но ответа не было, а я побоялась кричать громче - вдруг бы услышал кто другой. Потом я все ходила и ходила по лесу, и мне, Дик, было так страшно. Я закрыла глаза и представила себе, как ты смотришь на какую-нибудь другую женщину, хорошенькую и милую, но лживую и бессердечную, и говоришь себе: "Ах, она ничуть не хуже Фэнси, ведь Фэнси обманывала меня, кокетничала и больше думала о себе, чем обо мне, ну так пускай эта девушка будет теперь моей милой". Ах, Дик, ты этого не сделаешь, правда? Ведь я так люблю тебя!

Вряд ли надо добавлять, что Дик тут же раз и навсегда отказался от своей свободы, что он осыпал

Фэнси поцелуями и дал ей слово, что никакая красotka никогда не завладеет его помыслами; короче, что, хотя он и подосадовал на Фэнси, теперь от досады не осталось и следа и отныне и навеки для него существует одна лишь Фэнси, - либо Фэнси, либо смерть. А потом они отправились домой - и шли очень медленно, ведь Фэнси так устала, и она опиралась на плечо Дика, а он поддерживал ее рукой за талию; правда, вскоре она настолько оправилась, что, подходя к дому, уже смогла пропеть Дику: "Скажи, зачем же ты бродишь вокруг?" Нет нужды подробно рассказывать и о том, что они совсем позабыли про мешок с орехами, и только три дня спустя его нашли в кустах ежевики и возвратили пустым миссис Дьюи - ее инициалы были вышиты на мешке красными нитками; и она долго ломала голову, стараясь понять, каким образом ее мешок попал на Кукушкину тропку.

II

СБОР МЕДА И ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

Субботнему вечеру довелось увидеть, как Дик Дьюи отправился пешком в Иелберинский лее, о чем они уговорились с Фэнси.

Местность была низменная, и после захода солнца все вокруг сразу окутал мрак. Вечернюю зарю давно уже сменили сумерки, а Дик все еще не добрался до места, и там, где он проходил остаток пути лесом, то и дело вспархивали, хлопая крыльями, спугнутые птицы, устроившиеся близ тропинки на ночлег. Когда Дик пересекал полянки, его щеки то ласкали струи горячего сухого воздуха, скопившегося за день на холмах, то обвевало влажное ночное дыханье лощин. Но вот он подошел к дому лесника и остановился у калитки; после непроглядной тьмы леса, откуда он только что появился, лужайка и сад перед домом показались Джку светлыми и хорошо различимыми.

Не простоял он ж минуты, как увидел появившуюся из дверей дома необычную процессию. Первым выступал отловщик Енох с лопатой на плече. В руке у него качался зажженный фонарь. За ним следовала миссис Дэй - при свете фонаря было видно, что она тащит какие-то странные предметы, похожие на католические кресты, изготовленные из дранки и оберточной бумаги, смоченной серой (пчеловоды называют их запалами); далее шла, накинув на голову шаль, мисс Дэй, а позади всех, во мраке, следовал мистер Фредерик Шайнер.

Присутствие Шайнера смутило Дика, и, не зная, что ему делать, он спрятался под деревом, чтобы собраться с мыслями.

- Я тут, Енох, - раздался чей-то голос; процессия двинулась дальше, и свет фонаря выхватил из темноты фигуру Джеффри, поджидавшего идущих возле ульев, расставленных вдоль дорожки. Он взял у Еноха лопату и принялся рыть рядом с ульями две ямы; остальные остановились рядом, окружив его, и только миссис Дэй вернулась в дом, сунув запалы в развилку яблони. Всю компанию освещал теперь яркий фонарь, и тени побежали по саду, как спицы колеса. Все заметили, что присутствие Шайнера смущало Фэнси, и потому, готовясь уничтожить пчел, все молчали; пока укрепляли запалы, поджигали дранку, ставили над каждой ямой по улью и утапывали вокруг них землю, никто не проронил ни слова. Но вот Джеффри выпрямился и разогнул уставшую после копанья спину.

- Ведь это была особенная семья, - начал мистер Шайнер, задумчиво оглядывая ульи.

Джеффри кивнул.

- Тысячи пчел найдут могилу в этих ямах! - воскликнула Фэнси. По-моему, это жестоко.

Ее отец покачал головой.

- Нет, - сказал он, постукивая по ульям, чтобы вытряхнуть из ячеек мертвых пчел; - когда их умерщвляют таким способом, они умирают только один раз, когда же их окуривают на новый манер, они потом оживают и гибнут от голода и, значит, претерпевают муки смерти дважды.

- А я, пожалуй, согласен с Фэнси, - заметил с легким смешком мистер Шайнер.

- До сих пор еще не придумали, как брать мед, не убивая пчел и не обрекая их на голодную смерть, - задумчиво сказал лесник.

- А я бы совсем не брала у них мед, - сказала Фэнси.

- Да ведь это денежки, - задумчиво вставил Енох. - А без денег человек - пустое место.

Свет фонаря потревожил пчел, которым удалось спастись из уничтоженных ранее ульев; сбитые с толку бедой, они, как мародеры, пытались прокормиться около чужих ульев. Несколько пчел принялись летать вокруг Джеффри, потом накинулись на него с сердитым жужжанием.

Енох бросил фонарь и, отбежав в сторону, сунул голову в куст смородины; Фэнси умчалась в глубь сада по дорожке, а мистер Шайнер пустился наутек через капустные грядки. Джеффри не двинулся с места, непоколебимый, как скала. Первой вернулась Фэнси, за ней, подобрав брошенный фонарь, шел Енох. Мистера Шайнера все еще не было видно.

- Покусили вас эти твари? - спросил лесника Енох.

- Да нет, не очень, так кое-где, - неторопливо отвечал Джеффри, вытряхивая одну пчелу из рукава, извлекая другую из волос и смахивая еще две-три с шеи. Енох и Фэнси весьма благодушно наблюдали за Джеффри - их ведь это не касалось; так страны Европы созерцают беспорядки у своих соседей.

- Всех вытащил, отец? - спросила Фэнси, когда Джеффри разделался с пятой пчелой.

- Как будто бы всех. Хотя вроде бы еще парочка осталась, - одна вцепилась в плечо, другая в бок. Ой! Вот и еще одна - на спине. Как же вы забрались туда, негодницы? Ну, больше им меня не укусить, - небось уж слабеют, бедняжки. Пускай себе сидят там: стану ложиться спать - вытряхну.

С ним никто не стал спорить, поскольку такое решение касалось его одного. И тут стало слышно, что кто-то пробирается в темноте, спотыкаясь о кочаны капусты, и послышался голос мистера Шайнера:

- Ну как, опасность уже миновала?

Ответа на этот вопрос не последовало, и Шайнер, по-видимому, решив пойти на риск, двинулся дальше, мало-помалу приблизившись к фонарю. Улы уже отодвинули от ям, один дали отнести в дом Еноху, другой взял сам Джефффри.

- Прихвати-ка фонарь, Фэнси; лопату можешь не брать.

Джефффри с Енохом направились к дому, оставив Шайнера и Фэнси стоять рядышком посреди сада.

- Позвольте мне, - произнес Шайнер и, нагнувшись, взялся за фонарь одновременно с Фэнси.

- Я отнесу сама, - отрезала Фэнси, благочестиво подавляя всякое желание пококетничать. После тягостного объяснения с Диком из-за ловли птиц она долго и серьезно обо всем думала и решила, что с ее стороны будет нечестно, если она, уже невеста, позволит себе переглядываться с другими мужчинами... Видя, что Шайнер все еще держит фонарь, она выпустила его из рук, а Шайнер, заметив, что она упорствует, тоже разжал пальцы. Фонарь упал и погас. Фэнси направилась к дому.

- Где же дорожка? - забеспокоился мистер Шайнер.

- Здесь, - откликнулась Фэнси. - Ваши глаза скоро привыкнут к темноте.

- А пока вы, может быть, дадите мне руку?

Фэнси протянула ему кончики пальцев, и они выбрались на дорожку.

- Вы не очень-то охотно принимаете ухаживания.

- Все зависит от того, кто ухаживает.

- Например, мужчина вроде меня. Гробовое молчание.

- Ну так что вы на это скажете, мисс?

- Все зависит от того, как ухаживают.

- Не пламенно, но и не холодно; не навязчиво, но и не от случая к случаю; не слишком торопясь, но и не вяло.

- Как же тогда? - спросила Фэнси.

- Спокойно и разумно, - отвечал Шайнер. - Как бы вы ответили на такую любовь?

- Без восторга, но и не равнодушно; не краснея, но и не бледнея, не восплав любовью, но и не отвергнув любовь.

- Так как же?

- Да никак.

Кладовая Джеффри Дэя в задней части дома была увешана пучками сушеной шандры, мяты и шалфея, бумажными мешочками с тимьяном и лавандой и длинными вязками чистеньких луковиц. На полках были разложены крупные желтые и красные яблоки и отборные клубни раннего картофеля - для посадки будущей весной; а на полу громоздились кучи обыкновенного картофеля. В одном углу висели на гвоздях пустые ульи, а под ними стояло несколько бочек молодого сидра из яблок нового урожая; напиток пенился и сочился наружу из не закупоренных еще бочек.

Фэнси опустилась на колени возле двух перевернутых ульев и наклонила один из них - так ей было удобнее доставать его содержимое. Засучив рукава выше локтя, она так осторожно и ловко просовывала свою розовую ручку между сотами, что не

повредила ни единой ячейки. Слегка расшатав каждый сот, она отламывала кусок за куском и складывала их в большое синее блюдо, стоявшее на скамье рядом с ней.

- А чтоб их, злодеек! - сказал Джеффри, светивший дочери, и беспокойно передернул спиной. - Пожалуй, пойду все-таки в дом, вытряхну мошенниц; иначе они не оставят меня в покое. Две впились что есть мочи. Ума не приложу, как это у них до сих пор хватает сил.

- Хорошо, мой друг, ступайте, а я подержу свечу, - сказал мистер Шайнер, неторопливо беря у него свечу, после чего Джеффри удалился, по обыкновению, большими шагами.

Не успел он обогнуть дом и подойти к двери, как слышались чьи-то приближавшиеся к пристройке шаги, в отверстие, через которое поднималась деревянная щеколда, просунулся чей-то палец, и в кладовую вошел Дик Дьюи, все это время бродивший по лесу, тщетно ожидая ухода Шайнера.

Фэнси подняла глаза и поздоровалась с Диком, заметно смутившись; Шайнер крепче стиснул подсвечник, но на тот случай, если это совершенное в молчании действие не достаточно убедительно покажет Дикю, что он, Шайнер, абсолютно спокоен и чувствует себя здесь как дома, запел с победоносным видом:

У Артура-короля было трое сыновей...

- А отец где? - спросил Дик.

- В доме, наверно, - отвечала Фэнси, ласково взглянув на него.

Дик огляделся и явно не выразил намерения сразу же удалиться. Шайнер продолжал напевать:

Мельник у себя в пруду утоп,

Ткач повесился в петле из пряжи,

А портняжку дьявол уволок

И сукно забрал с собой туда же.

- Ну уж и стишки - ни складу, ни ладу. Не иначе как ваши? - ядовито заметил Дик и презрительно повел

носом.

- Мне свое недовольство не высказывайте. Я тут ни при чем! - отвечал мистер Шайнер. - Обращайтесь к тому, кто их сочинял.

Фэнси тем временем уже овладела собой.

- Отведайте, мистер Дьюи, - сказала она, протягивая ему круглый кусочек сота, последний из ряда; она все еще стояла на коленях и, запрокинув голову, смотрела Дикю в лицо, - а потом уж и я попробую.

- И я, с вашего позволения, - сказал мистер Шайнер.

Несмотря ни на что, фермер по-прежнему, сохраняя мину превосходства, словно его положение в обществе не позволяло ему снизойти до шуток. Получив из рук Фэнси кусочек сота, он мял его до тех пор, пока ячейки не стали лопаться и мед не потек с пальцев тоненькой струйкой.

Фэнси вдруг слабо вскрикнула, и оба кавалера сразу уставились на нее.

- Что случилось, милая? - воскликнул Дик.

- Пустяки, но только... ой-ой-ой, пчела укусила меня в губу! Она сидела в одной из ячеек, которые я сосала.

- Только чтобы губа не распухла, - это опасно! - сказал Шайнер, опускаясь на колени рядом с Фэнси. - Позвольте, я взгляну.

- Нет, нет!

- Дайте-ка взгляну я, - сказал Дик, опускаясь на колени рядом с девушкой с другой стороны; немного поколебавшись, Фэнси оттянула пальцем губу и показала укушенное место.

- Ах, надеюсь, это скоро пройдет! Укусила бы в любое другое место - не беда, а в губу - очень уж некрасиво, - добавила Фэнси со слезами на глазах, слегка морщась от боли.

Шайнер поднял свечу над головой и склонился к самому лицу Фэнси, словно она показывала губу ему

одному, в ответ на это Дик тоже придвинулся поближе - словно Шайнера и вовсе не было.

- Распухает, - сказал Дик, глядя на Фэнси справа.

- Не распухает, - сказал Шайнер, глядя на Фэнси слева.

- А это опасно, если в губу? - заволновалась Фэнси. - Я знаю, в язык опасно.

- Да нет, совсем не опасно! - отвечал Дик.

- Довольно опасно! - одновременно с Диком отвечал Шайнер.

- Да уж, придется потерпеть! - вздохнула Фэнси, снова склоняясь над ульями.

- Хорошо бы, мисс Дэй, приложить нашатырного спирту с маслом, заботливо посоветовал Шайнер.

- Прованское масло с нашатырем очень помогает от укусов, мисс Дэй, еще заботливее сказал Дик.

- У нас есть эта смесь. Не будете ли вы так добры сбегать за ней в дом и принести сюда? - попросила Фэнси.

Случайно или нарочно, но она так неопределенно бросила это "вы", что было неясно, к кому оно относится, а потому оба - и Дик и Шайнер, как два акробата, вскочили на ноги и бок о бок шагнули к выходу, одновременно взялись за щеколду, подняли ее и точно так же, плечом к плечу, направились к дому. Мало того, войдя в комнату, они точно так же, рядышком, промаршировали к сидевшей на стуле миссис Дэй; при этом дверь в дубовой перегородке стены так хлопнула, что оловянные кружки на полке зазвенели, будто колокольчики.

- Миссис Дэй, пчела укусила Фэнси в губу, и она просит вас дать мне нашатырного спирту, - сказал мистер Шайнер, подойдя вплотную к миссис Дэй.

- О миссис Дэй, Фэнси попросила меня принести нашатыря, ее пчела в губу укусила! - сказал Дик, еще ближе придвинувшись к миссис Дэй.

- Ну, хорошо, хорошо! Только зачем же на меня-то набрасываться! отступая назад, отвечала миссис Дэй.

Она поискала в угловом шкафу, извлекла бутылочку и старательно принялась обтирать пыль с пробки, с горлышка и со всей бутылки, а Дик и Шайнер стояли перед ней бок о бок, с протянутыми руками.

- Кто ж из вас главный? - спросила миссис Дэй. - Только стойте на месте и не бросайтесь опять на меня. Так кто же главный?

Оба промолчали; и бутылка была подана Шайнеру. Шайнер, как человек благовоспитанный, ничем не выразил своего торжества и уже повернулся к двери, когда сверху из своей спальни спустился Джеффри, - он уже расправился с забравшимися в его одежду пчелами.

- А-а, это ты, мастер Дьюи?

Дик заверил лесника, что он не ошибся, и тут же решился для достижения своей цели на смелый ход, забыв, что смелые ходы тем и опасны, что, в случае неудачи, последствия бывают самые плачевные.

- Я пришел поговорить с вами, мистер Дэй, - выразительно произнес Дик с явным намерением донести свои слова до слуха мистера Шайнера, который в этот момент уже скрывался за дверью.

- А мне вот пришлось подняться наверх, разоблачиться и стряхнуть с себя пчел, - сказал Джеффри, неторопливо направляясь к открытой двери и останавливаясь на пороге. - Негодяйки забрались под рубаху и ничем не хотели уняться.

Дик двинулся вслед за хозяином к двери.

- Я пришел поговорить с вами, - повторил он, глядя на бледный туман, выползавший из мрака ложины. - Может, вы и догадываетесь о чем.

Лесник глубоко засунул руки в карманы, закатил глаза, привстал на носках, посмотрел перпендикулярно вниз, словно взгляд его был отвесом, затем по

горизонталы, и постепенно все морщины, покрывавшие его лицо, собрались около глаз.

- А может, и нет, - отвечал он.

Дик промолчал; и тишину, не разрушив ее, лишь потревожил донесшийся из лесу предсмертный крик какой-то пичужки, попавшей в когти совы.

- Я оставил наверху шляпу, - сказал Джеффри, - подожди меня, покуда я схожу за ней.

- Я буду в саду, - отвечал Дик.

Он прошел в сад кругом, через боковую калитку, а Джеффри поднялся наверх. В Меллстоке и его окрестностях существовал обычай обсуждать в доме дела приятные и будничные, а сад оставлять для особо важных случаев: обычай этот, по всей видимости, зародился из стремления уединиться от прочих членов семьи в те времена, когда вся семья жила в одной комнате, но и по сей день к нему часто прибегают люди, которые не могут пожаловаться на тесноту в своем доме.

В сумраке сада показалась фигура лесника, и Дик направился к нему. Лесник остановился, облокотившись на загородку свинарника, слева от дорожки. Дик последовал его примеру., и оба стали созерцать смутно различимую в темноте белесую тушу, хрюкавшую и копошившуюся в соломе.

- Я пришел просить руки Фэнси, - сказал Дик.

- По мне, лучше б ты не просил.

- Почему же, мистер Дэй?

- Потому что я должен сказать тебе, что ты ее вряд ли получишь. Больше тебе ничего не нужно?

- Нет.

- Тогда мне только остается сказать, что ты пришел сюда попусту. Знаешь ты, кто была ее мать?

- Не знаю.

- Она была гувернантка в богатом поместье и имела глупость выйти за лесника, который служил у тех же

господ. Потому что тогда я был всего-навсего лесником, это теперь я управляющий имением и дел у меня хоть отбавляй - и лес продаю, и песок, и гравий. Ты что же думаешь, Фэнсж научилась хорошим манерам, приятному обхождению, игре на фисгармонии и прочиталась книг здесь, в этой дыре?

- Нет.

- А знаешь где?

- Нет.

- Так вот, когда после смерти ее матери я скитался по разным местам, она жила у своей тетки, державшей пансион. Потом тетка вышла за адвоката Грина, этакого пройдоху, и пансион прогорел. А известно ли тебе, что после этого я послал Фэиси в колледж и что в том году имя ее стояло первым в списке стипендиатов?

- Про это я слышал.

- И что, когда она держала экзамены на звание учительницы, она получила самые высшие баллы?

- Да.

- Так, а знаешь ли ты, почему я, человек с достатком, прозябаю тут и почему заставляю ее работать учительницей, а не жить в родительском доме?

- Не знаю.

- А вот почему. Если какой-нибудь джентльмен увидит, что она ему ровня по образованию и пожелает на ней жениться, а она - выйти за него, он не будет смотреть на нее сверху вниз из-за того, что она беднее. Ну, так как ты считаешь, после всего этого достаточно ты хорош для нее?

- Нет.

- Тогда спокойной тебе ночи, мастер Дьюи.

- Спокойной ночи, мистер Дэй.

Ответ с трудом слетел с языка робкого Дика, и он ушел, удивляясь, как это он осмелился просить руки

девушки, которая, как он понимал с самого начала, для него недостижима.

III

ФЭНСИ ПОД ДОЖДЕМ

Действие происходит через месяц, в непогожий день, и надвигающаяся гроза застаёт Фэнси по дороге из отцовского дома в Меллсток.

Одна громадная серая туча заволокла все вокруг, и из нее только что начала сыпаться то густыми, то редкими полосами мелкая водяная пыль. Деревья на полях и в лесу под налетавшим на них вихрем корчились, как потрясенные горем люди; от сильных порывов ветра сотрясались даже нижние части стволов, в безветрие совершенно неподвижные, и от необычности этого явления сжималось сердце, как при виде сильного мужчины, доведенного до слез. Нижние сучья то вздымались, то опускались, верхние, растущие прямо, качались из стороны в сторону: ветер порывами налетал со всех сторон, и ветви деревьев беспорядочно чертили небо, переплетались, спутывались. Через открытые поляны стаями летели зеленые и желтые листья, и вдали от родимых деревьев ложились на землю нижней стороной вверх.

Дождь и ветер все усиливались, ленты капора все неприятнее липли к подбородку, и, добравшись до Меллсток-лейн, Фэнси остановилась, чтобы прикинуть, далеко ли до какого-нибудь укрытия. Ближе всех был дом Элизабет Эндорфилд, в Верхнем Меллстоке, находившийся неподалеку от того места, где тропка, по которой шла Фэнси, пересекала большую дорогу. Фэнси прибавила шагу и через пять минут уже входила в калитку, с которой ей на ноги обрушился целый поток дождевых капель.

- Входи, детка! - раздался голос, прежде чем Фэнси успела постучать. Такое проворство удивило бы Фэнси,

не знай она необычной способности миссис Эндорфилд все видеть и все слышать.

Фэнси вошла в дом и села. Элизабет чистила картошку на ужин мужу.

Ж-жик, ж-жик, ж-жик - бросок, и картофелина с плеском падала в миску с водой.

И вот, равнодушно наблюдая за действиями этой матроны, Фэнси снова принялась раздумывать над тем, что камнем лежало у нее на сердце. После разговора Дика с отцом для нее настали печальные дни. Она никак не ожидала, что Джеффри встретит сватовство Дика таким непреклонным отказом. Правда, она и после этого частенько виделась с Диком и полюбила его из-за противодействия отца еще больше, - ей и не снилось, что она способна на такое чувство, и это, конечно, было счастье. Но, хотя любовь и сама по себе является целью, для того чтобы она окрасилась в розовые тона неомраченной радости, необходимо верить, что она приведет и к другой цели. И вот в этой-то вере Фэнси и Дику было сейчас решительно отказано.

Элизабет Эндорфилд пользовалась у местных жительниц не только известностью, но отчасти и дурной славой. Причиной тому служили некоторые черты ее характера: она была хитра и проницательна, дом ее стоял на отшибе, она никогда не ходила в церковь, носила красную накидку, не снимала чепца даже дома, и подбородок у нее был острый. Все это были явно сатанинские свойства, и поэтому кое-кто, не мудрствуя лукаво, называл ее колдуньей. Но она не была ни злой, ни безобразной, ни чудной, а потому те, кто знал Элизабет короче, смягчали выражение и именовали ее Кладезем Премудрости столь же глубоким, сколь высока она была ростом. Следует сказать, что Элизабет принадлежала к той категории подозрительных лиц, которые с появлением молодого священника стали постепенно утрачивать свою

загадочность; хотя прежде, во времена долгого правления мистера Гринэма, в Меллстокском приходе сложились на редкость благоприятные условия для приумножения ведьм.

Пока Фэнси перебирала все это в уме и решала, стоит ли поведать о своих горестях Элизабет и попросить у нее совета, колдунья заговорила сама.

- Ты что-то закручинилась и совсем приуныла, - вдруг заметила она, бросая в миску очередную картофелину.

Фэнси не подняла головы.

- Все думаешь о своем парне.

Фэнси покраснела. Казалось, Элизабет читала ее мысли. Право, как тут было не подумать, что она и впрямь обладает волшебной силой, которую ей приписывают.

- Отец не согласен, так, что ли? - Еще одна очищенная картофелина полетела в воду. - Уж я-то знаю. Мне птички-невелички рассказывают, а людям и невдомек, что я все знаю.

Фэнси была в полном отчаянии, а тут представился такой случай - хоть это и грех - получить помощь. Но что такое добродетель в сравнении с любовью!

- Вот если б вы надоумили меня, как уломать отца, - сказала Фэнси.

- Это для меня проще простого, - спокойно отвечала колдунья.

- Правда? О, пожалуйста, уломайте, все равно как - только уломайте! Как мне добиться своего, миссис Эндорфилд?

- Да ничего особенного и делать не надо.

- Ну, а как же?

- Конечно, колдовством, - отвечала Элизабет.

- Нет, нет! - возразила Фэнси.

- Только так, говорю тебе. Ты разве не слыхала, что я - колдунья?

- Слыхала, - неуверенно протянула Фэнси, - что вас так называют.

- И поверила?

- Не скажу, чтоб так уж и поверила, - очень это страшно и грешно. Но как бы мне хотелось, чтоб вы и впрямь были колдуньей.

- Колдунья я и есть. И научу тебя, как околдовать отца, чтобы он позволил тебе выйти за Дика Дьюи.

- А это ему, бедняжке, не повредит?

- Кому?

- Отцу.

- Нет. Тут главное - здравый смысл, а поведешь себя глупо - и колдовство потеряет силу.

Лицо Фэнси выразило изумление, а Элизабет продолжала:

И стар и млад колдунью чтят

В Элизабет.

Пойми сама - чуть-чуть ума:

Вот весь секрет.

Послушай, что ты должна сделать.

Колдунья отложила нож и картофелину и принялась шептать Фэнси на ухо длинные и подробные наставления, с мрачной усмешкой поглядывая на нее краешком глаза. Фэнси слушала, и лицо ее то светлело, то хмурилось, то озарялось надеждой, то поникало.

- Вот ток, - сказала наконец Элизабет и нагнулась за ножом и новой картофелиной, - проделай все это, и ты добьешься, моя милая, своего не мытьем, так катаньем.

- Так я и сделаю! - отвечала Фэнси.

Она посмотрела в окно. Дождь лил по-прежнему, но ветер немного утих. Решив, что теперь она сможет удержать над головой зонтик, Фэнси натянула на шляпку капюшон, попрощалась с колдуньей и пошла своей дорогой.

IV

КОЛДОВСТВО

Наставления миссис Эндорфилд выполнялись самым тщательным образом.

- Какая жалость, что дочке вашей не может, - обратился к Джеффри как-то поутру один из жителей Меллстока.

- А в чем дело? - с беспокойством спросил Джеффри, слегка сдвинув на ухо шляпу. - Ничего не могу понять. Когда я с ней виделся, она ни на что не жаловалась.

- Говорят, совсем аппетит потеряла.

В тот же день Джеффри отправился в Меллсток и заглянул в школу. Фэнси приветствовала отца, как обычно, и пригласила выпить чаю.

- В такое время я как-то не привык пить чай, - отвечал Джеффри, однако сел к столу.

Во время чаепития он внимательно наблюдал за дочерью. И, к величайшему своему испугу, обнаружил в здоровой девушке неслыханную перемену - она положила себе на тарелку тоненький кусочек поджаренного хлеба и все время крошила его, а съела разве что самую малость. Джеффри ждал, что дочь заговорит про Дика и в конце концов расплачется, как в тот раз, несколько дней спустя после его разговора с Диком в саду, когда он решительно отказал юноше. Но ничего не было сказано, и через некоторое время Джеффри отбыл к себе в Иелберийский лес.

- Будем надеяться, что бедняжка мисс Фэнси не бросит школу, - сказал через недельку Джеффри его помощник Енох, когда они сгребали в лесу муравейник.

Джеффри воткнул лопату в землю, стряхнул с рукава десяток муравьев, убил еще одного, ползавшего около уха, и, как обычно, уставился в землю, выжидая, что еще скажет Енох.

- А почему б это ей бросать? - спросил он наконец.

- Да вчера говорил мне булочник, - продолжал Енох, стряхивая муравья, прытко бежавшего у него но ного, - будто на том хлебе, что он доставил за последний

месяц в школу, и мышью ноги протянет, уж это как пить дать! А потом я опрокинул кружечку-другую у Мурса и слышал там еще кое-что.

- Что же еще?

- А то, что раньше она, бывало, раз в неделю точно как часы заказывала у молочника Вайни фунт лучшего масла и столько же соленого для своей помощницы и приходящей уборщицы, а нынче ей этого хватает недели на три, да и то, говорят, она его, как испортится, выбрасывает.

- Кончай с муравьями да снеси домой мешок.

Лесник сунул под мышку ружье и зашагал прочь, даже не свистнув собакам, однако они побежали за ним следом, и на мордах у них было написано, что они и не ждут особого внимания от хозяина, когда он занят своими мыслями.

В субботу утром Фэнси прислала записку. Пусть отец не беспокоится и не присылает ей, как собирался, двух кроликов, - они ей, верно, не понадобятся. Днем Джеффри отправился в Кэстербридж и зашел к мяснику, который поставлял Фэнси мясо, записывая расходы на счет ее отца.

- Пришел с вами рассчитаться, сосед, да кстати и за дочку заплатить. На сколько она там у вас набрала?

Мистер Хейлок, обретавшийся между грудями разделанных туш, повернулся к мистеру Дэю, придал лицу подобающее при финансовых расчетах выражение и, зайдя в маленькую конторку, имевшую лишь дверь да окно, весьма энергично полистал книгу, отличавшуюся длиной, но не шириной. Затем взял клочок бумаги, нацарапал счет и подал его леснику.

Вероятно, впервые в истории коммерции мизерность счета повергла должника в уныние.

- Да неужто тут все, что она набрала за целый месяц! - воскликнул Джеффри.

- Все до последнего кусочка, - отвечал мясник. - (Эй, Дэн, отнеси эту баранью ногу и лопатку миссис Уайт, а те вон одиннадцать фунтов - мистеру Мартину), да вы, мистер Дэй, небось сами ее понемножку подкармливаете?

- Где там! Вот только на прошлой неделе послал ей двух паршивых кроликов. Только и всего, честное слово!

- А жена мне тут как-то говорит (Дэн! Не наваливай на поднос слишком много, лучше сходи лишний раз), записывает в книгу и говорит: "Хейлок, говорит, должно быть, нынешним летом мы чем-то не потрафили мисс Дэй, может, мясо попало не очень хорошее, в такую-то жару. Не иначе как она потихоньку от нас покупает мясо у Джо Гриммета, а не то погляди сам ее счет..." Конечно, она и в лучшие времена брала понемногу, - ведь для себя одной, - ну а сейчас-то уж совсем ничего не берет.

- Я узнаю, в чем дело, - уныло пообещал Джеффри.

Домой он возвращался через Меллсток и, чтобы выполнить свое обещание, заглянул к Фэнси. Была суббота, детей уже отпустили домой, но Фэнси он нигде не нашел. Уборщица Нэн подметала кухню.

- Где моя дочка? - спросил лесник.

- Да за неделю-то она, сердечная, умаялась и нынче утром говорит мне: "Полежу, говорит, до вечера". Сами понимаете, мистер Дэй, коли человек не ест, он и работать не может, а раз она перестала кушать, где уж ей теперь работать.

- А ты носила ей обед?

- Нет, обедать она не хочет. Известное дело, ни с того ни с сего такого не бывает: не то чтоб я, упаси бог, намекала на разбитое сердце или там еще что.

Тут у самого Джеффри защемило сердце. Он направился к лестнице и поднялся наверх, в комнату дочери.

- Фэнси!

- Входи, отец.

Видеть, как человек в чудесный летний день лежит в кровати, все равно по какой причине, само по себе невесело, а тут перед ним его единственное дитя, Фэнси, не просто лежит в кровати, а еще и очень бледна. Джефффри заметно огорчился.

- Фэнси, девочка, вот уж не ожидал увидеть тебя в постели. Что с тобой, детка?

- Нездоровится, отец.

- Отчего же?

- Да все думаю.

- О чем же можно столько думать?

- Ты знаешь о чем, отец.

- По-твоему, я поступил жестоко, что не позволил этому твоему голодранцу Дику на тебе жениться? Молчание.

- Ты ведь знаешь, Фэнси, я сделал это для твоего же блага. Он тебе не пара. Да ты и сама это прекрасно знаешь. - Он опять взглянул на лежащую в постели дочь. - Ну ладно, ладно, не могу же я допустить, чтоб зачахло мое единственное дитя; уж раз ты не можешь без него жить, выходи за него.

- О нет, так я не могу: против вашей воли он мне не нужен, - вздохнула несчастная больная.

- Да нет же, нет, совсем не против моей воли. Раз уж я вижу, что тебе без него не вмоготу, я хочу, чтоб он на тебе женился, а уж когда - это надо обдумать. Вот, Фэнси, моя воля - коротко и ясно. Ну, не плачь, девочка! Плакать надо было раньше, а не сейчас, когда все уж позади. А завтра уж как-нибудь постарайся встать, проведаешь нас с мачехой, да и пообедаешь с нами.

- И Дик... тоже?

- Ну да, и Дик тоже, насколько мне известно, а то как же.

- А когда, по-твоему, ты все обдумаешь и мы сможем пожениться? проворковала Фэнси.

- Ну, скажем, через год, на Иванов день: не так уж долго и ждать.

Из школы Джеффри отправился к возчику. Дверь ему отворил старый Уильям.

- Твой внук дома?

- Нет, мистер Дэй, сейчас его нет. Хотя последнее время он больше сидит дома.

- С чего бы это?

- Да все вроде как грустит о чем-то. Совсем парень стал не тот. Все чего-то читает да раздумывает, будто собрался в священники, а больше слоняется по дому без дела. И говорун такой был раньше, а нынче словечком не обмолвится, все молчит. Да вы, может, зайдете в дом? Рейбин скоро придет.

- Нет, спасибо, сейчас мне некогда. Будьте добры, попросите Дика сделать мне одолжение, - если завтра Фэнси будет чувствовать себя лучше, пусть приходит вместе с ней к нам, в Иелбери. Не хочется мне, чтоб она шла одна - со здоровьем у нее что-то не совсем хорошо.

- Да, да, я слышал. Скажу ему, непременно скажу.

У

ПОСЛЕ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЫ

Визит к Джеффри Дэю прошел превосходно, как и можно было ожидать в этот первый день беспрепятственного течения любви, которой до сих пор чинились препятствия. Затем последовала череда столь же безмятежно счастливых дней. Дик мог ухаживать за Фэнси, когда угодно, мог совсем не приходить, если не хотел, - чего никогда не случалось; мог гулять с ней вдоль извилистых ручьев и около водопадов, по осенним полям и лесам, пока роса и сумерки не загоняли влюбленных домой. Незаметно подошел праздник урожая, в который решено было обновить орган меллстокской церкви.

Случилось, что как раз в этот день Дику пришлось уехать из Меллстока. В понедельник в соседней деревушке Чармли умер от чахотки один молодой парень, приятель Дика, а он давно обещал больному другу проводить его в последний путь. Когда Дик зашел во вторник в школу сообщить об этом Фэнси, трудно сказать, что его сильнее мучило - грусть ли оттого, что он не сможет присутствовать при ее блистательном дебюте в роли органиста, или досада на то, что в такой знаменательный день любимая будет лишена удовольствия его видеть. Так или иначе, сообщение было сделано. Фэнси приняла его мужественно, хотя несколько раз повторила, что очень огорчена и что теперь ее выступление потеряло для нее всякий смысл.

В воскресенье, около одиннадцати утра, Дик отправился выполнять свою печальную миссию. Похороны должны были состояться сразу после утренней службы, ехать туда было неудобно, а пройти предстояло добрых четыре мили, и потому выйти из дому пришлось пораньше. Правда, он бы мог отправиться и на полчаса позже, но в последнюю минуту ему подумалось, что если он сделает крюк и пройдет лишнюю милю до школы, то ему, быть может, повезет и он увидит, как его любимая отправляется в церковь. Поэтому, вместо того чтобы отправиться в Чармли напрямик через овечий выгон, он пошел по тропинке к школе и очутился против дверей как раз в тот момент, когда из них появилась его богиня.

Если когда-либо женщина была похожа на божество, то именно Фэнси Дэй казалась богиней в это воскресное утро, когда нисходила по ступенькам школьного крыльца в голубом облаке нежнейших тонов. Со смелостью, неслыханной для школьной учительницы во все времена существования сельских школ, - что, несомненно, в какой-то мере объяснялось состоятельностью ее папаши, отчего она и учила ребят

не ради хлеба насущного, - Фэнси надела шляпу с пером, а волосы, которые всегда скромно подбирала в пучок, распустила по плечам пышными локонами.

Бедный Дик обомлел: он никогда не видел ее столь головокружительно прекрасной, разве только на вечеринке в рождественский сочельник, когда ее волосам была дана такая же упоительная свобода. Но как только Дик вновь обрел способность соображать, его восторженное удивление сменилось менее приятными чувствами.

Фэнси вспыхнула - быть может, смутилась? - и невольно откинула локоны назад. Она не ожидала его увидеть.

- Что, Фэнси, ты не сразу узнала меня в трауре?

- Здравствуй Дик, ну да, я не сразу узнала тебя в черном.

Он снова взглянул на легкомысленные локоны и шляпу.

- Ты никогда еще не была так прелестно одета, милая!

- Мне приятно это от тебя слышать, Дик, - сказала она, лукаво улыбнувшись. - Для женщины нет ничего важнее. Я и в самом деле выгляжу неплохо?

- Как будто ты сама не знаешь! Ты помнишь... я хочу сказать, может, ты забыла, что меня там сегодня не будет?

- Нет, не забыла, Дик; только знаешь, мне захотелось немного принарядиться, - уж ты прости меня.

- Конечно, дорогая, конечно, тут и прощать нечего. Я только подумал, что мы и во вторник, и в среду, и в четверг, и в пятницу говорили о том, что в воскресенье я в церкви быть не смогу, и я очень сокрушался, и ты, Фэнси, тоже сокрушалась, чуть не плакала, и говорила, что, если меня не будет, тебе не доставит никакой радости быть в центре внимания.

- Конечно, милый, какая уж там радость... Но ведь могу же я себе позволить маленькое удовольствие... - надулась Фэнси.

- Без меня?

Она смущенно посмотрела на Дика.

- Я знаю, ты на меня сердисься. Дик, и все из-за того, что я впервые за все время, что здесь живу, распустила в воскресенье волосы и надела шляпу с пером, и надо же было так случиться, что как раз в этот день тебя со мной не будет. Да, да, признайся, так оно и есть! А по-твоему, я должна бы всю неделю помнить, что тебя в церкви не будет, и не стараться принарядиться? Да, да, ты так думаешь, Дик, и это нехорошо с твоей стороны!

- Вот уж нет, совсем нет, - искренне и просто отвечал Дик, - я вовсе не думал о тебе плохо. Я только подумал, что, если бы тебе пришлось уехать, мне бы и в голову не пришло стараться кому-нибудь понравиться. Но, конечно, мы с тобой совсем разные.

- Да, может, и разные.

- А что скажет священник?

- Ну уж это мне совершенно безразлично! - ответила она гордо. - Только он не скажет ничего такого, что ты думаешь. Не скажет, нет, нет.

- Наверно, у него не хватит духу.

- Ну, Дик, скажи, что ты совсем-совсем меня простил, а то мне пора идти, - вдруг развеселилась Фэнси и взбежала обратно на крыльцо. - Пойдите сюда, сэр, скажите, что вы меня прощаете, а потом поцелуйте, - с локонами вы меня еще ни разу не целовали. Да, да, можно в губы - вам ведь этого и хочется?

Дик последовал за Фэнси в уголок крыльца, где и не замедлил воспользоваться полученным разрешением.

- Вот тебе и утешение от всех горестей, - продолжала Фэнси. - Прощай, не то я опоздаю. Приходи

завтра, сегодня ты, должно быть, устанешь.

Они расстались, и Фэнси отправилась в церковь. Орган стоял около алтаря рядом с кафедрой и был отлично виден священнику и всем молящимся. Тут и уселась Фэнси, в первый раз на таком видном месте, - раньше она сидела всегда в дальнем углу церкви.

- Силы небесные - какой стыд! Локоны и шляпа с пером! - всполошились дочери мелкопоместных дворян, которых украшали либо локоны, но без шляпы с пером, либо шляпа с пером, но без локонов.

- В церковь надо надевать капор! - говорили почтенные матроны.

Фэнси заметила, что, читая проповедь, мистер Мейболд все время чувствовал ее присутствие, что он не только не возмущен новшествами в ее туалете, но любит ее. Однако она не понимала, что в эти минуты он любил ее, как не любил прежде ни одну женщину, что ее близость доставляла ему какое-то неизъяснимое наслаждение и что в это утро он гордился ее успехом совсем не так, как подобает гордиться служителю церкви каким-либо нововведением у себя в храме.

Бывшие участники хора, смирившись сердцем, не заняли на этот раз своих мест на галерее (ее теперь предоставили школьникам, которые не пели в хоре, и их учителю), а разместились со своими женами в разных уголках церкви. Чуть ли не впервые в жизни они не принимали участия в церковной службе и потому чувствовали себя не в своей тарелке, смущались и не знали, куда девать руки. Возчик предложил вообще не идти в этот день в церковь, а отправиться за орехами, но дед Уильям даже и слышать об этом не хотел.

- Нет, - укоризненно сказал он и процитировал Писание: "Хоть это и постигло нас, да не отвратятся сердца наши, и да не сойдем мы с пути праведного".

Так и сидели они и смотрели, как по спине их удачливой соперницы струились локоны и как

колыхалось перо на шляпе, когда она наклоняла голову. После первых робких аккордов Фэнси заиграла вполне уверенно, и под конец мелодия лилась уже легко и звучно. Но музыкантам, - может быть, справедливо, а может быть, в силу предвзятости, - все казалось, что в непритязательной старой церкви их простые мелодии были гораздо больше к месту, чем сложные аккорды и пассажи, которые извлекала из органа Фэнси.

VI

ИСКУШЕНИЕ

Торжество окончилось, и Фэнси вернулась к себе в школу. Около пяти часов вечера пошел дождь, и, не зная, чем заняться, она, скучая, забрела в класс. Она сидела и раздумывала, - не о своем ли милом Дике Дьюи? Не совсем так. О том, как ей надоело жить одной; как не хочется возвращаться в Иелбери, где распоряжается чудачка-мачеха; что лучше уж выйти за кого угодно, чем ехать домой; что до свадьбы еще долгих восемь-девять месяцев.

Окна в классе находились высоко, и Фэнси могла усесться на каменном подоконнике, забравшись сперва на парту. Сумерки сгущались: набросив на плечи легкую шаль и надев капор, Фэнси устроилась на подоконнике, как любила делать в ненастные, унылые дни, отворила окно и стала глядеть на дождь.

Окно выходило в поле, называвшееся Рощицей: отсюда с подоконника в первое время их знакомства она, бывало, поглядывала на шляпу Дика, который прохаживался возле школы. Сейчас вокруг не было ни души, из-за дождя все сидели по домам, разве что кому была особая нужда отправиться в путь, а в воскресенье это случается реже, чем в будни.

Так сидела она и раздумывала - о своем ли милом или о впечатлении, которое она произвела сегодня в церкви, кто знает? Погруженная в свои думы, она увидела в дальнем конце Рощицы темную фигуру

мужчины, который шел без зонта. Человек подходил все ближе и ближе, и наконец Фэнси разглядела, что он в глубоком трауре и что это Дик. Да, Дик, чье сердце переполняли безрассудство и нежность, отшагал под дождем четыре мили без плаща и без зонта, вопреки наказу любимой не приходить, потому что он устанет. Он решил пройти лишнюю милю, чтобы хоть десять минут побыть с Фэнси.

- Ах, Дик, да ведь ты же насквозь промок! - воскликнула она, когда он подошел к окну. - Твой сюртук блестит, словно лакированный, а шляпа - боже мой! С нее так и льет!

- Пустяки, милая! - весело отвечал Дик. - От сырости мне еще отродясь вреда не бывало, хоть и жалко выходной костюм. Да ничего нельзя было поделать - все мы отдали свои зонты женщинам. Не знаю, когда получу свой обратно.

- А на плече, погляди, какое-то грязное пятно.

- Да, это лак с гроба бедняги Джека, я запачкался, когда мы ставили его на дроги! Беда невелика - ведь это последняя услуга, которую я ему оказал. Стыдно жалеть сюртук для старого друга.

Фэнси на секунду прикрыла рот рукой. За ладошкой ее маленькой руки в эту секунду спрятался легкий зевок.

- Я не хочу, чтобы ты стоял под дождем, Дик. И садиться тоже не надо. Ступай домой и переоденься. Сию же минуту.

- Один поцелуй в награду за то, что я тащился в такую даль, - взмолился Дик.

- Ну что ж, если я до тебя дотянусь.

Дик заметно огорчился, что его не пригласили войти. Фэнси высунулась из окна, Дик взобрался на цоколь, но все равно не смог коснуться ее губок. Если б Фэнси очень постаралась, то сумела бы опустить голову

еще чуть ниже, но тогда ее локоны намочило бы дождем.

- Ничего, Дик, поцелуй мне руку, - сказала она, протягивая пальчики. А теперь до свидания.

- До свидания.

Дик медленно побрел прочь и, пока мог видеть Фэнси, все время оборачивался. Глядя ему вслед, она сказала себе почти произвольно, помня об успехе, выпавшем на ее долю в то утро:

- Дик славный, и я его очень люблю, но какой жалкий вид у человека под дождем, когда он без зонтика и насквозь промок!

Дик исчез из виду, и она хотела было спуститься с подоконника, но, взглянув в другую сторону, увидела, что по дороге идет еще кто-то. Это тоже был мужчина. И тоже с головы до пят в черном; но он шел под зонтом.

Человек подходил все ближе, но косой дождь заставил его так наклонить зонт, что сверху ей не было видно его лица, и он тоже ее не видел. Поравнявшись с окном, он прошел прямо под ней и, глядя на раскрытый зонтик, она отметила наметанным женским глазом, что он из прекрасного шелка и изящной формы, а в те времена это было редкостью. Человек дошел до дверей школы, и Фэнси сразу потеряла его из вида. Вместо того чтобы идти дальше по дороге, как Дик, он круто свернул к крыльцу школы.

Фэнси спрыгнула на пол, второпях сбросила шаль и капор, пригладила и поправила волосы и, убедившись, что локоны в порядке, прислушалась. Тишина. Прошла почти минута - ни звука. Потом послышался легкий стук в дверь, словно далеко в лесу стучал по дереву дятел, - она едва расслышала этот тихий стук. Фэнси собралась с духом и распахнула дверь.

На крыльце стоял мистер Мейболд.

Жаркий румянец заливал его лицо, глаза ярко блестели - таким привлекательным она его еще не

видела.

- Добрый вечер, мисс Дэй.

- Добрый вечер, мистер Мейболд, - отвечала Фэнси, и голова у нее пошла кругом. Она заметила, что не только лицо его пылало, но и голос звучал как-то необычно, а рука, когда он ставил в угол зонтик, дрожала, как осиновый лист.

Ни один из них не сказал больше ни слова, мистер Мейболд вошел в класс, затворил дверь и приблизился к Фэнси. Сейчас, в доме, выражение его лица уже нельзя было разглядеть - быстро темнело.

- Я хочу серьезно поговорить с вамп, - сказал священник. - То, что я вам скажу, возможно, будет для вас полной неожиданностью, но для меня - это самое главное в жизни. Не знаю, как для вас, мисс Дэй.

Никакого ответа.

- Фэнси, я прошу вас стать моей женой.

Услышав слова священника, Фэнси содрогнулась, как человек, который от нечего делать надумал бросить вниз по горному склону снежный ком и вдруг увидел, что его забава вызвала обвал. И в наступившей мертвой тишине отчетливо слышалось дыхание мужчины и женщины, но оно было разным - он, объяснившись, стал постепенно дышать ровнее и спокойнее, ее же дыханье стало частым и прерывистым, она почти задыхалась.

- Я не могу, мистер Мейболд, не могу! Не просите меня! - воскликнула она.

- Не торопитесь с ответом! - умолял он. - И выслушайте меня, пожалуйста. С моей стороны это не внезапный порыв. Я люблю вас больше полугода. Возможно, именно поэтому я и стал интересоваться школьными делами. Вы лучше поймете меня и, может быть, даже станете больше меня уважать, если я честно признаюсь вам, что все эти месяцы я боролся с собой - я думал, что мне не следует любить вас. Но я решил прекратить эту борьбу! Я проверил свое чувство;

ни одну женщину не смогу я полюбить более искренне! Я очарован вами, я ценю таланты, облагородившие вашу натуру, - и этого для меня достаточно, более чем достаточно! Ничего другого и не требуется от хозяйки скромного приюта священника - а таким и будет мой дом, где бы он ни находился. Ах, Фэнси, я наблюдал за вами, сурово порицал вас, строго судил свои собственные чувства и все же нашел их разумными, - женщина, подобная вам, может вызвать чувства в любом мужчине, и потому в моем желании видеть вас своей женой нет ничего необдуманного, никаких скрытых и неблагоприятных мотивов. Фэнси, согласны вы быть моей женой?

Молчание.

- Не отказывайте мне, не говорите, "нет", - молил он.
- Вы поступите опрометчиво - я хочу сказать, жестоко! Разумеется, жить мы будем не здесь. Один мой друг из Йоркшира давно предлагает мне обменяться с ним приходом, но я до сих пор отказывался - из-за своей матушки. Теперь мы переедем туда. Вы станете развивать свое музыкальное дарование; у вас будет фортепьяно, какое вы пожелаете; Фэнси, у вас будет все, чего вам захочется: собственный выезд, цветы, птицы, приятное общество; мы с вами отправимся на несколько месяцев путешествовать, и после этого вы не ударите в грязь лицом в любом обществе! Вы согласны быть моей женой, Фэнси?

Снова наступило молчание, только дождь барабанил по стеклам, и наконец Фэнси произнесла слабым, разбитым голосом:

- Да, согласна.

- Благослови вас бог, любимая! - Он шагнул вперед и хотел обнять девушку. Она поспешно отпрянула.

- Нет, нет, только не сейчас! - взволнованно прошептала она. - Много чего... но соблазн слишком велик, и я не в силах устоять; сейчас я не могу вам

сказать, но сказать я должна! Нет, нет, не подходите ко мне, прошу вас! Мне надо подумать. Я еще сама не знаю как следует, что я вам обещала, мне надо привыкнуть. - Она села за парту и, закрыв лицо руками, разрыдалась. Ах, оставьте меня, оставьте! - всхлипывала Фэнси. - Уходите же! Уходите!

- Но расстраивайтесь, дорогая, не надо! - Священнику стоило немало труда сдержаться и не подойти к ней. - Как-нибудь потом, в свободную минутку, вы расскажете мне, что вас так огорчает. Я счастлив, - я на седьмом небе от счастья! - потому что вы дали мне слово.

- А теперь уходите и оставьте меня одну!

- Но... как же я могу уйти? Вы в таком состоянии. Пока вы не успокоитесь...

- Если так, - сказала Фэнси и, сделав над собой усилие, встала, - я уже успокоилась.

Священник скрепя сердце направился к двери.

- До свидания! - нежно прошептал он. - Я зайду завтра, в это же время.

VII

ПОСЛЕ РАЗДУМИЙ

На другое утро священник встал чуть свет. Первым делом он написал длинное дипломатичное письмо своему йоркширскому другу. Потом, покончив с легким завтраком, направился лугами в Кэстербридж с письмом в кармане, которое он собирался отправить по городской почте, чтобы оно пришло к адресату на день раньше.

Утро было туманное, и деревья звучно роняли капли влаги, собранной из пропитанного сыростью воздуха, а вместе с каплями на землю иногда падал из своей чашечки желудь. В лугах, на живых изгородях, складками висела потемневшая от влаги паутина, а опавшие листья пестрели всеми оттенками коричневого, зеленого и желтого цветов.

Приближаясь к проселочной дороге, священник услышал негромкое веселое посвистыванье, а затем и легкие шаги человека, шедшего в том же направлении, что и он сам. Выйдя на перекресток, священник увидел веселую, открытую физиономию Дика Дьюи. Дик приподнял шляпу, и священник свернул на ту дорогу, по которой шел Дик.

- Доброе утро, Дьюи. Какой у вас жизнерадостный вид! - сказал мистер Мейболд.

- Да, сэр, у меня хорошее настроение, - и даже очень! Сейчас вот иду в Кэстербридж забрать Красоткин хомут; в субботу мы оставили его там для починки.

- И я в Кэстербридж, значит, нам по пути, - сказал священник.

Дик легонько подпрыгнул, чтобы попасть в ногу с мистером Мейболдом, а тот продолжал:

- Кажется, я не видел вас вчера в церкви, Дьюи, или вы стояли в нише?

- Нет, я ходил в Чармли. Бедняга Джек Данформ еще задолго до своей кончины просил меня проводить его в последний путь, и вчера были похороны. Конечно, я не мог отказаться, хотя мне очень хотелось быть в этот день в нашей церкви и послушать новую музыку.

- Да, вам бы надо было прийти. Музыкальная часть богослужения прошла успешно, весьма успешно, и самое отрадное - никто из участников старого хора не выказал ни малейшего недоброжелательства. Все с величайшей охотой присоединились к пению.

- Ясное дело, мне тоже хотелось бы быть при этом, - сказал Дик и улыбнулся про себя, - если учесть, кто играл на органе.

Тут священник слегка покраснел и сказал:

- Да, да, - хотя и не понял истинного смысла слов Дика, который, не получив более пространныго ответа,

продолжал, после некоторого колебания, улыбаясь, как гордый своей любовью влюбленный.

- Вы, должно быть, знаете, сэр, о чем я говорю? Вы, конечно, слыхали обо мне... и мисс Дэй?

Мейболд побледнел, обернулся и посмотрел Дику в глаза.

- Нет, - натянуто произнес он, - я ничего не слышал о вас и мисс Дэй.

- Ну, как же... она - моя нареченная, и будущим летом мы поженимся. Мы пока что об этом никому не говорили - ведь ждать еще много месяцев, но так решил ее отец, и нам, конечно, пришлось согласиться. Но ведь время пролетит быстро...

- Да, время пролетит быстро - время уходит с каждым днем, да, да.

Произнося эти слова, Мейболд совершенно не понимал, что говорит. Он почувствовал во всем теле какую-то слабость и дрожь. Понимал он только одно - юное создание, чья прелесть до того опьянила его, что он принял самое безрассудное в своей жизни решение, - было далеко не ангелом, а просто женщиной.

- Но вы понимаете, сэр, - продолжал ничего не подозревавший Дик, - с одной стороны, оно и лучше. К тому времени я стану компаньоном своего отца, - дело то сейчас очень расширилось, - и на будущий год мы собираемся прикупить еще парочку лошадей. Одну мы уже присмотрели - каурая, прямо ягодка, шея дугой, роста добрых полтора метра, и ни шерстинки серой, - нам ее предлагают за двадцать пять крон. А чтоб не отстать от века, я заказал несколько карточек, так позвольте, сэр, вручить одну и вам.

- Разумеется, - отвечал священник, машинально беря из рук Дика карточку.

- Я сверну сюда, - сказал Дик. - А вы, наверно, напрямиком в город?

- Да.

- Всего доброго, сэр.
- Всего доброго, Дьюи.

Мейболд неподвижно стоял на мосту, держа в руках карточку, пока шаги юноши не замерли вдали. Придя в себя, он прежде всего прочитал то, что было написано на карточке:

Дьюи и сын, возчики
Перевозка и доставка
Меллсток

N. В. Мебель, уголь, картофель, живность и другой груз доставляются в любое место без задержки.

Мистер Мейболд облокотился о парапет моста и стал смотреть на реку. И не вглядываясь, он видел, как вода стремительно вырывается из-под арок моста, падает плавно небольшими порогами, а затем разливается широкой заводью, где среди пучков длинной зеленой травы, вздымающейся и опадающей под напором течения, резвятся ельцы, пескари и форели. Простояв минут десять, священник выпрямился, достал из кармана письмо, тщательно порвал его на мелкие клочки, - так что и двух слогов не осталось рядом, - и бросил всю горсть бумаги в воду. Он стоял и глядел, как клочки кружились в водовороте и устремлялись прочь, как их уносило вдали, к океану, и как они постепенно исчезали из виду. Наконец он сдвинулся с места и быстро зашагал обратно, в Меллсток.

Дома он долго и мучительно собирался с силами, наконец, сел за письменный стол и написал следующее:

"Дорогая мисс Дэй,

по чистой случайности мне стал ясен смысл Ваших слое: "Соблазн слишком велик", Вашего расстройства и Ваших слез. Сегодня я знаю то, чего не знал вчера, - что вы не свободны. Отчего же Вы не сказали мне этого? Отчего? Вы думали, я это знал? Нет, я не знал. Если б знал, мой приход к Вам был бы непростителен. Но я не

упрекаю Вас! Возможно, тут и нет Вашей вины - не знаю. Хотя я не могу выразить, какому испытанию подвергли вы мое о Вас мнение. Я все равно люблю вас, Фэнси, и то, что я сказал Вам, не утратило силы. Но, отдавая должное достойному человеку, который полагается на Ваше слово, подумайте, честно ли будет при сложившихся обстоятельствах, если Вы ему откажете?

Искренне Ваш
Артур Мейболд".

Он позвонил.

- Велите Чарльзу сию минуту отнести вот эти тетради и эту записку в школу.

Служанка взяла у него пакет и письмо, и вскоре священник увидел в окно, как мальчик вышел из ворот, держа пакет под мышкой, а письмо в руках. Подперев рукой голову, Мейболд смотрел, как мальчик спустился по дороге и свернул на тропинку, бежавшую по берегу реки в сторону школы.

Тут ему повстречался другой мальчишка, и после непринужденного приветствия, за которым последовал легкий обмен тумаками, встречный мальчишка направился к дому священника, а первый скрылся за поворотом.

Мальчишка постучался в дверь, и мистеру Мейболду вручили записку.

Он узнал почерк. Распечатав конверт нетвердой рукой, он прочел:

"Дорогой мистер Мейболд!

Всю ночь напролет, полная грусти, я серьезно думала над вопросом, который Вы задали мне вчера вечером, и над своим ответом. Давать Вам такой ответ я, как честная женщина, не имела права.

По натуре я, как, возможно, и все женщины, склонна восхищаться изяществом манер и тонкостью ума, более того, меня вечно манит мечта жить в окружении более

изысканном, чем то, к которому я привыкла. Вы к тому же так лестно отозвались обо мне, а похвалы для меня дороже жизни. Всем этим и вызван был мой необдуманый ответ. Тщеславие и гордыня - так зовутся охватившие меня чувства. Вероятно, таковы они и есть на самом деле.

Надеюсь, что после этого объяснения Вы великодушно освободите меня от слова, которое я слишком поспешно Вам дала.

И еще одна просьба - навсегда сохраните в тайне нашу вчерашнюю встречу и все, что произошло между нами. Если это откроется, навеки будет омрачено счастье благородного человека, который мне верит и которого я по-прежнему люблю и буду любить всегда.

Искренне Ваша
Фэнси Дэй".

На этом переписка между священником и Фэнси закончилась, если не считать полученной от него записки в несколько слов:

"Скажите ему все. Так будет лучше. Он вас простит".

* ЧАСТЬ ПЯТАЯ *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

l

УЗЕЛ, КОТОРЫЙ НЕ РАЗВЯЖЕШЬ

Последний день пашей повести следует сразу за тем переломом во временах года, когда сельские жители ложатся спать под шум дождя в домах, окруженных голыми деревьями, а проснувшись утром, с изумлением видят, что за ночь ветви оделись зеленью; когда ландшафт словно обременен неожиданно плотной сверкающей листвой; когда прилетает козодой и начинает призывать лето своим напевом из одной-единственной ноты; когда яблони уже отцвели и дорожки и трава в садах усыпаны облетевшими лепестками; когда нежные венчики цветов темнеют и головки клонятся долу под тяжестью хлопотливых пчел,

а те жужжат все громче и громче, и наполняющий все вокруг звон переходит в мощное гуденье; когда кукушки, дрозды и воробьи, до той поры веселые и неназойливые друзья, становятся шумными и навязчивыми соседями... Жилище Джеффри Дэя в Иелберийском лесу снаружи выглядело так же, как и всегда в это время года, но неистовый лай собак во дворе говорил о том, что в доме происходит что-то необычное. И правда, для жилища нелюдимого лесника зрелище было редкостное у Джеффри собралось многочисленное общество.

В комнате сидели и стояли в принужденных позах наши старые знакомцы дед Джеймс и дед Уильям, возчик, мистер Пенни, трое ребятишек - в том числе Джимми и Чарли, - а сверх того несколько сельских дам и джентльменов из более отдаленных мест, которых нет надобности называть по именам. Из дому было видно и слышно, как Джеффри хлопотал в пристройке и в саду, стараясь в этот день пораньше отделаться от повседневных дел и забот. Рукава его рубашки были закатаны, и рабочий фартук до поры до времени закрывал новые, парадные брюки, в которые он облачился с самого утра. Бегло оглядев улы не роятся ли пчелы, - он наконец раскатал рукава и вошел в дом; разговаривая с возчиком Дьюи, Джеффри, чтобы не терять времени, застегивал манжеты, затем поднялся вверх, надел новый жилет, снова спустился вниз и, застегивая на ходу жилет, продолжал начатый разговор, уставившись в лицо возчику словно перед ним было зеркало.

Количество мебели в комнате до крайности уменьшилось - убрали те предметы обстановки, которых было по два, в том числе и часы Томаса Вуда, и Изикиел Сондерс наконец остался единственным судьей во всем, что касалось времени.

Фэнси еще не выходила, в своей комнате наверху она надевала все те одежды и украшения, какие полагались невесте, и скорее нервно, чем весело, посмеивалась в ответ на замечания, миссис Дьюи и миссис Пенни, которые помогали ей одеваться, потому что миссис Дэй, сославшись на головную боль, заперлась с самого утра у себя в спальне. У миссис Пенни с каждого виска спускалось по девять закрученных штопором локонов, и гребень торчал на макушке, словно замок на скале.

Разговор шел об оглашении, в последний раз состоявшемся в прошлое воскресенье.

- И как прозвучали наши имена? - лукаво спросила Фэнси.

- Чего уж там, - отвечала миссис Пенни. - Сроду не слыхивала ничего лучше.

- Ну а как же все-таки?

- Ах, до того мило, до того хорошо, правда ведь, Рейбин? - крикнула миссис Пенни вниз возчику через незаделанную щель пола:

- Что такое? - откликнулся возчик, вопросительно глядя на потолок.

- Правда ведь, оглашение Дика с Фэнси в прошлое воскресенье прозвучало очень хорошо? - снова донесся сверху голос миссис Пенни.

- Еще как, ребятки! Особенно в первый раз. А уж как вся паства зашепталась - просто страх, верно, сосед Пенни? - сказал возчик, подхватывая нить разговора и обращаясь к сидевшему в двух шагах от него мистеру Пенни очень громко, чтоб его услышали наверху.

- Просто не могу припомнить, чтобы когда еще так шептались, - отвечал мистер Пенни, тоже очень громко, - пусть слышат наверху. - А девушки от зависти даже в лице переменялись. Право слово, сроду не видал, чтоб так завидовали невесте.

Лицо Фэнси то и дело вспыхивало румянцем; а сердце то и дело трепетало от радости.

- Да, может, это только потому, что в ту минуту никто не молился? сказала она с притворным равнодушной.

- Ну, нет, ничего подобного. Все из-за вашего высокого положения. Они так переполошились, будто застали Дика, когда он, обнимал и целовал вас. Правда, миссис Дьюи?

- Вот, вот, похоже на то.

- До чего же любят люди судачить про других! - воскликнула Фэнси. - Да ведь, милая, коли вы сложили про себя песню, чего же винить тех, кто ее распевает?

- Господи! Как я все это выдержу? - снова вымолвила невеста, на этот раз обращаясь лишь к находившимся в ее комнате женщинам. Лицо у нее пылало, широко раскрытые глаза блестели, она дышала тяжело и прерывисто.

- Отлично все выдержишь, детка, - спокойно отвечала миссис Дьюи. Самое страшное - когда за тобой приезжают, чтоб ехать в церковь, а уж когда идешь к алтарю, откуда только храбрость берется. Я сама через все это прошла и глазом не моргнув, хотя, само собой, опустила очи долу и приняла скромный вид, как оно и подобает девушке. И ты смотри про это не забудь, Фэнси.

- А я, как сейчас помню, входила в церковь смиренная, будто овечка, подхватила миссис Пенни. - Да ведь Пенни, вы знаете, какой коротышка. Но, само собой, внутри-то у меня все дрожало. Ну, думаю, чему быть, того не миновать! Вот и вы скажите таким же манером: "Чему быть, того не миновать!"

- Неужели в словах "чему быть, того не миновать" такая удивительная сила? - спросила Фэнси.

- Еще бы! Если только скажете с верой, то и не заметите, как обвенчаетесь.

- Ну, если так - хорошо, - сказала Фэнси, вспыхнув. - Чему быть, того не миновать!

- Ай да невеста - не посрамит жениха! - сказала миссис Дьюи.

- Надеюсь, он придет вовремя! - продолжала невеста, придумывая новую причину для тревог, раз предыдущая была опровергнута.

- Страх как будет жалко, если он не придет, коли вы уж так расхрабрились, - сказала миссис Пенни.

Дед Джеймс, уловивший обрывки разговора женщин, громко промолвил внизу озорным голосом:

- А я помню такие случаи, когда жених и вовсе не являлся на свадьбу.

- Да, верно, бывало раньше и такое, - подхватил мистер Пенни, протирая стекла очков.

- Ах, вы только послушайте, что они там внизу говорят, - зашептала Фэнси. - Тише, тише! Она прислушалась.

- Всякое бывало, ведь правда, Джеффри? - продолжал дед Джеймс, обращаясь к вошедшему Джеффри.

- Что бывало? - спросил Джеффри.

- Да когда жених не являлся в церковь.

- А то как же, - отвечал лесник.

- Вот я и говорю, один раз было так, что свадьба не состоялась, потому что жениху невеста надоела, он взял и не явился. А в другой раз жених шел лесом и попал в капкан и три месяца провалялся в постели, пока не поправился, так что пришлось делать оглашение снова.

- Какой ужас! - воскликнула Фэнси.

- Да они это нарочно, милочка, чтобы подразнить тебя, - сказала миссис Дьюи.

- Прямо жалость берет, как подумаешь, чего только не проделывают с бедными невестами, - опять донеслось снизу. - Послушали бы вы моего шурина

причетника Уилкинса, - чего он только не нагляделся за тридцать-то лет, присутствуя при венчаниях, - то одно стрясется, то другое, горе одно, прямо волосы встают дыбом.

- По-моему, такие случаи бывают не часто, - с затаенной тревогой заметила Фэнси.

- Да, право, пора бы уж Дику быть тут, - сказал возчик.

- Хватит вам изводить меня, дедушка Джеймс, и мистер Дьюи, и все вы там внизу! - не стерпев, вспылила Фэнси. - Если вы не замолчите, я умру со страху или что-нибудь натворю!

- Да не слушайте вы этих старых греховодников! - крикнул только что вошедший в комнату шафер Нэт Колком, обращаясь, как и остальные, к щелям в потолке. - Все в порядке: Дик летит как на крыльях, сию минуту будет тут. Он уже выходил из дому, как вдруг в том улье, что ему дала мать для нового сада, пчелы стали роиться. Он и говорит мне: "Не упускать же пчел; надо их поймать, хотя сейчас оно совсем некстати, да и Фэнси нипочем не одобрит такого убытка". Вот он и задержался, чтоб поймать и стрясти пчел.

- Воистину умный человек, - сказал Джефффри.

- Ну еще бы. А уж как нам пришлось вчера поработать! - продолжал мистер Колком гораздо тише, видимо полагая, что этого женщинам наверху слышать незачем, и вытер лицо чистым уголком своего лучшего носового платка. Здорово поработали.

- Вещи-то, поди, тяжеленные, - заметил Джефффри, глядя в окошечко камина и словно читая там эти слова.

- Это да. - Нэт оглядел места, где вчера еще стояла вынесенная мебель. - А тащить-то было до чего несподручно. Сначала через сад Дика, потом в дверь, потом вверх по лестнице, потом по комнатам; под конец прямо руки-ноги отнялись, да ведь Дику хотелось, чтобы все было чин чином. А уж еды и питья всякого

наготовили - на весь Ноев ковчег хватило бы! Лучше тех окороков, что копятся у них на кухне, и не сыщешь; и сидра тоже я отведал - прямо хоть куда! Крепче не бывает.

- Жить им в любви и достатке. А тебя, негодника, уж и жадность одолела! - сказал дед Джеймс.

- Хорошо, коли так. Вот я и говорю: "Эта парочка напасла столько вещей и еды, что можно подумать, будто они начинают с другого конца - уже обзавелись большой семьей". Ну так вот, с нас обоих семь потов сошло, пока мы расставили мебель по местам!

- И чего это потолок в нижней комнате не оштукатурили, - сказала Фэнси, все еще одеваясь, - каждое слово слышно.

- Батюшки! Кто ж это? - ахнула маленькая помощница Фэнси, которая, к великому своему удовольствию, в это утро тоже помогала одевать Фэнси. Она сбежала на несколько ступенек вниз и свесилась через перила.

- Ах, да поглядите же, поглядите! - воскликнула она, вернувшись в спальню.

- На что? - спросила Фэнси.

- Поглядите на подружек! Только-только вошли! И чудо как одеты! Что только можно сделать из муслина! Да их просто узнать нельзя, как будто это и не они, а их богатые сестры, про которых у нас никто не знал!

- Зови их скорей сюда, пускай идут вверх! - в восторге закричала Фэнси; и четыре выбранных подружками девицы, а именно: мисс Сьюзен Дьюи, мисс Бесси Дьюи, мисс Вашти Снифф и мисс Мерси Онми поднялись по лестнице и проплыли по коридорчику в комнату.

- Пора бы уж Дику прийти! - снова забеспокоилась Фэнси.

В это самое мгновение в открытое окно влетела веточка с цветком, и мужской голос крикнул: "Фэнси,

дорогая, ты готова?"

- Вот он, вот он! - обрадовалась Фэнси, нервно рассмеявшись, и впервые за все утро вздохнула с облегчением.

Подружки, столпившись у окна, все, как одна, повернулись в ту сторону, где стоял Дик; восемь сережек при этом дружно качнулись в лад; не то чтоб девушкам так уж хотелось взглянуть на Дика, но они сочли это своим священным долгом, будучи послушными исполнительницами воли божественного существа невесты.

- Вид у него завлекательный! - сказала мисс Вашти Снифф, юная девица, которая вечно краснела и носила капор с желтыми лентами.

Дик подходил к крыльцу в новом с иголки костюме, который его явно стеснял, в такой же мучительно новой шляпе, и в бледно-желтом жилете; ради торжественного случая он подбрил баки короче обычного, а волосы подстриг совсем коротко.

- Я побегу вниз, - сказала Фэнси и, взглянув через плечо в зеркало, выпорхнула из комнаты. - Ах, Дик! Как я рада, что ты пришел! Конечно, я знала, что ты придешь, но вдруг подумала - а что, если нет?

- Это я-то не приду, Фэнси?! В жару или в дождь, в метель или в бурю, я все равно был бы тут, перед тобой! Что это ты растревожилась? Раньше с тобой никогда такого не случалось.

- Ах, мистер Дик, ведь раньше я была свободной пташкой, никакая клятва меня не связывала, - отвечала Фэнси.

- Жалко, что мне нельзя жениться на всех пятерых, - сказал Дик, оглядывая девушек.

- Хи-хи-хи! - прыснули четыре подружки, а Фэнси незаметно погладила Дика по плечу, словно желая убедиться, что он и в самом деле тут, рядом, и принадлежит ей одной.

- Ну кто бы мог подумать! - обратился Дик к старшим и, сняв шляпу, опустился на стул.

Физиономии гостей выразили полнейшее согласие с тем, что никто такого не мог бы подумать - о чем бы ни шла речь.

- И надо же, чтобы мои пчелы вздумали роиться как раз сегодня! продолжал Дик, охватывая своих слушателей выразительным взглядом, словно сетью. - Да и рой какой хороший: самый лучший рой за последние десять лет.

- Отличная примета, - изрекла умудренная годами миссис Пенни, отличная примета.

- Кажется, все идет хорошо, я так рада, - с облегчением вздохнула Фэнси.

- И мы тоже рады, - сочувственно подхватили все четыре подружки.

- Да, с пчелами мешкать нельзя, - заметил дед Джеймс, - жениться можно когда хочешь, а пчелы по заказу не роятся.

Дик несколько раз обмахнулся шляпой.

- Никак не возьму в толк, чем это я обидел мистера Мейболда, задумчиво сказал он, - я ведь его очень уважаю. С самого начала, как он к нам приехал, я ему как будто пришелся по душе, он сам говорил, что был бы рад, если б я женился, и что охотно обвенчает меня, все равно, будет девушка из его прихода или нет. Я и намекнул ему на это, когда просил сделать оглашение, но он, видно, совсем не расположен нас венчать, я и замолчал. Не знаю, что бы это могло значить?

- И правда, что бы это могло значить? - сказала Фэнси, устремив в пространство взгляд своих красивых глаз - слишком нежных и красивых для жены возчика, пожалуй, только не слишком добрых.

- Не иначе как передумал, с кем не бывает, - решил возчик. - Ну, ребятки, и народу же сегодня соберется поглядеть на нас!

- Женщин в церкви набьется полным-полно, - подхватил Джеффри, - а уж ребячьи рожицы, вернее, одни только глаза, видны будут над всеми подоконниками.

- Кому и знать, как не вам, - вы ведь дважды это претерпели, - сказал Рейбин.

- Я не против это претерпеть и раз и два, да хоть и все десять, сказал Дик.

- Ах, Дик! - с укоризной проговорила Фэнси.

- Да ведь я ж это, дорогая, только ради красного словца. Почему тебя сегодня все так пугает?

- А уж потом, когда венчание кончится, - продолжал возчик, - мы, само собой, встанем парами и обойдем весь приход.

- А как же! - подхватил мистер Пенни. - Парочка за парочкой, и каждый со своей женушкой.

- Я ни за что не хочу выставлять себя напоказ! - заявила Фэнси и посмотрела на Дика - что скажет он.

- Так и будет, как захочешь ты и вся компания! - сердечно отвечал ей мистер Ричард Дьюи.

- Ведь и мы, Энн, когда поженились, проделали все честь честью, сказал возчик, - да и все так поступают, верно, ребятки?

- И мы тоже, - сказал отец Фэнси.

- И мы с Пенни тоже, - сказала миссис Пенни. - Помнится, я надела свои новые башмаки на деревянной подошве, а Пенни рассердился, - я в них стала много выше ростом.

- И отец с матушкой тоже, - сказала мисс Мерси Онми.

- А на будущих святках и я тоже обойду весь приход! - выразительно сказал шафер Нэт и посмотрел на мисс Вашти Снифф.

- Порядочные люди нынче этого уже не делают, - сказала Фэнси. - Но я согласна, если даже покойница мака...

- А мы поженились во вторник на троицу, - продолжал возчик. - В тот самый день устраивал шествие и Меллстокский клуб, и мы с Энн, после венчания, прошлись по нашему приходу следом за ними. В те времена на троицу одевались в белое. Белые штаны, ребята, что тогда на мне были, и посеиас хранятся у нас в сундуке. Верно ведь, Энн?

- Хранились, пока я их не переделала для Джимми, - отвечала миссис Дьюи.

- А как обойдем свой приход, надо будет пройтись по Верхнему и Нижнему Меллстоку да заглянуть к Вайни, а потом опять сюда, - сказал мистер Пенни, возвращаясь к сути дела. - Молочник Вайни - человек всеми уважаемый, да и фермер Кекс тоже, надобно и им показаться.

- Правильно, - сказал возчик, - надо обойти весь Меллсток, чтоб все было как полагается. А ведь будет на что посмотреть, как мы все пойдем парочками, друг за дружкой, верно, соседи?

- Само собой, людям будет на что полюбоваться, - молвила миссис Пенни.

- Ба! - Возчик вдруг заметил на пороге странную фигуру, облаченную в длинный белоснежный балахон, сшитый наподобие наволочки. - Да ведь это Лиф! Тебе чего тут понадобилось?

- Да вот, пришел узнать, нельзя ли и мне посмотреть на свадьбу, хи-хи, - робко вымолвил Лиф.

^- Ну что ты, Лиф, - с укором заговорил возчик, - ведь ты и сам знаешь, сегодня ты здесь совсем лишний.

- Постыдился бы, Томас Лиф! - сказал старик Уильям.

- Да я знаю, что я бестолковый, только я подумал, коли умоюсь да надену чистый балахон и рубаху, то, может, мне тоже можно будет прийти, - весь дрожа, проговорил Лиф и, опечаленный, повернулся к двери.

- Бедняга! - сказал возчик, обращаясь к Джеффри. - А может, пусть идет вместе с нами? Вид у него неказистый, да и голова плохо варит, но в тюрьме он ни разу не сидел и вреда от него никакого.

Лиф благодарно взглянул на вступившегося за него возчика, а затем, боязливо, на Джеффри, - как на него действуют эти похвалы.

- Ну да пусть его идет, - решил Джеффри. - Так и быть уж. Лиф, милости просим!

И Лиф остался.

Теперь все уже были готовы выйти из дому, и процессия стала строиться в таком порядке: Фэнси с отцом, Дик и Сьюзен Дьюи, Нэт Колком и Вашти Снифф, Тед Вейвуд и Мерси Онми, Джимми и Бесси Дьюи. Все эти лица должны были присутствовать в церкви, и все они были одеты как полагается. Затем следовал возчик с миссис Дьюи, а позади всех - мистер и миссис Пенни; возчик привлекал всеобщее внимание перчатками громадного размера - одиннадцать и три четверти, - которые выглядели на его загорелых руках особенно нелепо и издали казались побеленными боксерскими перчатками; это свидетельство респектабельности украшало его особу впервые в жизни (и то по настоятельной просьбе Фэнси).

- Подружки должны бы идти все вместе, - предложила Фэнси.

- Что? В мое время молодые люди всегда шли с девушками под ручку! возразил удивленный Джеффри.

- И в мое тоже! - сказал возчик.

- И в наше! - подхватили мистер и миссис Пенни.

- Сроду не слыхал, чтоб женщина шла с женщиной! - сказал дед Уильям, который оставался дома вместе с дедом Джеймсом и миссис Дэй.

- Как будет угодно тебе и всей компании, моя радость! - сказал Дик, который, собираясь утвердить свои права на Фэнси, по-видимому, был готов с

величайшим удовольствием отказаться от всех прочих прав.

И решать этот вопрос предоставили Фэнси.

- Хорошо, пускай все будет так, как было при венчании мамы, - сказала она, и пары двинулись вперед, под сенью деревьев, каждый кавалер со своей дамой.

- Интересно бы знать, о чем она сейчас думает больше - о Дике или о своем свадебном наряде? - заметил дед Джеймс деду Уильяму, когда все ушли.

- Такова уж женская натура, - отвечал дедушка Уильям. - Вспомни, что говорил пророк Иеремия: "Разве может девушка позабыть свои украшения, а невеста - свой свадебный убор?"

И вот, пройдя под сумрачными стройными елями, похожими на колонны кафедрального собора, через ореховую рощу, пестреющую первоцветами и дикими гиацинтами, под яркой молодой листвой развесистых буков, они вышли на дорогу, которая как раз в этом месте спускалась с холма к деревне, где находилась церковь, и через четверть часа Фэнси стала уже миссис Ричард Дьюи, хотя, к своему удивлению, чувствовала себя все той же прежней Фэнси Дэй.

Обратно шли кружным путем, тропками через поля: смех и болтовня не умолкали, особенно развеселились, когда подошли к проходу через зеленую изгородь. Дик вдруг увидел вдали, на поле брюквы темное пятно.

- Да ведь это Енох! - сказал он Фэнси. - То-то я утром заметил, что его не видно. Почему ж это он от вас ушел?

- Он выпил слишком много сидра, ему ударило в голову, и его посадили в колодки. Отцу пришлось нанять па несколько дней другого человека, и больше Енох к нему не вернулся.

- Уж сегодня-то можно бы позвать его к нам. Подумаешь, посидел разок в колодках. Ведь сегодня

наша свадьба.

Свадебной процессии дали команду остановиться.

- Е-но-о-ох! - крикнул что было мочи Дик.

- Я-а-а! - откликнулся издали Енох.

- Узнаешь, кто-о я?

- Не-е-ет!

- Дик Дьюи-и-и!

- А-а-а!

- Только что женился-а-а!

- А-а-а!

- Это моя жена Фэнси-и! (Тут он приподнял Фэнси и показал ее Еноху, словно букет цветов.)

- А-а-а!

- Приходи вечером на свадьбу-у-у!

- Не могу-у-у!

- Отчего-о-о-о?

- Я у них больше не работаю-у-у!

- Не очень-то красиво со стороны мистера Еноха, - заметил Дик, когда они двинулись дальше.

- Не надо на него сердиться, - сказал Джефффри, - он сейчас не в себе: поутру он всегда такой. А как выпьет галлон сидра или эля, либо пинту-другую меда, так опять человеком делается и вести себя может не хуже всякого другого.

II

ПОД ДЕРЕВОМ ЗЕЛЕНЫМ

На том месте, где кончалась усадьба Джефффри Дэя и начинался лес, стояло старое-престарое дерево, не очень высокое, но с необычайно развесистой кроной. Не одна сотня птиц появилась на свет в гуще ветвей одного только этого дерева; полчища зайцев и кроликов из года в год обгладывали его кору; причудливые наросты моха вылезли из трещин на его ветвях; бесчисленные семейства кротов и земляных червей копошились между его корнями. Под сенью этого дерева расстилалась заботливо ухоженная лужайка,

которая предназначалась для прогулок цыплят и фазанчиков, чьи мамы сидели в клетках, установленных здесь же, на зеленой лужайке.

Сейчас все эти клетки были убраны, и, по мере того, как день клонился к вечеру, гости собирались на лужайке, где до самой ночи, ни на минуту не переставая, шли танцы, слышалась музыка и пение. Все было крайне благопристойно благодаря сдерживающему влиянию Фэнси, которая к тому же строго наказала своему отцу и свекору в разговоре не обращаться к гостям на "ты", потому что на современный вкус это звучит оскорбительно, а осушив стакан, не вытирать рот рукой, - Фэнси заявила, что этот самый старинный из местных обычаев окончательно отмирает в высших слоях общества.

Кроме своих местных музыкантов, из деревушки Тантрум-Кленгли, жители которой искони славились искусством игры на ударных инструментах, пригласили большого мастера игры на тамбурине. Этим важным гостей поместили на небольшом возвышении, сооруженном из уложенных на бочонки досок. Пока шли танцы, гости постарше сидели под деревом, у самого ствола, защищенные столами от каблуков танцоров, хотя молодежь не без сожаления уступила старикам это место - им не хватало простора для пируэтов. Старички и старушки, для которых дни веселых плясок давно миновали, рассказывали под сенью дерева занимательнейшие истории, а в перерывах смотрели из своего убежища на то приближавшиеся, то удалявшиеся пары, подобно зрителям, наблюдающим с берега морское сражение, а потом снова принимались рассказывать свои истории. Плясуны, в перерывах между фигурами бросавшие взгляды на старичков, сидевших под деревом, могли догадаться - музыка и шум голосов не позволяли ничего расслышать, - что речь шла о чем-то весьма занимательном, до того

красноречиво разводил рассказчик руками, прищелкивал пальцами и поджимал губы, завораживая своим взглядом слушателей никак не меньше, чем на целых четверть минуты; и порой на физиономиях слушавших отражалось такое, что иной танцор был не прочь оказаться поближе к дереву, чтобы узнать, о чем же это там рассказывают.

Фэнси - насколько позволял ей шестичасовой опыт пребывания в женах старалась выглядеть солидной матроной, чтобы присутствовавшие на свадьбе незамужние молодые особы как следует почувствовали разницу между ее положением в обществе и их собственным; время от времени она с восторгом поглядывала на свою левую руку, но делала это незаметно для других, - ей хотелось показать, что, хотя она и занимает в глазах всех прочих совсем особое место, сама она об этом вовсе не думает, и если ее столь чудесно украшенная рука, подавая чашки, блюда, вилки и стаканы, то и дело оказывается на виду, то происходит это по чистой случайности. Само собой разумеется, что столь опытной замужней женщине было совершенно чуждо стремление вызвать в душе незамужних подруг чувство зависти, выставляя напоказ сверкающее обручальное кольцо. Что же касается Дика, то у него не хватало воображения так быстро освоиться с новым положением. Вот уже целых два часа он старался почувствовать себя молодоженом, но чувствовал только одно: его, Дика Дьюи, сына возчика, пригласили на вечеринку, устроенную лесником лорда Уэссекса в своем доме в Иелбери, и вот он танцует и болтает с мисс Фэнси Дэй.

Пять сельских кадрилией, среди них "Спешите на свадьбу", два шотландских танца, три песенки, сыгранные на волынке, - и вот уже пришло время садиться за стол, который из-за вечерней сырости - лето только еще начиналось накрыли в доме. После

окончания трапезы Дик пошел запрягать лошадь, а Фэнси с двумя старшими: подружками поднялась вверх переодеться для поездки в новый дом Дика близ Меллстока.

- Долго ты будешь надевать шляпку, Фэнси? - спросил Дик с нижней ступеньки лестницы.

Теперь он был человек женатый, вел дело самостоятельно и потому, дорожа каждой минутой, разговаривал с более значительным видом и кивал с большей солидностью.

- Одну минутку.

- А если точнее?

- Ну минут пять, милый.

- Вот, ребятки, - вздохнул возчик, когда Дик удалился. - Уж так эти женщины умеют устраиваться - из-за них мы страдаем, вечно приходится ждать, и время из-за них теряешь и деньги.

- Что верно, то верно, не сойти мне с этого места, - с сердцем сказал Джефффри.

- Послушать тебя, Джефффри, так у тебя, видать, наболело.

- Это всякому ясно, кто знает мою жизнь.

- А что она сейчас поделявает?

- Наводит наверху порядок в шкафах и комодах, да стирает пыль с фарфора. Такую уборку устраивают раз в год. "Уж если что положено сделать, говорит, то я и сделаю - свадьба там или не свадьба".

- Сдается мне, в душе она женщина очень хорошая.

- Ну, да только попробуй, доберись до этой души! Миссис Пенни повернулась к мужчинам:

- Всем нам порой приходится несладко, но все-таки у Дика с Фэнси счастья, надо полагать, будет не меньше, чем у других молодых.

- Против этого ничего не скажешь. Тут подошла миссис Дьюи, она обращалась к одному из гостей, смотрела же на другого:

- Что ж, почему бы им и не жить счастливо? Так оно и бывает, коли молодые подходят друг другу и поют в лад, как наши Дик и Фэнси.

- Если в кармане у них будет пусто - не очень-то они запоют, - сказал дедушка Джеймс.

- Я скажу вам, друзья, когда человеку приходится туго, - начал возчик. - Это когда у старшей дочери башмаки всего на номер меньше, чем у мамыши, а остальной выводок идет за ней следом. Несладко приходится тогда отцу, ребятки, ох, как несладко! Всякая спесь мигом слетит,

- Верные твои слова, - вступил в разговор мистер Пенни, - а когда колодки матери и дочери даже на глаз не отличишь, то дело совсем плохо.

- Тебе-то, Рейбин, грех жаловаться, что в нашем выводке один догонял другого, - сказала миссис Дьюи. - Видит бог, они шли с передышкой.

- Знаю, знаю, - отвечал возчик, - ты у меня молодец, Энни.

Миссис Дьюи собралась было улыбнуться, да раздумала.

- А коли дети идут друг за дружкой, тут уж ничего не поделаешь, сказала миссис Пенни, у которой дело обстояло совсем не так, как в семье возчика. - Были бы денежки, все можно вытерпеть. А уж наши молодые сумеют заработать.

- Да, это можно! - вдруг раздался взволнованный голос Лифа, который до этой минуты скромно наслаждался всем происходящим, сидя в уголке. Заработать можно: для начала нужно всего несколько фунтов. И только! Я знаю одну такую историю.

- Что ж, давай, Лиф, послушаем твою историю, - сказал возчик. - Вот уж не думал, что у тебя хватит ума рассказывать истории. Тише, давайте потише! Мистер Лиф расскажет нам историю.

- Рассказывай свою историю, Томас Лиф, - сказал дед Уильям тоном школьного учителя.

- Жил-был однажды человек, - не совсем уверенно начал польщенный Лиф, и жил он в своем доме. Он все думал да думал - днем и ночью. И наконец сказал сам себе, как и я мог бы сказать: "Мне бы только десять фунтов, уж я бы разбогател". И наконец всеми правдами и неправдами, глядь - раздобыл он десять фунтов!

- Подумать только! - с усмешкой бросил Нэт Колком.

- Тише! - одернул его возчик.

- Теперь-то и пойдет самое интересное! Раз-два! - и из десяти фунтов стало двадцать. Раз-два - и стало сорок. Дальше больше, глядь - стало восемьдесят, а там и все сто. Мало-помалу, вот уж вам и двести! Вы, может, не поверите, только он нажил и все четыре сотни. Дальше больше - и что же? Из четырех сотен у него стало восемь! Да, восемь! - продолжал Лиф и, совсем разволновавшись, стукнул себя по колену кулаком так крепко, что вздрогнул от боли. - Но он и тут не уgomонился, пока не нажил всю тысячу!

- Вот это да! - воскликнул возчик. - Почтище чем вся история Англии, верно, ребятки?

- Спасибо тебе за рассказ, Томас Лиф, - сказал дед Уильям, и Лиф снова стушевался.

Дик с молодой женой уезжали в новехонькой рессорной коляске, которой только что обзавелся молодой возчик, и вслед молодым бросали старые башмаки, пили за их здоровье, что-то весело им кричали. Луна только-только пошла на убыль, и молодым совсем не нужны были фонари. Они медленно ехали по долине Иелбери, мимо тянувшихся по обе стороны дороги роц. Дик разговаривал со своей спутницей.

- Мы с тобой, Фэнси, оттого так счастливы, что между нами полное доверие, - говорил он. - С тех самых

пор, как ты мне призналась, что немножко пококчетничала у реки с Шайнером (да и какое это кокетство), я все думаю, какая ты, значит, бесхитростная и хорошая, раз сказала мне про такой пустяк, да еще так при этом волновалась. С тех пор я и решил - ни одного поступка и ни одного слова от тебя не скрывать. У нас ведь не будет, радость моя, секретов друг от друга? Правда? Совсем не будет?

- С сегодняшнего дня - ни одного, - сказала Фэнси. - Послушай! Что это?

Неподалеку в чаще вдруг зазвучала прозрачная мелодичная трель:

- Типпи-уит! Суит! Ки-и-и! Иди сюда, иди сюда, иди сюда!

- Ах, это соловей! - прошептала Фэнси и вспомнила один секрет, который она никогда никому не откроет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Роман "Под деревом зеленым" был написан в первой половине 1871 года. Гарди послал рукопись в издательство Мак-Миллана, но, получив ответ с подробным разбором романа, ошибочно понял его как отказ. Книга вышла в июне 1872 года в издательстве "Братья Тинсли", ранее опубликовавшем первый роман Гарди "Отчаянные средства". Роман "Под деревом зеленым" был встречен положительными отзывами печати. Издатель, однако, жаловался, что книга плохо расходуется, хотя в том же 1872 году известное издательство Таухница, выпускавшее в Германии произведения писателей разных стран на языке оригинала, приобрело право издания романа Гарди, что было косвенным свидетельством успеха книги. Любопытно, что Тинсли, уплативший Гарди за право издания тридцать фунтов стерлингов, впоследствии, в 1875 году, когда Гарди захотел "выкупить" свой роман, потребовал триста фунтов. Оба романа Гарди вышли в издательстве Тинсли анонимно. Впервые открыло

читателям имя Гарди американское издание романа "Под деревом зеленым" 1873 года. "Братья Тинсли" выпустили иллюстрированное издание романа с указанием имени писателя в 1876 году.

Первоначально, в рукописи, роман назывался "Меллстокский хор". Это название было заменено начальной строкой песни "Под деревом зеленым" из комедии Шекспира "Как вам это понравится". В дальнейшем название "Меллстокский хор" было восстановлено как подзаголовок. Первоначальный подзаголовок рукописи "Сельские картинки в духе голландской школы" остался как в первом, так и в последующих изданиях. Некоторые исследователи творчества Гарди объясняют изменение заглавия "модой того времени". В действительности же обращение к шекспировской строке связано с одной из существенных сторон этого романа и всего творчества Гарди. "Меллсток" (как в дальнейшем "Уэссекс"), по Гарди, не столько географическое понятие, сколько историческое и социальное, символ "старой веселой Англии". Именно поэтому изменение заглавия было оправдано, хотя сам Гарди в предисловии к изданию 1912 года писал, что название "Меллстокский хор" "больше соответствовало бы содержанию".

По словам Гарди, "герои этого романа о старинном меллстокском хоре и его музыкантах... списаны с натуры". Прообразом меллстокского оркестра послужил церковный оркестр Стинфорда, основанный дедом Томаса Гарди. В романе много описаний реальных мест и предметов, в него вошли и воспоминания детства, и семейные предания. Знаменитые нотные тетради меллстокских музыкантов, в которых с одного конца записаны псалмы, а с другого веселые песенки и танцы, - это сохранившиеся в семье Гарди нотные тетради деда и отца писателя.

Но, несмотря на все эти любовно выписанные подробности местного быта и нравов, "Меллсток" Гарди, по существу, не менее условен, чем Арденнский лес в комедии Шекспира. "Под деревом зеленым" ищут герои Шекспира свободу, защиту от зла и несправедливости. Меллсток в романе Гарди - такое же убежище от зла и несправедливости.

Гарди не только подчиняет "описания с натуры" авторской трактовке. В случае необходимости он отступает от непосредственной точности и правдоподобия. Так, орган, о котором идет речь, появился, по утверждению специалистов, не в то время, к которому относится действие романа, а значительно позже. Но это смещение во времени не мешает убедительности сюжетного конфликта.

Меллстокский хор - коллективный герой повествования, выступающий в защиту здоровых традиций патриархального уклада от разрушительных новшеств буржуазной цивилизации. Однако побеждают противники хора и его традиций. Достаточно желания молодого священника повой формации и богатого фермера церковного старосты угодить хорошенькой девушке, чтобы распустить старинный церковный оркестр и заменить его органом. Орган, лишаящий сельских музыкантов радости коллективного творчества ("немаловажного средства объединения интересов", как писал Гарди в авторском предисловии), предстает в романе как символ тех разрушительных сил, которые наступают на гармоничный и поэтический Меллсток. Опасность грозит светлому миру Меллстока не только извне, но и изнутри - меняется духовный облик личности. Героиня романа по сюжету остается в кругу простодушных жителей Меллстока, но по характеру она выходит за пределы этого круга. Человеком иного склада делает ее не столько соблазн богатства, сколько соблазн - в более поздней

терминологии "красивой жизни", страстное желание перейти в другую, более высокую социальную сферу. Перед лицом этого стремления любовь становится слабой и незащитной - избранник сердца, промокнувший под дождем, выглядит в глазах героини жалким по сравнению с пастором под шелковым зонтом. И если Фэнси Дэй преодолевает искушение, то не из добрых чувств, а под давлением окружающих ее традиций добропорядочности, которые она не осмеливается преступить. Твердая решимость Фэнси сохранить в тайне от мужа предложение пастора Мейболда и свое согласие также обнаруживает характер, далекий от сельской простоты и наивности.

В романе "Под деревом зеленым" намечено многое из того, что в дальнейшем было развито в цикле "узссекских романов". "Под деревом зеленым" - первый из романов Гарди, посвященных сельской, патриархальной Англии. В нем уже проявился интерес писателя к "старинным характерам" людей из народа, с их нравственной стойкостью, естественным чувством правды и справедливости, проступающим сквозь невинные слабости и забавные чудачества. Именно душевный строй людей, живущих "под деревом зеленым", более всего привлекает внимание Гарди. Героиня романа Фэнси Дэй - первоначальный эскиз прославленных жопских характеров Гарди.

Мастерство детали, особенно психологической, свойственное более поздним произведениям Гарди, видно уже и в этой книге. Пейзаж, еще автономный, не включенный в действие, написан уже зорким и чутким художником. Но, может быть, самое важное для дальнейшего творчества Гарди - это ирония, в особенности ирония характеров и ситуаций. Драматическая ирония в окончании романа приоткрывает завесу будущего, несущего гибель идиллии "под деревом зеленым".

Обреченность меллстокского островка "старой веселой Англии" еще не стала основой содержания романа. Грозовые тучи намечающейся драмы обходят Меллсток стороной. Этим объясняется необычное для Гарди светлое, мажорное звучание повести. Впоследствии Томас Гарди высказывал сожаление, что не разработал эту тему с большей серьезностью и глубиной. Но хотя молодой Гарди еще не решился разрушить условную гармонию идиллических "сельских картинок", эта гармония все же представляется очень хрупкой.

Концовка романа показывает уже не раннего, а зрелого Гарди: внешне счастливый конец строится на ироническом недоразумении, глубоком внутреннем неблагополучии. Идиллия оказывается основанной на иллюзии, а это предвещает неминуемую трагедию, разрушение патриархальной идиллии.

"Под деревом зеленым" - начальная строка песни в комедии Шекспира "Как вам это понравится" (акт II, сцена 5).

Сколько было раньше струнных оркестров, а теперь наш, почитай, один остался во всем графстве. Куда ни глянь - все шарманки да эти штуки, вроде шарманок, что надо ногой качать. - С конца XVIII века началось вытеснение церковных оркестров механическим органом, затем фисгармонией и, наконец, сконструированным в 1854 году в Бостоне кабинетным органом, который в Англии называли американским органом. Шарманка - упрощенный вид механического органа, поэтому сельские музыканты насмешливо называют церковный механический орган шарманкой. Фисгармония - клавишный духовой инструмент. Мехи фисгармонии раздуваются ножными педалями, этим объясняется презрительное замечание об инструменте, который "надо ногой качать".

Серпент (от франц. serpent - змея) - басовый деревянный духовой инструмент, применявшийся в XVI - начале XIX века. Корпус серпента имел изогнутую, змеевидную форму.

...молодая парочка, по примеру знаменитых влюбленных Пирама и Фисбы, сплетает пальцы через дыру в спинке скамьи. - Герои поэмы римского поэта Овидия (43 г. до н. э. - 17 г. н. э.) Пирам и Фисба переговаривались через щель в стене, так как родители запрещали им видеться ("Метаморфозы", кн. IV).

...и не старалась держаться подальше от куста омелы. - По старинному английскому обычаю на рождество было принято целоваться под кустом омелы, которой украшали дом.

...напоминавший вставленный в раму портрет сапожника кисти какого-нибудь современного Морони. - Морони Джованни Батиста (ок. 1525-1578) - итальянский художник, мастер реалистического портрета. Известная работа Морони "Портрет портного" находится в Национальной галерее в Лондоне.

...собирая со стола чашки коричневого дельфтского фаянса. - Дельфт" город в Голландии, известный производством фаянса.

Иди сюда, иди, сюда, иди сюда! - рефрен песни "Под деревом зеленым".

М. Гордышевская

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)